

ВОЛОГОДСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ

Автограф

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№73 (2)

ВОЛОГОДСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ

Автограф

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ С 1997 ГОДА

№ 2 (73)

Редактор В.А. БОРИСОВ

Редакционный совет:

Л.Н. ВЕРЕСОВ

А.И. СОКОЛОВ

З.Н. КОРОТИНА

Г. А. САЗОНОВ

Вологда
2021

Уважаемые читатели, в Ваших руках 2 (73) номер журнала «Автограф». Выпуск первого «толстого» историко-краеведческого литературно-художественного журнала Вологодского Союза писателей-краеведов не прошел незамеченным. Среди вологжан и гостей города журнал пользовался успехом, особенно во время проведения фестиваля «Рубцовская осень 2021». Ведущей темой предыдущего номера журнала «Автограф» была памятная дата в честь празднования 85-летия Николая Михайловича Рубцова.

Редакция публикует отклик на выход 1 (72) номера журнала «Автограф» председателя Тюменского регионального отделения Союза писателей России Л. К. Иванова:

«Друзья! Молодцы, что возродили журнал «Автограф»! Несмотря на дикую занятость, с большим удовольствием прочитал его от первой до последней страницы.

В связи с юбилеем великого русского поэта Николая Рубцова и круглой датой его трагической кончины неудивительно, что большая часть номера посвящена знаменитому земляку, поскольку не в морских скитаниях, не в Ленинграде – культурной столице России, а именно в родной стороне реализовался он в полной мере как певец русской земли. И эта тема изучена литературоведами ещё далеко не в полной мере.

Нынешним летом я получил в подарок от Леонида Вересова его замечательную книгу «Судьбу мою я ветру доверяю», в которой нашёл много новых фактов из биографии Николая Рубцова, хотя и прежде читал о нём немало. «Автограф» опубликовал материал Леонида Вересова о литературных конкурсах в творческой биографии Н. М. Рубцова и «Почти по Маяковскому: двое в комнате – Рубцов и...»

Очень интересное исследование Геннадия Сазонова «Свет Николы. Об истоках поэзии Николая Рубцова», в котором автор рассказывает о своих поездках по рубцовским местам и встречах с людьми, хорошо знавшими поэта. В том числе с его гражданской женой Генриеттой Шамаховой.

Открывают новые страницы биографии публикации известного вологодского прозаика Сергея Багрова и Галины Прохоровой (Рубцовой), изучившей родословную Рубцовых с середины 17 века.

Хорошая задумка редакции напомнить читателям лауреатов Рубцовских конкурсов и их тогдашние стихи.

Да, по сути, можно перечислять всё опубликованное в номере возрождённого журнала. Журнал не целиком посвящён Николаю Рубцову. На его страницах нашлось место и для других интересных и любопытных материалов по краеведению и насыщенной прозы самого редактора журнала, Виктора Борисова, и Александра Драчёва, и Владимира Четверухина. Последняя публикация меня огорчила. Конечно, не надо забывать трагические страницы истории нашей страны в минувшем столетии, но они, как мне кажется, должны быть в ряду достигнутых невероятными усилиями советских людей достижений, всего того светлого и счастливого, чем тоже можно охарактеризовать век, в котором мы родились и прожили большую часть своего пребывания на этой земле. Говорю об этом как человек, мать которого была репрессирована исключительно по национальному

признаку и отправлена в ссылку в вологодскую глубинку. А мой дядя по отцовской линии был лишён ордена, разжалован из капитанов третьего ранга в матросы, служил в штрафбате, был тяжело ранен, снова дослужился до капитана 1 ранга. Но, должен заметить, не за политику, как это подают очень многие осуждённые в те годы, а за банальную пьяную выходку во время боевых действий в годы Великой Отечественной войны.

Желаю «Автографу» продолжать издаваться, находить на это необходимые средства и публиковать столь же интересные материалы».

Леонид Кириллович Иванов,
*член Союза писателей России, ответственный секретарь
Тюменского регионального отделения Союза писателей России,
главный редактор литературно-художественного журнала «Врата Сибири».*

В журнале «Лад вологодский» № 1 (39) опубликована небольшая заметка под названием «Загадки «Автографа». Название статьи символично, мне самому иногда кажется загадкой существование журнала, выходившего на чистом энтузиазме редакторов с 1997 года, просуществовавшего до наших дней и не растерявшего читательского интереса.

Обложка журнала «Автограф» №2 (73) отражает ведущую тему этого номера – творчество выдающейся русской поэтессы Ольги Александровны Фокиной.

Редакция продолжает публиковать материалы в постоянной рубрике «В мире Рубцова». Рубрика «Памятные даты» посвящена 100-летию Сергея Орлова, 80-летию бабаевского поэта Вилиора Иванова. В журнале широко отображены краеведческие изыскания наших постоянных авторов. Литературно-художественная часть журнала представлена новой прозой и поэзией победителей конкурса Вологодского Союза писателей-краеведов «Тихая моя родина» и других литературно-краеведческих конкурсов проходивших в Вологодской области 2020–2021 гг. Редакция благодарна за выбор нашего журнала автору из Нью-Йорка, предоставившему свои воспоминания о туристическом походе студентов 60-х годов. Уверен, что, на фоне современного расследования, и поиска причин трагедии группы Дятлова, трагедия с дальневосточными студентами тех лет не оставит читателя равнодушными. Читайте наш журнал; будет интересно!

*Главный редактор журнала «Автограф»,
председатель правления РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов»*
Виктор Авенирович Борисов

P.S.

На 59-м году жизни, после продолжительной болезни, скончался Александр Васильевич Кузнецов – известный вологодский краевед, автор более сорока книг и нескольких сотен статей по топонимике, ономастике, историческому краеведению Вологодчины. Уход из жизни А. В. Кузнецова – невосполнимая утрата для всего краеведения Русского Севера. В предыдущем номере журнала «Автограф» была опубликована его статья «Юг течет на Север», а за две недели до ухода из жизни Александр Васильевич подготовил статью «Сакральные камни Вологодчины» для публикации в этом номере журнала. Искренние соболезнования родным и близким, друзьям и коллегам!

Лицо номера

Ольга Алексáндровна Фóкина (род. 2 сентября 1937 года) — советская русская поэтесса, лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1976), Большой литературной премии России (2007). Почётный гражданин города Вологды (2013).

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

(ДЕТСКИЕ ГОДЫ)

Отец мой, Александр Иванович Фокин, родился в деревне Артемьевской нынешнего Корниловского сельсовета, что в Верхнетоемском районе Архангельской области, в 1901 году. Родители его — Иван Прокопьевич и Наталья Лукинична — были потомственными крестьянами. Из шести детей отец был в старших и, вынужденный помогать отцу, поучился в школе только ползимы. Многотерпеливая, трудолюбивая, дружная семья, однако, не могла выбиться из нужды — хозяйство было одним из беднейших. Придя с гражданской войны, в 1923 году отец женился на моей будущей матери — Клавдии Андреевне Копыловой.

Уж как была довольна мама:
— Совсем рядком за «Спартак»
Часом волнушек наломала —
Вернулась с полным кузовком!
А был расчёт — на полудёнок
Субботний, (баней попустясь),
И рада мама, как ребёнок:
— Теперь и вымоемся всласть! —
И, возле лавки бросив полог
На свежемыйтый белый пол,
Велит нам чистить от иголок
Волнушек розовый подол.
Ну, а сама с пучком лучины
Под мышкой, брякнув коробком,
Спешит, на миг забыв кручину,
До бани — с пробегом-бегом! ..
Не видим мы, как мама колет
Дрова, как в каменку кладёт,
От поясничной морщась боли,
Как осторожно воду льёт
В котел, и в тазики, и в шайки,
Мечась к ручью да от ручья,
Готовит щёлок, вьёт мочалки,
Вся уходя в угар и чад.
Не знаем, что дает ей силы
Суметь, спроворить, сноровить,
И вымыть нас — совсем без мыла,
Совсем без хлеба — накормить...

Моя будущая мать поначалу была выдана замуж в село Тимошино за Василия Колпачникова, без любви и согласия, несовершеннолетней девчонкой с надеждой на пословицу: «стерпится — слюбится». Однако не стерпелось, и не слюбилось. После года безрадостного существования молодая Клавдия подала на развод. Уже установившаяся Советская власть встала на ее сторону. И Клавдия вернулась под

отчий кров, по которому по-детски тосковала в более зажиточном, но немилом Тимошине.

Конечно, родители не выгнали ее, но и особой радости от возвращения дочери не испытывали: лишний рот — лишняя забота. За посватавшегося к ней вскоре моего будущего отца — незнакомого парня «из Ёрги» — пошла без сопротивления. Надо было как-то жить. Пошла, хотя в округе, предупреждая, пели:

Не ходите в Ёргу замуж —
Комарам лицо кормить.
Не ходите в Ёргу замуж —
Там корыта делают...

Мать пришла в избу отца девятым человеком. «Не успеешь ложку взять — у блюда донышко видать». Естественно, была ворчунья свекровь, но был и неунывающий балагур-свекор, озорные и временами вредные золовки, но — мягкий, уступчивый, трудолюбивый муж. Спустя несколько лет совместной жизни молодые решили отделиться и, с целью заработать на новый дом, поехали под Архангельск на биржу «Секолес». Мечта их осуществилась: дом, поставленный отцом, в котором родились мои пять братьев и я, стоит до сих пор на краю нашей Казенны.

— Ах, размахнись, — скажу, — рука!
Ах, раззудись, — скажу, — плечо!
...А возле уха на плече —
Сакраментальное: «Зачем?!»
Не твой ли прадед, раззудясь,
Звень — топором по соснам — всласть?
И всласть — корчёвщиком у пней,
И всласть — с сохой по новине?
Не скуп, не узок был замах!
Дымился лен его рубах,
И дом вставал — венец к венцу! —
Под стать трудяге-молодцу.
Свой дом! Свой хлеб! Земля своя!
На ней всходили сыновья,
И — поле к полю, к дому дом
В ряд с отчим — миром да ладом.
И виделось, наверно, им,
Что мы их дело повторим.
...В деревню эту много раз
Водила мама малых нас:
В ней была дюжина домов,
И чуть не в каждом — Копылов:
Иван, Василий, Петр, Андрей...
Крапива в рост, репей, пырей
На месте тех домов теперь...

Я родилась пятым по счету, но желанным ребенком, потому что — наконец-то — девочка! Это было 2 сентября 1937 года. Что запомнилось из раннего детства?

...Меня укачивают в зыбке. Поскрипывает березовый (на нем еще висят легкие шелушинки бересты) очеп, зыбка вверх-вниз, вверх-вниз — взлетает неровно. Мать куда-то торопится и явно сердится. Я это чувствую и упорно не закрываю глаза. Разглядываю потолочину возле матицы: изба наша еще новая, сосновые по-

толочины чисты и солнечны, на одной из них — занимательный круглый сучок с какими-то окружениями и продолжениями. Фантазирую: сучок — колесо, на других потолочинах есть еще такие же «колеса», можно из них сделать деревянную коляску, как у Репиных — семьи ветфельдшера из соседней деревни. Мечта увлекает и успокаивает, качание выравнивается, голос матери, смирясь, нежно и ласково выпевает любимое: «Домик над рекою, в окнах огонек».

Помнится пробуждение... Изба дышит чистотой и влажностью белого, только что вымытого пола, мать щепает лучину, собираясь топить баню. Из зыбки меня достает отец, поцеловав, сажает на плечи и носит по избе, приводя в восторг и ужас такой невероятной высотой. А он и ростом невысок; в отличие от двоюродного брата Ольки-большого, жившего в нашей же деревне, его зовут Олей-маленьким. Но об этом я позже узнаю, а пока — ух как весело это сидение на высоких плечах!

...Что я помню? Зыбку возле печи
Очепок берёзовый качнул,
И родной огромный человеке
На своё плечо меня взметнул:
Из тепла пелёночного — в стужу
Потолочин, в блёстках золотых
Смолки... и меня объемлет ужас,
Сладкий ужас горней высоты.
Но, собрав мои босые ножки
В горсть, отец смеётся: — Не бойсь! —
...Новые — под матицею — ложки
Расписные в связке: счастья близь!
Я ещё тяну ручонки к ложкам,
Но уже низвергнута с высот,
В красном платье синеньким горошком
Отражаюсь в тёмной глубине вод:
На полу (взялась откуда?!) бочка
Родниковой влагою полна!
Мама беспокоится за дочку:
— Перестань! Мала еще она! —
Но меня кунают без опаски
В тёплый омут — аж до головы!
...Мама нынче избу моет к Пасхе:
Лавки, стены, потолок, полы...

Другая светлая картинка: вечер, горит над столом висячая керосиновая лампа. Я, совсем маленькая, бегаю за столом по лавке. Отец, только что пришедший с работы, сидит у края стола на «женской» лавке под зеркалом. Мать топит маленькую печку, готовя ужин.

— Иди-ка, доченька, ко мне. Поцелуешь — гостинца дам,— говорит отец, улы-

баясь мне ласковыми синими глазами.

— Ну, что еще выдумал! Эдакого черного, да усатого, да колючего целовать! — притворно-сердито и чуточку ревниво говорит мать.

Но я уже топочу по крашеной лавке, обнимаю отцовскую шею и целую его действительно колючую щеку. Он, заливаясь румянцем, тут же одаряет меня пряником. А я, безбожно перевирая слова, пою для него «Сулико»:

Я могилу милу искал,
Сердце мне давила тоска...

Такие минуты были несчастными. Отец, бригадир тогдашнего колхоза «Новый Север», редко бывал свободен.

Мне три года. Хлопотное утро.
Хлеб из печи мама достает,
Говоря: — На скатерти покуда
Пусть маленько хлебец отдохнёт,
Поостынет. Будьте осторожней
С ножиком, со спичками. А я
Побегу до вечера на пожню... —

Успевает мама-палея
Щей горшок задвинуть на загнетку,
Таз под раукомойкой сполоснуть,
Под окном шумит уже соседка
С граблями, — торопит маму в путь,
Но, со лба потинки убирая,
На порог — отец:
— Постой чуток!
Я на складе получил у Раи,
Кладовщицы, с пасеки медок! —
И отпластанув ножом краюху,
Он буханку режет на ломти,
И в меду от уха и до уха,
Мы ломти горячие едим...

Это было, было, было, было!

Мать тоже ежедневно уходила на полевые или луговые работы, и в длинные летние дни меня поручали одному из братьев, чаще всего Николаю, который был старше на семь лет. Он добросовестно укачивал меня. Зыбка, в случае моего непослушания, взлетала чуть не до потолка. Иногда выскакивало и с грохотом падало на пол полено, вставленное между очепом и матицей, или обрывался лучок, и я вместе с зыбкой стукалась об пол. Но брат меня утешал, усаживая нас с братишкой Валею на печь, где почти всегда сушилась рожь (за неимением в то время колхозной сушилки общественное зерно развозилось «по печам»), и заводил игру в «винтики-болтики». Игра была такая: кто-то из нас прятал что-нибудь (гайку, винтик) в один из нескольких курганчиков теплого зерна, а остальные должны угадать, какой курганчик с «секретом», и найти спрятанное.

Запах теплого зерна живет во мне неистребимо со времен той далекой игры.

КОЛЯ-МИКОЛАЙ

— Коля, Коля-Миколай,
Сиди дома, не гуляй:
Кашу маленькой сестренке,
Коля, вовремя давай!
...Коле ясный день не мил.
Богом если б Коля был,
Ясный день на день дождливый
Он бы с радостью сменил:
Если небо задожжит,
Мама с пожни прибежит,
Сменит Колю возле зыбки,
Пустит с ровней подружить.
Но какой Микола «бог»?
Зря лишь дразнит Ванька-жох:
Не созвать дождя Миколу,
Только слезы, как горох...
Не поймет, за чью вину
Он все дни сидит в плену —
Ведь ему охота с ровней
В бабки, в прятки да в войну.
— Для чего в войну играть? —
Осердясь, сказала мать, —
На войну — пришла повестка —
Надо батьку собирать!
...Проводили. Жизни — край.
(В прежнюю б теперь — как в рай!)
— Сбегай, Коленька, кусочков
Попроси, пособирай!
Коля сборщик никакой:
На крыльцо — с пустой сумой.
— Не могу. Умру — не буду
Жить с протянутой рукой.
— Ладно, Коля-Миколай,
Значит, лошадь запрягай, —
В школе ручкой напахался,
К ручкам плуга привыкай.
На тринадцатом году
В сенокосном стой ряду,
С коренными мужиками
Наравне страдай страду.
Коля, дровец накопи!
Коля, кольев наруби!
Коля, около колодца
Снег да лед поразгреби!
Коля, крыша протекла!
Коля, дует из угла!

Коля, катанки у младших
Измолочены дотла!
Коля, выкидай навоз!
Коля, дров-то не привез!
Коля, сена — ни сенины!
...Несменяем Колин пост.

У меня были золотые, слегка вьющиеся длинные волосы, было красное платьишко в белый горошек, я пила из блюдечка, на котором была черная курочка с красным петушком. Сидя на солнечном подоконнике, я распевала частушку собственного сочинения:

Под окошечком цветут
Зеленые цветочки.
Мама, любишь ли меня
На сыром окошке?

— Почему это окошко у тебя сырое? — смеясь, спрашивала мать.

Я, не смущаясь, объясняла:

— Я как будто выросла, уехала далеко, ты обо мне плачешь, вот из-за твоих слез окошко и сырое!

У меня была кукла — единственная, большая, подаренная отцом. Но я мало играла ею. Братья обращались с ней не очень-то бережно. И она скоро облысела. Мать снесла ее «на избу», то есть на чердак. У меня было детство...

Я не помню начала войны. Видимо, взрослые сумели по-своему смягчить для нас это известие. Но зимой сорок первого года отца взяли на фронт. От него приходили нечастые, но полные подробностей письма. Вечерами, когда варилась картошка на плитке маленькой печки, мы с братом, рискуя обжечься кипятком и паром, играли в кипящем чугушке «в отца и немца»: лучинка брата — «немец» и моя лучинка — «отец» (или наоборот) барахтались меж варившихся картофелин — это нам представлялось войной. Когда мороз начинал затягивать к вечеру стекла окон тонкими полосками инея, мы глядели на узоры до темноты: воображение подсказывало проволочные заграждения, атаку, окопы, пушки.

Дома стало значительно голоднее. С весны нас с братишкой Валентином определили в колхозный детсад, пребывание в котором было для меня мукой: застенчивая по натуре, я боялась там пошевелинуться, не то что о чем-то спросить. Обычно предоставленная сама себе, тут я лишилась своей свободы и до сих пор воспринимаю это лишение как тягчайшее из наказаний. Там было шумно и тесно, там не разрешалось заводить свой мир, а он у меня уже был. Я могла часами оставаться одна — с цветами или камушками, придумывать истории «про буку», распевать свое, только что придуманное... Садик предлагал свои занятия, свои песни, свои игры и правила, которые меня тяготили безмерно.

...Наволочку сняв с подобия
Подушонки (ватный пласт),
Мать, на позне день отробив,
Ночью что-то шьет на нас.
Путру, сияя взглядом,
Мама вырядит меня
В платьице. («Гляди, как ладно!
Длинно? Так не на три дня

Сшито! Вырастешь — и впору
Будет! В портне суровом
В садик выходишь, и в школу
Побежишь — куда с добром!»)
Садик — ясельная няня
Сквозь ребячий шум и гам
На меня с презрением глянет...
(Показалось? Или — впрямь?)
И вчерашняя подружка,
Рот от пальца опростав,
Возопит: — Пришла старушка!
Дайте ей ради Христа!
Оглянусь, не понимая,
На двери: старушка где?
Не поверив, что сама я —
На безжалостном суде...
Глубоко сглонув обиду,
Облюбую уголок
Потемнее. И не выйду
С хороводом на лужок.
Вызвав нянину досаду
(«Будешь слушаться, аль нет?»)
Я за общий стол не сяду
Ни на завтрак, ни в обед.
Подобрав рукой оборку
С бледно-розовой каймой,
Прoberусь я по задворкам
Поздно вечером домой.
И сниму я это платье,
И в горячке упаду,
И ни разу больше в садик —
Хоть убейте! — не пойду.

Однажды кто-то пришел в садик задолго до ужина и что-то сказал няне. Она позвала нас с братом и разрешила — о радость! — идти домой, не дожидаясь конца садикового времени. Оказывается, с фронта пришел отец! Сияло майское солнце, пробивались и пахли юные острые стрелочки новых травинки, пел жаворонок. Мы шли зеленеющей межой, ведущей к нашему дому, неторопливо, как взрослые, сдерживали, боясь расплескать, свою кипучую радость. Жадный взгляд в передние четыре окна — нет! В первое боковое окно — ага, вот он! Темный затылок над заслонившей проем окна спиной в выцветшей зеленой гимнастерке...

Отца комиссовали по болезни, вчистую. Мать, насколько хватало сил и средств, принялась его выхаживать. Этот год был годом возвращенного детства.

Отцу предложили посильную работу: выдавать охотникам порох, пистоны, дробь. Они приносили ему шкурки белок, зайцев, горностаев. Отец оценивал и отправлял продукцию в райцентр — в заготконтору. Изба пропиталась запахами пушнины. Под матицей висели гирлянды беличьих шкурок. Отец разрешал нам потрогать круглые тяжелые дробинки и золотые, с ярким серебром внутри, пистоны и синевой отливающий порох. Мы не связывали все эти охотничьи припасы с трагедией, с убий-

ством. Они существовали для нас как новые, красивые, богатые тайной предметы.

В нашей семье не было охотников. Под влиянием отцовской работы старший брат Акиндин упросил отца купить ему ружье, и получил его, и даже принес маме несколько убитых селезней, но эти трофеи не доставили семье большой радости: мать ружье ненавидела. Ей, может быть, как и мне, было до слез жалко этих красивых птиц с безвольно болтающимися головами. Впоследствии мать обменяла ружье, кажется, на мешок картошки, когда новая, совершенно неожиданная повестка в военкомат снова увела отца на войну.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха за старым огородом –
Единственная память об отце...

По веснам спать отцу мешали утки:
Хватал ружье, но приходил ни с чем.
Увидел раз: черемухе-малютке
Все корни обнажил шальной ручей,
На корточки присев перед бедняжкой,
Руками землю талую разрыл
И осторожно, в новую фуражку
Земли насыпав, кустик посадил.
Понес домой. Болталось за плечами
С травинкою на мушке, дулом вниз –
Ружье. В полях, усеянных грачами,
Навстречу поднимался шум и свист.
Соседки озирались удивленно,
Посмеивались в горсти мужики:
«Охотимся?» –
А он шагал смущенный,
И мокрые блестели сапоги.

...А вот и дом!

И радостное: «Тя-я-тя!» –
Несется из распахнутых ворот.
По звонким лужам обгоняя братьев,
Я первая взлетаю в небосвод.
Сердита мать: «Не надоело шляться?»
Но он, смеясь, упреки отведет:
«Черемушки ребята наедятся, –
Давай посадим кустик в огород!»

...Мы были одинаковые ростом
С черемухой. Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто!
В какой из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, об этом я не знала...

Должно быть, в толстой сумке почтальон
Ее принес. И вот отца не стало:
С котомкой подбегал к подводе он,
Когда в постельке с тополиным пухом,
Проснулась я, крича: «Меня забыл!» –
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовской головы...

...Прислушиваясь к шумным вешним водам.
Стою в раздумье на родном крыльце:
Черемуха за старым огородом –
Единственная память об отце.
Во всей красе над нею небо мая!
Счастливых слез свиданья не тая,
Меня седая мама обнимает,
Седую маму обнимаю я.
Вершинкою, поднявшейся над крышей,
Черемуха кивает ей и мне.
Такого цвета поискать – не сыщешь,
Листвы не встретишь гуще и темней.
Но если каждый красоту заметит,
То не любой поверит и поймет,
За что милей всех запахов на свете
Мне этот пряный горьковатый мед.
И отчего, с черемухой встречаясь,
Я ухожу на много лет назад,
И отчего невольно замечаю,
Что ствол ее и крив, и узловат.
Те шрамы – знаки мужества и силы,
Святая память отгремевших дней...

Десятое сентября сорок третьего года. Хмурый, холодный, ветреный день. В нашей избе давно не мыт пол, ветер дует в щели. Я ежусь у окна, но не иду на печь: из окна мне видно, как братья и мама копают картошку на грядке около избы. Братишки стайкой копошатся, выбирая озябшими красными руками некрупные клубни. Мать, выкопнув заступом очередное гнездо, с видимым трудом нагибается тоже. Она ждет ребенка, доживая последние дни.

Мой взгляд отвлекает прохожий, бредущий по дороге мимо передних окон: это живой скелет, еле переставляющий ноги. С трудом преодолев закладенные заборы, он сворачивает — о ужас! — к нашему крыльцу, поднимается на него, скрипит открывающимися воротами.

Я хочу закричать маме, зачем она пускает к нам это страшное привидение? Она же видит его! Но мать продолжает возиться с картошкой, словно вовсе ничего не происходит. Между тем «скелет» отворяет дверь и, одолев порог, изнеможенно опускается на печную приступку рядом с тазиком, стоящим под рукомойником. Отдышавшись, он снимает такой же, как сам, тощий вещмешок и достает из него что-то, завернутое в тряпочку.

— Лёленька,— про-
износит он слабо и глухо,
но я вздрагиваю, сразу
уловив в голосе родное,
— я вот тебе маслица
принес... Не бойся, возь-
ми... Я сам-то не трогал...

Отец... Но что же
осталось от него? Череп,
обтянутый желтой кожей.
Кожа да кости, как гово-
рят. Да синие-синие гла-
за. Его нельзя было брать
в армию — тому была
причиной активная фор-
ма туберкулеза. Но война
властно требовала работ-

ников, хотя бы в похоронное бюро. Холод и сырость окопов, хроническое недоеда-
ние свели на нет все мамины старания по его воскрешению: госпитальные врачи,
уступив его настоятельным просьбам, отпустили его домой со смертным пригово-
ром. Он это знал и не скрыл от семьи.

Через десять дней после его возвращения родился маленький Володя. Помню
это первое утро его жизни: отец, изредка постанывая, лежит на соломенном матра-
це, постеленном на полу. Он глядит на маму, которой, наверное, надо бы лежать с
малышом, а она от стола к печи и обратно: печет хлеб, а вернее — подобие хлеба,
созданное из травы, кожеры, мякны. Ей одной кормить всех — теперь семерых.
Помню ее тогдашнее лицо: суровое, сосредоточенное, как бы отрешенное.

Утром двадцатого октября сорок третьего года, проснувшись, мы удивились
тишине: никто не стонал, не кашлял. Не скрывая любопытства, заглянули на под-
мостики. Отец лежал спокойно, неподвижно и ничего нам не говорил. Забежавший с
нарядом Иван Егорович, тогдашний бригадир, глянув в угол, затрясся сухим длин-
ным телом и запричитал что-то неестественно тонким голосом. Мне показалось, что
он — смеется...

Мама не плакала. Пришедшая вскоре сестра отца Марша обмыла покойника и
вместе с мамой стала его «наряжать». А я по густому инею босая побежала к под-
ружке делиться новостью.

— Когда же будете хоронить? — спросила та.

— Не знаю,— отвечала я, копируя маму.— Может, неделю дома пролежит. Гроб-
то некому делать и могилу копать некому.

— Ну... — не верила подружка, — неделю нельзя. Надо скорее, а то он испор-
тится!

Гроб из сосновых неструганых досок был поставлен на пол. Тетка Марша взяла
карандаш и нарисовала на боковых его досках по окошечку, пояснив:

— Чтобы Олѣксандрушку было во что на вас посмотреть.

Мать, не зная, что постелить на дно гроба, разорвала мою старенькую люби-
мую белую рубашечку с кармашками. В оправдание сказала:

— На ней ему будет мягче лежать.

Босые ступни отца обмотали тоже какими-то тряпками. Тетка Марша вздохнула:

— Все-таки не босой, если вздумает в родительскую субботу в гости домой прибежать...

В день похорон нас навестила бабушка Екатерина, мамина мама. Она качала маленького Володю в зыбке, когда гроб с телом отца понесли из избы. Мама, за все это время не выронившая — по крайней мере у нас на глазах — ни слезы, вдруг закричала высоко и надрывно. Это был не плач. Это был именно крик, исторгнутый из самой глубины смертельно раненной души. Когда дверь закрылась за ними, я соскочила с печи (за неимением одежды-обувки меня не взяли на кладбище) и прижалась к оконному стеклу.

Некрасовская картина: запряженная в телегу лошадь, гроб, привязанный к телеге толстыми веревками, братишки, устраивающиеся на нем, мама с вожжами в руках...

Ну, трогай, Саврасушка, трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много, —
Последний разок послужи...

Вот уже и стук колес по колотовью замерзшей грязи стал затихать, и без того низкое серое небо опустилось еще ниже, и первые крупные снежинки закружились, становясь все гуще и живей. Я, забыв про бабушку, которой побаивалась, по-взрослому разрыдалась, осознав происшедшее. Приходившие проститься с отцом соседки говорили про меня:

— Эта-то мала еще, ничего, поди-ка, не запомнит.
Я запомнила все.
...Мне жизнь писала не карандашом,
Не прутиком на золотом песочке.
Ребячье сердце ходит нагишом,
Где взять ему какие оболочки?
И горе выжгло прямо на живом
Слова и строчки...

(Литературная композиция составлена из стихов и воспоминаний Ольги Александровны Фокиной опубликованных в сборнике «Семьиструнка»)

**РОДНИК СЕВЕРА
ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ОЛЬГИ ФОКИНОЙ
ВОЛОГДА 2011**

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗГОН

Во время учебы в литературном институте Ольга Фокина смогла увидеть известных писателей и познакомиться с ними. На занятия приходили А. Твардовский, М. Шолохов, М. Светлов. На одном этаже с ней проживала Юнна Мориц. Обучались в институте Белла Ахмадулина, Новелла Матвеева, Римма Казакова, Юлия Друнина. Все вместе выступали на Днях поэзии.

Егор Исаев, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Василий Федоров, Николай Старшинов - вот далеко не полный список поэтов, с которыми ей удалось познакомиться в институте. Там же произошло знакомство с вологодскими писателями: Василием Беловым, Александром Яшиным, Сергеем Викуловым, Николаем Рубцовым, Александром Романовым.

Александр Яшин и Сергей Викулов поддерживали Фокину во всех начинаниях и, по существу, были неофициальными учителями в поэзии. При этом она никому из них не подражала, шла своим путем. В стихотворении «Литературный институт» она не преминула назвать вологодских коллег:

Пусть институтом институт,
И мы - не место голо,
Коли своя возникла тут
«Литературна школа».

.....
Но у меня ответ готов
На этот говор зряшный:
Литинститутовец - Белов,
Литинститутовец - Рубцов,
Астафьев - взэлкашник!

Виктор Астафьев учился на Высших литературных курсах.

Лето 1963 года. Учеба в Литературном институте осталась позади. Ей удалось устроиться на работу младшим редактором издательства «Советская Россия». «Но я там долго не проработала,- вспоминает Ольга Александровна. - Очень затосковала в этой атмосфере, где одни тетki целыми днями сплетничали. И уехала домой». Попытка устроиться на жительство и работу в Архангельске тоже не увенчалась успехом. Ей предлагали остаться в нескольких областных городах, но выбор пал на Вологду, где пообещали помочь. Секретарем писательской организации в то время в Вологде был Сергей Викулов. Он помог и с жильем, и с устройством на работу. Ей сразу же предоставили комнату в общежитии и работу сотрудником молодежной областной газеты «Вологодский комсомолец». Так Вологда стала ее второй малой ро-

диной. Вологда ее устраивала еще и потому, что там жили и работали Василий Белов, Сергей Викулов, Александр Романов, Николай Рубцов. Из Архангельска переехал Иван Полуянов. «Вологодская литературная школа», о которой она писала в стихах, набирала обороты, собирала под свое крыло все новых и новых писателей. Здесь жили поэты Сергей Чухин, Борис Чулков, Виктор Коротаев и многие другие. Отношение их к архангельской поэтессе всегда было доброжелательным, ровным, товарищеским.

Отнюдь не умаляя заслуг других писателей-вологжан, в шестидесятых годах в Вологде, волею судьбы, оказались сразу три писателя, впоследствии ставшие известными далеко за пределами не только своей области, но и всей России. Это - Василий Белов, Николай Рубцов и Ольга Фокина. Именно они составили замечательное вдохновенное творческое трио, голос которого вскоре услышала вся страна, а их творчество узнали за рубежом.

Работая в редакции газеты «Вологодский комсомолец», погружаясь с головой в журналистскую сферу, Ольга Фокина не забывала писать стихи, которые охотно печатались в газетах и журналах: «Огонек», «Смена», «Молодая гвардия», «Юность» и других. Она выступала на литературных вечерах, диспутах о поэзии, участвовала в совещаниях писателей, беседовала с начинающими поэтами, рецензировала их стихи. Однажды в редакцию зашел уже знакомый ей по институту Николай Рубцов. Вначале Рубцов попросил Владимира Аринина посмотреть его стихи, он направил к Ольге Фокиной, чтобы она решила вопрос о возможности их публикации в газете. К этому времени подборки стихотворений Рубцова уже печатались в журналах, и сам он принимал участие в работе областного семинара молодых литераторов в Вологде.

Николай, как обычно тихий и скромный, весьма просто одетый, поздоровавшись с Ольгой, протянул листки с записанными от руки стихотворениями. Присел на краешек стула. В это время он учился на втором курсе Литературного института. Год назад его хороший знакомый Борис Тайгин выпустил сборник стихотворений Рубцова «Волны и скалы» тиражом в количестве шести экземпляров. Такой дебют пока не позволял вольно вести себя в редакциях газет и журналов. Но обращаться туда он был вынужден, чтобы получить хоть какой-нибудь гонорар. Почерк у Рубцова был красивый, аккуратный, почти каллиграфический. Фокина стала читать первое стихотворение:

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...
Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнiet совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
будет хлопотливый день.
буду поливать цветы,
думать о своей судьбе.
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.

У Ольги пробежали мурашки по телу. Рядом сидел поэт, стихи которого брали за живое, волновали до слез. Стихи эти ей были близки и понятны. Образы деревенской горницы, сада, реки с догнивающей лодкой сразу же четко вставали в глазах, навевая какую-то теплую грусть и одновременно душевную радость за поэта, создавшего эту картину. Она тут же позвала Аринина:

- Володя, почитай, это же чудо!

В том же году в Архангельске вышел настоящий сборник стихов Рубцова «Лирика», а летом 1967 года появилась книга «Звезда полей». После издания этой книги Рубцов сразу стал знаменитым, а вот материальное положение его так никогда и не стало приличным.

В 1965 году было опубликовано сразу два сборника стихотворений Ольги Фокиной: «Реченька» и «А за лесом что?». Она развивает творческую активность, не снижая темпов. Среди прочих в 1965 году ею было написано стихотворение «Подснежники», которое сразу же привлекло внимание читателей. Деревенскому мальчишке, уже немало повидавшему на своем жизненном пути, приснились однажды подснежники - «синие бубенчики со звоном». Он бежал к ним по сугробам, его пытался задержать шиповник, сосны бросали в лицо шишки, он упал обессиленный. Тут подснежник сам подошел к мальчику и заговорил материнским голосом: «Милый, твои ножки не устали ли? Сыт ли ты? Твои рубашки чисты ли?» «Мама!» ... и подснежники растаяли. «Папа!» - Ни бубенчиков, ни листьев... После этой ночи стал убежать мальчишка за город в лес и искать синие цветы со звоном. Уже и снег растаял, а цветов он не нашел и подумал: «Нет таких цветов». Мальчик горько заплакал. Однажды, увидев на солнечной опушке какие-то цветы, он нарвал букетик, принес его домой, а дома его уже ждали... отец с матерью, вернувшиеся с войны. Мать, получив от сына букетик цветов, с радостью воскликнула: «Господи, подснежники... Сыночек!». Кончилась война, и он встречает родителей. Вот оно - счастье...

Стихотворение может показаться сентиментальным, особенно концовка, но в жизненную реальность почему-то верится, ведь мальчик повидал за свою только что начавшуюся жизнь столько трудностей и почти потерял надежду на возможное счастье. Вот такое задушевное, глубоко лирическое, светлое, как весенний день, стихотворение вышло из-под пера Ольги Фокиной. Николай Рубцов прочел его наряду с другими стихами и был очарован им до глубины души. Как Фокина увидела и почувствовала в Рубцове истинного поэта, так и Рубцов понял и воспринял фокинскую лиру, понял, что это - поэтесса «со своей песней», непохожая на других, подающая большие надежды на читательское признание и благосклонность критики. Николай Рубцов пишет рецензию на стихи землячки с заголовком «Подснежники Ольги Фокиной». Весьма интересны рассуждения Рубцова о поэзии и поэтах вообще. В самом начале рецензии он пишет: «Поэтами не являются те авторы, которые создают в стихах абстрактные понятия или образы прекрасного. Поэты - носители и выразители поэзии, существующей в самой жизни - в чувствах, в мыслях, настроениях людей, картинах природы и быта».

Рубцов считал, что стихи должны рождаться в сердце, а не придумываться, что они должны быть простыми и понятными, а не мудреными или заумными, трудными для восприятия. И, конечно же, Рубцов совершенно правильно отметил, что образ не только лирического героя, но и самого поэта раскрывается в его стихах. Далее он пишет, что стихотворение Фокиной «Простые звуки родины моей» напоминает одно из стихотворений Лермонтова, однако оно гораздо интимней по интонации и передает такое состояние души автора, которое родственно (но не подражательно) лермонтовскому. Как-то Фокина сказала Рубцову, что поэты нередко подавляют желание выразить то или иное настроение, боясь показаться неоригинальными, похожими на классиков. Но таким образом они удаляются от настоящей поэзии.

Молодой поэт Ольга Фокина
на IV Всесоюзном совещании молодых писателей.
Фото из личного архива

Предвосхищая мнение литературных критиков, Рубцов отметил в творчестве Фокиной слияние двух традиций - фольклорной и классической, что, безусловно, отличало ее от других поэтов лирического направления. Это замечание относится к поэтической форме. По содержанию же стихи Фокиной, по мнению Рубцова, выражают сложные чувства и их различные оттенки. Ее стихи о природе по праву можно назвать лучшими. Не упоминая в тексте рецензии напрямую стихотворение «Подснежники», Рубцов все же намекает на него в последнем абзаце, в котором как раз и содержится квинтэссенция мнения одного поэта (не критика) о другом: «Органичность выражения, сложность и глубина содержания, совершенство и простота формы, общественная масштабность поэзии - вот те подснежники, которые ищут все поэты, в том числе и Ольга Фокина. Ищет и находит».

То, что сказал о стихах Ольги Фокиной Николай Рубцов, можно считать объективным, искренним, профессиональным выражением его мнения как поэта о поэте, коллеги о коллеге, которое по значимости и весомости можно считать гораздо важнее мнения любого критика. Проработав в «Вологодском комсомольце» всего один год, Фокина стала вплотную заниматься профессиональной литературной деятельностью. Один за другим стали выходить из печати ее поэтические сборники: «Аленушка», «Стихи», «Островок», «Самый светлый дом», «Камешник», «Маков день», «От имени серпа», «Полудница», «Буду стеблем». Это был настоящий творческий разгон, который не закончился на указанных книгах. За сборник «Маков день» Фокина в 1976 году получает Государственную премию РСФСР им. А. М. Горького.

Многие вологодские поэты также писали стихи на «деревенские» темы, поскольку сами в большинстве своем были выходцами из деревни и хорошо знали ее жизнь. Александр Яшин, Сергей Викулов, Виктор Коротаев, Сергей Чухин, Борис Чулков, Александр Романов, Юрий Леднев - все печатали стихи в газетах и журналах, выпускали отдельные книжки. Они не мешали друг другу, не завидовали успеху собрата по перу, напротив - собирались все вместе для обсуждения произведений

Студенческие годы в Москве.
Поэтический семинар Н.Н. Сидоренко.
Ольга Фокина – третья справа.
Фото из личного архива

Встреча Михаила Шолохова на вокзале
в Москве по возвращении из заграничной
поездки после вручения Нобелевской премии.
Фото из личного архива

и выслушивали благожелательные критические замечания. Тематика их стихотворений часто совпадала с фокинской: «На лугу», «Черемуха», «На покосах», «Стихи мои о деревне», «Баллада о хлебе» (С. Викулов); «Представляю тихую деревню», «Природа», «Уйду за тихое село», «Поле», «Речка» (В. Коротаев); «На свете есть такая деревушка», «Ива», «Радуга», «Озеро», «Грибной год» (Б. Чулков); «У родника», «Поднялась изба», «Ах, как они танцуют, журавли...» (Ю. Леднев); «Свежий хлеб», поэма «Алена Фомина» (А. Яшин); «Родная деревня» «Зимняя песня», «Ива» (Н. Рубцов) и другие. У всех этих поэтов были прекрасные строки о людях и природе северного края, о своей малой родине. Но Ольга Фокина посвятила деревенской тематике всю свою жизнь и практически явилась и корнем, и стеблем всей «деревенской» поэзии творческого содружества северных поэтов.

Литературный критик А. Михайлов в год выпуска сборника стихов Ольги Фокиной «Маков день» писал: «Фокина родилась и выросла на Северной Двине, где с древних времен бережно сохраняются, передаются из уст в уста сказки, песни, былины, где

речевая традиция восходит к новгородскому корню. И там, где поэтесса как бы вырастает из устно-поэтической стихии, так она проявляет себя, как истинный поэт. По сути же своей Ольга Фокина современная поэтесса. Истинной народности не надо рядиться в лоскутное одеяло диалектных слов и речений, ей не надо никакого орнамента, она проявляется органично во всем строе поэтической речи».

Еще в пятидесятые годы О. Фокина писала:

Общежитие, общий вагон,
Общий номер в районной гостинице...
Здравствуй, жизнь. Начинаю разгон
Не избранницей, не именинницей.

Для того чтобы взять высокую планку настоящего поэтического искусства, разбег, разгон был взят хороший, он позволил не затеряться в большой массе стихотворцев, достичь вершины, с которой видна звезда народной поэзии.

Позже она призналась:

«...был нелегкий путь
От моей избы до моей звезды...»

Чувство признательности родной земле, отчему краю выражалось в ее стихах с обостренной эмоциональностью, по насыщенности равной стихам Рубцова:

Храни огонь родного очага,
Но не позарься на костры чужие!
Таким законом наши предки жили
И завещали нам через века:
«Храни огонь родного очага!»
Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, как ни каменист он...

На встрече с архангельской интеллигенцией в 1981 году Федор Абрамов сказал: «Ольгу Фокину я очень люблю. Я считаю, что из женщин, пишущих на русском языке, можно сказать, это самая талантливая поэтесса. Она, во-первых, очень близка к жизни, у нее всегда в стихах не выдумка, не буквы, не слова - стихи порождены самой жизнью... У нее есть совершенно свежие, совершенно прелестные стихи, которые пленяют, очаровывают тебя искренностью, чистотой и непосредственностью чувств. И, наконец, далеко не каждый поэт может похвастаться, что у него есть свой язык. У Ольги Фокиной есть свой язык, по которому ее можно отличить от других поэтов. И это очень хорошо».

В Вологде одновременно с Беловым они стали осваивать тему крестьянского труда и быта, красот северной природы. Один - в прозе, другая - в поэзии, и не только в ретроспективе, но и в настоящем времени. Их имена не сходят со страниц печати. Они ездят по стране и за рубеж. Их книги издаются массовыми тиражами. Оба писателя получают литературные и государственные премии. Вологодская «литературная школа» действительно была сильной. Здесь начинали свою литературную деятельность С. Орлов, А. Яшин, С. Викулов, А. Дементьев; продолжали работать А. Романов, В. Коротаев, С. Чухин, Б. Чулков, Н. Рубцов, А. Грязев и другие писатели. Около десяти лет в Вологде жил и работал Виктор Астафьев. Общение со столь талантливыми людьми, конечно же, давало сильный толчок к активизации творчества поэтессы Ольги Фокиной. Вологодская литературная школа вплотную примкнула к так называемому литературному течению «деревенщиков» или «почвенников». С. Викулов назвал это течение: - «На русском направлении». Именно в этом направлении работали известные писатели: С. Викулов, А. Яшин, Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Белов, В. Солоухин, А. Передереев, В. Сорокин, Б. Можаяев, Ст. Куняев, В. Шукшин и другие. Влилась в это течение и Ольга Фокина.

«Архангельск, 1964 г. Выступление на стадионе «Динамо». Композитор Азон Фаттах приехал без исполнительницы и попросил меня... спеть песню на свои стихи. Я пою «Здравствуй, речка Паленьга». Фото из личного архива

ПИСАТЕЛИ

ИЗ ДНЕВНИКОВ ВСТРЕЧ И СОБЫТИЙ (ОТРЫВОК)

Свой первый рассказ я написал от тоски жизни в тридцатилетнем возрасте. Иные к этому времени уже заканчивают писать, а я только начал, но сразу для себя поставил сверхзадачу – «Уж если начал - то не начинающий». Рассказ «Чернильница» зародился от чеховского совета Корнею Чуковскому как надо писать рассказы. «Увидел на столе пепельницу, - советовал Антон Павлович, - и пишешь название рассказа - «Пепельница». Далее, вспоминает Корней Иванович, ему самому стали представляться какие-то невероятные события, будто бы случившиеся с этой пепельницей. Наверно, Чехов и писал подобные рассказы также легко и быстро, как придумывал для них названия. Мастерство и талант проявляются в скорости выполнения работы, но я в то время думал совсем по-другому. Мне казалось: какая разница - за день написан рассказ или за месяц, читателю все равно, лишь бы было интересно. Вот и писал свою «Чернильницу» почти год. А куда было спешить? Кто меня гнал? Еще пару лет рассказ вылеживался в столе. А потом понеслось...

Попал я под раздачу антиалкогольной компании. История тоже веселая, но к теме относится опосредованно. Не только меня одного государевы служки превращали в статистический расходный материал, но, наверно, мало людей, которые после этого загнали бы себя в такую глубокую депрессивную яму, как я это сделал сам с собой. Чтобы выбраться из нее - или в петлю лезть, или в писатели пойти. Я набрался смелости и пошел к **Ольге Александровне Фокиной**. Почему к ней? Все очень просто – писатели для меня были небожителями, а Василий Иванович Белов – Богом, попробуй - дотянись до них, а Ольга Александровна на популярных в ту пору встречах с читателями рассказывала, что ей приходится много работать с начинающими литераторами. Вот я и клюнул. Нашел в справочнике ее телефон, созвонился и занес свою «Чернильницу». Надо признать, что с выбором не ошибся. Через три дня, созвонившись снова, услышал обнадеживающее.

- Рассказ я ваш прочитала. Более того даже написала на него рецензию. Если вам нетрудно, заходите прямо сейчас. Адрес мой вам известен, приходите, хотелось бы познакомиться лично.

Моя депрессия вылетела как пробка из бутылки с шампанским. Через полчаса я уже был у ее дома по улице Кирова, взлетел на пятый этаж и остановился у нужных дверей. Отдышался и робко позвонил. Дверь мне открыла молодая девушка. Не успел я ничего сообразить, как она, поздоровавшись со мной, громко сказала.

- Мама, к тебе пришли. Вы проходите, проходите. - Приглашала она в прихожую.

Из глубины квартиры навстречу мне вышла Ольга Александровна. Ее взгляд выражал искреннее, непосредственное любопытство, она смотрела на меня как на дикий зверь, чем окончательно смутила.

- Не снимайте обувь. Проходите так.

Я решительно отказался проходить дальше трех шагов от входной двери, но и обувь не стал снимать. Чтобы собаки не взяли мой след по запаху (никаких собак в квартире, конечно, не было, просто прилетел я сюда, даже не переодевшись, сразу же после работы).

Ольга Александровна, слушая мою нехитрую биографию, с интересом разглядывала меня.

- Я – то не прозаик, могу быть несправедливой в оценке вашего творчества, - наконец заговорила она, - вам бы занести свои рассказы в Союз писателей на Лермонтова 15, на третий этаж, там бы вы и получили более квалифицированную оценку. Но мне лично ваш рассказ понравился. Вот видите стопку рукописей, - показала она на полуметровую горку бумаги, - это для рецензий присылают мне со всего Советского Союза. И думаете, сколько из них толковых? - Ольга Александровна отмерила большим и указательным пальцем около одного сантиметра, - и то, наверно, меньше. А вы - словом владеете довольно умело, рассказ получился пронзительным и вполне достойным к публикации, например, в «Юности». Но одну вещь они обычно не публикуют, а вместе с другими вашими произведениями можно попробовать его пристроить. Я уверена, у вас этот рассказ не единственный. Соберите все лучшее и приносите. Постараюсь вам помочь.

Опаньки! Вот я и попался, вот меня и вывели на чистую воду, жди теперь немедлительного изгнания из рая.

- У меня пока больше ничего не написано, - пролепетал я, - работаю сейчас вот над одной пьесой...

- Очень жаль. Пьесы меня мало интересуют. Но Вы не расстраивайтесь, - сказала она, заметив мое упадническое настроение, - насколько мне известно, совсем скоро будет проходить семинар молодых писателей. Для начала поприсутствуйте там. Присмотритесь, возможно, и Ваш рассказ попадет на обсуждение. А дальше все зависит от Вас самих.

Мы попрощались, и я, полный надежд и упований, отправился к себе в общежитие, в котором уже пятый год томительно тянулось время стояния в очереди на получение отдельного жилья. Творческое воображение рисовало картинки победного обретения заветных ключей от квартиры через Союз писателей. Раз уж на автобазе меня несправедливо кинули аж на тридцать номеров (!), то нате вам, получите и распишитесь, что не совсем я пропащий. Н-да, действительно, утопающий и за соломинку ухватится.

От Ольги Александровны через неделю я получил письмо. В нем она сообщала, что семинар состоится уже совсем скоро и что: «...сегодня о Вас я скажу Виктору Коротяеву и он, возможно, пригласит Вас официально участвовать в совещании, но для этого нужно, чтобы Ваши произведения (хотя бы известный мне рассказ) были в отделении Союза писателей, тогда Вы сможете стать не только слушателем, но и обсуждаемым». Каково! Учитесь нынешние. Это письмо написала лауреат Государственной премии(!), известная на всю страну поэтесса(!) - какому-то маляру с автобазы, разродившемуся одним единственным рассказом.

Должен сказать, что песня на ее стихи «Звездочка моя ясная» была очень популярна в мои студенческие годы. Сейчас слова этой песни представляются мне не простым рифмованным лирическим набором, а словами, обладающими тайной силой, своеобразным песенным наговором:

Песни у людей – разные,
А моя - одна на века:
Звездочка моя ясная!
Как ты от меня далека! (это в 1964 году.)

Хотелось бы верить, что силой слова, действительно, можно что-то изменить или хотя бы сохранить:

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие! ... (а это уже 1975 год.)

Но не будем о грустном, тем более, что описываемые события происходили в еще наивном перестроечном 1985 году. Итак – семинар.

Если кто-то думает, что на подобных семинарах можно чему-нибудь научиться, то глубоко заблуждается. Семинар – это прежде всего общение и знакомство. Только общение друг с другом, только знакомство с рукописями и только надежды на рекомендацию для вступления в Союз. Но скольких друзей дал мне тот памятный семинар, такое, ни чем не переоценить.

Обсуждал мой рассказ Иван Дмитриевич Полуянов. Я был немного знаком с его творчеством, нравилось оно мне или не нравилось в тот момент для меня не играло большой роли, главное, что мою «Чернильницу» обсуждал настоящий писатель – профессионал.

- Возможно, это покажется бездоказательным, но мне видится рассказ «Чернильница» заготовкой, схемой будущей вещи. Исполнение замысла – увы! Костяк есть, а плотью, живой, простите, убеждающей, что это жизнь, что это люди живые, пусть это и маленькие люди, - этого нет! Что словом не скажешь, то пальцем не растычешь! И тот материал, что набросан, еще рыхл, не организован, длинноты, необязательные подробности. Детская психология – провалы. Стиль, фактура... И вообще непонятно для кого писался этот рассказ.

Я был раздавлен.

В перерыве, в очереди за бутербродом и кофе, я снова встретился с Ольгой Александровной. Мы поздоровались как старые знакомые, чему очень удивился и, несколько раз оглянувшись, вопросительно посмотрел на меня высокий, импозант-

ный мужчина.

- Ну как? – спросила Ольга Фокина и, поняв все с полуслова, пояснила: - На семинарах, как правило, мало кого хвалят. В свое время Смеляков про подобные семинары говорил: «Топи котят – пока слепые». Не вы первый и не вы последний, не сломаетесь, значит, будете писать. Кстати, познакомьтесь – Владимир Личутин, тоже, как и я, – архангельский. Вот уж кому досталось и, ничего, сейчас известный писатель, москвич.

В целом Ольга Фокина, конечно же, оказалась права. Досталось всем без исключения, а по сравнению с некоторыми меня, Иван Дмитриевич, просто ласково потрепал.

Тот семинар послужил началом моего «второго высшего образования», которое я и на самом деле чуть было не получил. После семинара стало понятно – надо писать! И писать не в год по рассказу, а по количеству авторских листов. Для справки: один лист равняется двадцати трем машинописным страницам, до шестидесяти знаков в строке и чтобы не более тридцати строк на странице. Вот такая арифметика для начинающих.

Не откладывая в долгий ящик, занялся литературным творчеством прямо за своим рабочим столом автобазовского маляра - художника. Благо шофера меня не слишком сильно допекали, а начальство после моего участия на семинаре вообще забыло дорогу к покрасочной мастерской. Три рассказа, отпечатанные двумя пальцами на пишущей машинке, я собрал в один большой конверт и отправил почтой в Москву, в Литературный институт имени А.М.Горького. Почему-то был уверен, что они пробьют мне дорогу к заветным Пенатам. Все это время меня переполняло приподнятое чувство радости и легкой тревоги. Я стоял на пороге новой жизни. Красиво отштамповал!

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Я работал педагогом дополнительного образования (предмет «Основы стихосложения») в литературно-поэтическом хобби-классе «Сонет» студии эстрадного искусства «Чудетство» Дворца творчества детей и молодежи города Вологды. Приближался 2006 год - год 70-летия со дня рождения поэта Николая Рубцова. Летом 2005 года мной был написан сценарий к Литературно-музыкальной композиции «Край чудес», а в сентябре в студии началась подготовка к конкурсу. В одно из воскресений конца сентября педагог Закирова Зоя Галимдяновна (класс актерское мастерство и сценическая речь) пригласила меня на репетицию. На занятии присутствовало более десятка школьников, учащихся 6-9 классов. Во время репетиции Закирова, стоявшая у окна (окна кабинета выходят на стадион педуниверситета на ул. Ленинградская), вдруг неожиданно закричала:

- Ребята, скорей, скорей к окну!

Мы подбежали. Закирова, указывая в сторону идущей по беговой дорожке стадиона женщины, продолжила:

- Видите, вон ту женщину в брючном костюме? Это известная поэтесса – Ольга Александровна Фокина. Она часто здесь проходит от своего дома на ул. Октябрьской, что возле Театра Юного зрителя, на берег реки Вологды.

- Смотрите, смотрите, - продолжала она, - сейчас Ольга Александровна пересечёт стадион по диагонали в сторону перекрёстка улицы Ленинградской и проспекта Победы.

И действительно, через несколько секунд Фокина свернула налево и пошла по диагонали в сторону перекрёстка. А Закирова, ещё более оживлённо, добавила:

- А сейчас Ольга Александровна перелезет через заборчик стадиона и пойдёт на берег реки Вологды.

И верно, Ольга Александровна бодро перемахнула через металлический заборчик, ограждавший стадион, и пошла в сторону реки Вологды.

Учащиеся студии сели на свои места, а Зоя Галимдяновна, достав их своего шкафа сборник стихов Фокиной, стала читать её стихи. А через некоторое время репетиция продолжалась в обычном режиме. Потом и я часто видел, когда вел свои занятия хобби-класса в соседнем кабинете, что Ольга Александровна, пунктуально и почти в одно и то же время, проходила по стадиону мимо Дворца творчества. Иногда она шла с Беловой Ольгой Сергеевной. Белова шла обычным путем по тротуару. А Фокина через заборчик и приходила на перекресток раньше и потом там ожидала Белову. Это был обычный и привычный маршрут для Ольги Александровны. И я понимал, что Ольга Александровна такой же обычный человек, как и все мы.

Ольгу Александровну Фокину я знаю давно. Я изредка посещал её литературную студию «Среда». Но поскольку работал в милиции, у меня не было достаточно времени для более частого посещения студии, да и жил я тогда в поселке Лоста, удаленного от города. На одном из занятий ЛИТО «Среда» обсуждали подборку моих стихов, там присутствовали более десятка известных авторов: Вера Коричева, Галина Макарова, Елена Кузнецова. Как я помню, тогда меня крепко пожурили.

Говорили, что у меня есть сбои ритма в стихах, много неточной рифмы, слабо с образностью. Я понимал, что мои стихи несовершенны, и с чем-то соглашался, с чем-то не соглашался. Мы долго дискутировали. Подводя итог обсуждению моей подборки стихов, Ольга Александровна Фокина сказала, что стихи приличные и их можно издавать. Как повысилась тогда моя самооценка! И вскоре я издал самиздатом свой первый сборник стихов «Дорога к дому». Но прежде чем издать свои стихи, я еще много работал над ними. А как я благодарен Ольге Александровне за вовремя оказанную поддержку моего творчества.

Ольга Александровна - человек скромный. Я замечал, она избегает широкой публичности. На литературные мероприятия частенько приходит тогда, когда они вот-вот начнутся, а уходит с них незаметно.

При встречах она подаёт мужчинам руку. Однажды я пришел на литературный вечер рано. Большой зал областной библиотеки на ул. Ульяновой 7 был пуст: и авторы, и читатели только начинали собираться в фойе. В зале, между рядами центрального прохода, стояли известные писатели: Карачёв Михаил, Цыганов Александр, Балакшин Роберт, и спиной к входу (то есть ко мне) Фокина Ольга Александровна. Я поздоровался с присутствующими. Мужчины поздоровались со мной кивком головы.

Конечно, я близко не был знаком с ними. Я не состою в Союзе писателей, наши пути иногда пересекаются, но только на литературных мероприятиях. А с Фокиной мы часто встречались на детских литературных конкурсах и фестивалях в «Центре дополнительного образования» на улице Чернышевского, куда я приходил со своей детской литературной студией Дворца творчества детей и молодежи. Вместе с Ольгой Александровной часто сидели в жюри конкурсов.

Ольга Александровна повернулась в мою сторону, сделала шаг и протянула мне руку. Я в растерянности протянул ей свою.

ПРИВЕТЫ ИЗ ЛЕТА 2021 НОВЫЕ СТИХИ

Люди по городу – в шортах и маечках:
В душных квартирах почти нагишом:
Славное время: трудясь ли, гуляючи ль, -
По –птичьи ль, заячьи ль, - жить – хорошо:
Славное время: такому завидовать
Будут грядущие годы, века:
Жаркому солнцу, траве малахитовой,
Рекам, прогретым до глубь-омутка.
Тучек прохожих ночное сверкание,
Издалека осторожный громок...
Спящий-да спит! А глядящий – заранее
Облюбовал лучезарный восток:
Ждет – не дождется прохладного вихоря,
Створки окна распахнув широко.
... Счастье великое – тайное, тихое
Вовсе не где-то, а тут, под рукой.

Эта лишняя жара
Что сегодня, что вчера:
Это – некуда деваться
В золотые вечера:
На свидания – запрет,
На труды – охоты нет,
На контакт с литературой
Не выходит и поэт,
Потому как этот зной
В это лето слишком злой,
И конца ему не видно:
Тучи ходят стороной...

Если ты – сухая ветошь,
Если ты – глухой пенек,
В лес с корзиной – вот уж нет уж: -
Не шарашься, одинок.

Дома будь! Лелей кастрюли,
Обихаживай шесток...
Лес, - он манит, но к добру ли
Леса льстивый шепоток?
Много ль ягодок назрело,
Так и тянет посмотреть:
Но в лесу – такое дело: -
Запохаживал медведь.
Жёнки жиленьски видали –
Не третьёводни ль? – его...
- Врут, поди?
- Да нет, едва ли,
Врать – то жёнкам для чего?
- Если правда, то, конечно,
Страшновато, ё – моё!
Он – здоров, а ты – увечный, -
Дома будь, старье – хламьё!
... Но – охота! Ох, охота!
Не сидеть в пустом дому, -
По борку да по болоту
Протоптаться самому...
Так и быть: рюкзак – за плечи!
Палку - в руку, и – пошёл
... Сердцу сразу стало легче,
Стало даже хорошо.

Солнце старается:
Греет стобалльно:
Это нам нравится,
Это – похвально.
Минул Иван – день,
Прошел и Петров – день.
Что же мы бродим
Как будто без родины
Пива не варим,
Не потчуем близких,
Лето в разгаре,
А мы как сосиски –
Вялы, безвольны,
Бледны, ленивы.
Рано ли – в волны?
Поздно ль в заплывы?
Может отчаяться,
И - поплывётся?
... Волны – ручаются
Солнце – смеётся!

Памяти Александра Комарова

Между Паленьгой и Варзеньгой
Двух немудрых наших рек, -
Запастись грибами на зиму
Собирался человек.
Понедельник был, тринадцатым
Обозначенный числом...
Ох, ему позапинаться бы
Под соседовым углом:
Нехорошим ветром дунуло –
Не сентябрьским: - по утру:
А ему и не подумалось,
«Заблужусь, мол, и умру.»
Ничего в груди не ёкнуло,
Удалился, не простясь,
Второпях, пока не смокнула
От дождя деревьев вязь.
Дали-тропочки заветные
Думал, что не подведут:
... Вот уж две недели нет его.
Не придёт. И не найдут.

Вновь журавли, с небес трубя,
Спешат покинуть родину,
А деревцо само себя
Опять изобиходило.
Натрепеталось в сентябре
Листвы червонным золотом
И к октябрю, побурев,
Разделось с первым холодом.
Стоит, прозрачное насквозь, -
Ни ягодки, ни листика!
Суши, мочи его, морозь, -
Стоит назло завистникам.
Ему отныне все равно:
Не вздрогнет, не поморщится.
Опало летнее рядно,
Свисти, метла-уборщица!
Но лист, отавой оплетен,
Метле не подчиняется:
Корням тепло намерен он
Хранить до вешней здравицы.

«Всё погибло!» - в гневе не скажи.
Реют чайки, носятся стрижи.
Греет солнце. Веет ветерок.
Удержи отчаянья упрёк.
Не кричи. Молчи. Не суесловь.
Всё - пройдёт. И всё — начнётся вновь.

РУБЦОВ И КОСМОНАВТЫ

12 апреля 1964 года Рубцов сильно удивил педагога Литературного института Николая Николаевича Сидоренко телеграммой с сообщением: «Христос Воскрес» [1]. До православной Пасхи – 3 мая – было еще далеко, и оставалось предположить, что таким оригинальным образом студент Рубцов решил поздравить своего учителя с Днем космонавтики.

Тема была злободневной. За три года, начиная с полета Юрия Гагарина, в космосе побывало уже шесть человек, включая Валентину Терешкову, и в редакции газет шли потоки стихотворений, прославляющих героев. Одно из таких стихотворений три месяца назад оказалось в руках Рубцова:

«... В сиянье неба голубого,
В блеске солнечных лучей
Корабль «Восход» быстрее птицы
Плавно несется над землей...» [1].

В письме «начинающему автору» Ивану Игнатьевичу от 12 января 1964 года Рубцов в ходе решительного разбора полетов дал исчерпывающее пояснение своей позиции: «... Человеку, любящему стихи, всегда бывает радостно, когда он находит в стихах поэзию, т.е. свежую тему, свежий символ, свежее настроение, мировоззрение, мысль, свежие оригинальные слова...» Отметив, что он очень огорчен из-за отсутствия перечисленного в стихотворении Ивана Игнатьевича, Рубцов посоветовал автору воздержаться от откликов на значительные события общественного характера, пока он не убедит людей в том, что он – поэт.

Тема полета в космос была затронута и самим Рубцовым. По свидетельству Бориса Тайгина, 12 августа 1962 года в дневном поезде на пути из Ленинграда в Москву Николай Рубцов «на одном дыхании», экспромтом отозвался «На злобу дня» [2]:

Космонавты советской земли,
люди самой возвышенной цели,
снова сели в свои корабли,
полетели, куда захотели!..

Рукопись стихотворения автор подарил через месяц человеку, который первым увидел в нем, рабочем Кировского завода, незаурядного поэта, – Борису Тайгину. Это было на их последней встрече в Ленинграде в начале сентября 1962 года. «Вечером, буквально на несколько минут, – вспоминает Борис Тайгин, – зашел ко мне Николай Рубцов. Был он радостный и возбуждённый. Сказал, что в Москву ездил не зря: его приняли в Литературный институт! И теперь он срочно берёт на заводе расчёт, едет жить и учиться в Москву! От института в Москве ему дают общежитие».

Экспромт «Космонавтом советской земли» был написан Николаем Рубцовым в переломный момент жизни. Завершалась «морская» страница его биографии – позади была работа на рыболовном траулере, служба на эскадренном эсминце «Острый» на Северном флоте и работа в городе на берегу Финского залива Балтийского моря. Итогом «морского» периода жизни поэта стала его первая книга «Волны и скалы».

В 1962 году еще были свежи в памяти полученные на море впечатления:

Казался сон короче вспышки залповой
И обостренность чувств такой была,
что резкие звонки тревог внезапных
в ушах гремели, как колокола».

По всей видимости, не меньшая «обостренность чувств» была у Николая Рубцова 12 августа 1962 года, когда поезд Ленинград-Москва шел в неизвестность. Что впереди? И вдруг – сообщение по радио. В 11 часов 02 минуты с космодрома Байконур стартовал космический корабль «Восток – 4», пилотируемый космонавтом Павлом Поповичем. Как же так? Ведь всего сутки назад, в 11 часов 30 минут в космос улетел другой человек – Андриян Николаев!

Оказалось, что был задуман первый в мире групповой полет и космонавт Николаев, делая виток за витком над планетой Земля, ожидал где-то там наверху своего товарища космонавта Поповича. Надо ли говорить о том, как Рубцову захотелось стать третьим?

Сколько ж дней, не летая ничуть,
мне на улице жить многостенной?
Ах! Я тоже на небо хочу!
Я хочу на просторы вселенной!

В шуточном стихотворении Рубцова, как это иногда бывало в его жизни, появились строки, оказавшиеся пророческими:

Знаю только: потянет на Русь!
Так потянет, что я поневоле
разрыдаюсь, когда опущусь
на своё вологодское поле...

В 1962 году, когда поэт поступил в Литературный институт, начинается московско-никольский период его жизни. Главной темой его творчества в это время постепенно становится «тема поля». Утвердится в его жизни и новая железная дорога: Москва – Вологда. А на той, что связывала Ленинград и Москву, у станции Крюково, вырастет город - спутник Москвы Зеленоград. В 2011 году здесь будет проведен фестиваль «В горнице моей светло» и будет выпущена книга «Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова». Окончательная прописка поэта в Зеленоградском округе города Москвы состоится после того, как в примыкающем к Зеленограду дачном поселке Горетовка появится «улица Николая Рубцова».

Рубцовский «космический» след остался и после ухода поэта из земного мира. Москвичка Наира Вартановна Переслегина, защитившая кандидатскую диссертацию о космических лучах, написала портрет Николая Рубцова и его «деревню Николу» так, как будто бы все это – взгляд из космоса.

А создатель малоразмерных космических аппаратов Валерий Модестович Вишняков написал на стихи Рубцова целый ряд своих песен. Главную из них – «Тайна» - он спел в 2016 году в городе Тотьме и селе Никольском, куда был приглашен

автором данной статьи после встречи, названной ею «Пасхальным чудом». После пятилетних поисков засекреченного человека из города Королева удалось найти на одной из концертных площадок города Москвы 12 апреля 2015 года. В этот день православная Пасха совпала с Днем Космонавтики.

Литература:

1. Рубцов Н.М. Собрание сочинений: в 3 т. Т3; Сост. В. Зинченко. – М. Терра, 2000 с. 295 - 298
2. Тайгин Борис. Ленинградский год Николая Рубцова, Ленинград, май-июнь 1974 г. // Н.М. Рубцов. Волны и скалы. СПб, «Бэ-Та», 1998

«Я ВЕСЬ В МАЗУТЕ И ТАВОТЕ...»

О ТРАЛФЛОТОВСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ ПОЭТА Н.М. РУБЦОВА

Летом 1952 года Рубцов приезжает в город Архангельск с целью поступить учиться в Архангельскую рыбопромысловую мореходную школу, учебный корпус которой находился в рыбацком посёлке Фактория. Война на всё наложила свой отпечаток, нелёгкое было время для всей страны, а для детей-сирот – тем более. Тут, как-никак, полное государственное обеспечение: крыша над головой, обмундирование, койка в кубрике курсантского общежития, питание в столовой. Поступавшие были в основной массе из деревень всей России-матушки, заброшенных сюда в сложные послевоенные годы в поисках лучшей жизни, возможности обогреться, прокормиться и приобрести специальность. Поэтому они стремились поступить в школу юнг рыбной промышленности на Фактории.

Начальником моршколы был Александр Иванович Кущенко – человек, прошедший ВОВ, моряк. Готовила мореходка судоводителей – штурманов малого плавания и механиков-паровиков третьего разряда для судов промыслового флота. Срок обучения – три года. Имелось два курсантских общежития: первое – в посёлке Жаровиха, а второе – на Фактории по Юрасской дороге (ныне улица Русанова) по улице Лучевая, дом 1. Именно в этом общежитии в летний период всегда жили поступающие в АРМШ абитуриенты. В бараке общежития были кубрики на 30 человек с металлическими двухъярусными койками. В мореходке была военная кафедра, она готовила офицеров запаса для Военно-Морского флота. Старшекурсники проходили стажировку на кораблях ВМФ СССР. Командирами рот были офицеры – участники Отечественной войны.

В 1952 году набирали одну группу механиков и две группы судоводителей. У тех и у других был конкурс 7 человек на место. Как свидетельствует «Карточка медосмотра» абитуриента АРПМШ Николая Рубцова, 30-31 июля он прошёл медицинскую комиссию в Бассейновой поликлинике

водников, а 2 августа комиссия вынесла вердикт: «Здоров, годен в плавсостав и службе на флоте». Абитуриентам предоставляли место в общежитии АРМШ, экзамены начинались 5 августа. Сдавали пять экзаменов: математику письменно и устно, русский язык с литературой письменно и устно и Конституцию СССР.

В период поступления абитуриенты из разных уголков страны были предоставлены сами себе – каждый выживал, как мог, обеспечивая своё питание. По рассказам поступавших в одном потоке с Николаем будущих рыбаков: стармехов В.Ф. Капусты, Г.И. Заревина и капитана А.Е. Рашева – пацаны вечерами совершали набеги на Опытные поля, где росли: картошка, капуста, морковь, горох, турнепс, репа, свёкла. После 20 августа состоялось заседание мандатной комиссии, принимавшей решение о зачислении. Зачисленные разъезжались по домам, а к 1 сентября возвращались. Их ставили на довольствие – кормили в курсантской столовой, они получали обмундирование и ходили уже только строем.

Поступить в АРМШ Николай Рубцов не смог – был большой конкурс – это по од-

На снимке: Николай Рубцов при поступлении в Архангельский траловый флот. Трудился на траулере РТ-20 «Архангельск» угольщиком, а на ремонте судна поваром, юнгой (матросом-уборщиком). Проработал в АТФ с 12 сентября 1952 г. по 27 июля 1953 г.

ной версии. Кстати, при поступлении в тралфлот он написал в автобиографии, что не прошёл по конкурсу. Но вряд ли это явилось причиной. Всё же за плечами Коли, кроме семи классов, было два курса лесотехникума в Тотьме. По знаниям, несмотря на свою неказистую внешность, он был «на голову выше» своих сверстников, поступавших с ним в одном потоке. По возрасту тоже старше многих, поступавших после семилетки. По второй версии, высказанной автору гораздо позже в разговоре старшим механиком тралфлота Василием Фомичём Капустой, – Николая брали сразу на второй курс рыбопромысловой мореходной школы. Но произошёл бытовой конфликт с комендантом АРМШ Семёном Петровичем Ошурковым, которого Рубцов обозвал Плюшкиным. Тот доложил руководству об этом случае – и в приказе о зачислении в состав курсантов мореходной школы строптивного абитуриента Н.М. Рубцова не оказалось. Он пытался удержаться в мореходке, даже ездил несколько дней добровольно, вместе с другими зачисленными в число курсантов, на сенокос, в пригородный колхоз. Но чуда не произошло – его не приняли!

В.Ф. Капуста (02.01.1935-29.01.2007 гг.) приехал из Белоруссии, поступал учиться в одном потоке с Н. Рубцовым. Окончил мореходную школу в 1955 году. Получив диплом, Василий Фомич прошёл в тралфлоте путь от кочегара до старшего механика и проработал до выхода на пенсию. Что касается коменданта мореходной школы С.П. Ошуркова, то он, действительно, был человеком очень скарёдным, скупым. Если что-то давал, то будто «от своего сердца с кровью отрывал». Это отмечали бывшие курсанты, живущие ныне ветераны флота: капитан Алексей Егорович Рашев и старпом (позже первый помощник капитана) Владимир Фёдорович Кучерявенко, поступавшие в АРПМШ в одном потоке с Н. Рубцовым. Это подтверждали и другие выпускники мореходки начала 50-х годов.

Удалось выяснить, что во время сдачи вступительных экзаменов Николай мало общался с абитуриентами. Ему интереснее было общение с курсантами, побывавшими в море на промысловых траулерах и паруснике «И. Месяцев», которые могли что-то рассказать о работе на судах тралфлота. Например, познакомился Рубцов и общался с бывавшим в море пареньком Виталием Соболевым, курсантом-судоводителем второго курса. Он был старше Рубцова всего на месяц. Ровесники сошлись, подружились. Нужно сказать о том, что судьба В.П. Соболева сложилась неудачно. В АРМШ он учился по сентябрь 1954 года и по окончании получил учебный диплом штурмана малого плавания (ШМП). Трудился матросом до мая 1957 года на промысловых траулерах Архтралфлота, набирая ценз. В мае В. Соболев получил рабочий диплом ШМП, направлен 3-м штурманом на РТ-88 «Печорец». Но в рыбацкой карьере штурмана, по личному делу прослеживаются взлёты и падения: то он идёт на повышение во вторые штурманы, то вдруг становится матросом. В мае 1971 года В.П. Соболев написал заявление об увольнении с флота по собственному желанию. В последний раз друзья встречались в октябре 1970 года, когда поэт Н. Рубцов при-

езжал в Архангельск на выездное заседание СП РСФСР.

На самой Фактории, на берегу, располагались Архангельский рыбокомбинат и судоремонтный завод – СРЗ-1. Центром культуры Фактории был деревянный двухэтажный Клуб рыбаков по улице Траловой. Возле клуба стояла скульптура рыбака в рыбацком костюме – рокон-буксах, яловых сапогах и зюйдвестке. Рядом было здание АРМШ, её называли школой юнг «Беломоррыбтреста». Курсанты ходили всегда строем в столовую, общежитие, учебный корпус. В торжественные дни и по праздникам вся школа в полном составе – строем, с песнями, под знаменем, с начальником мореходки и командирами рот во главе колонны – проходила по улицам, вызывая восторг и одновременно зависть у мальчишек во всей округе.

Весь посёлок в те далёкие годы, казалось, был пропитан запахом моря и солёной рыбы. Это особенно чувствовалось, когда дул южный ветерок со стороны реки Северной Двины и рыбокомбината в сторону посёлка. К сожалению, облик старой Фактории неузнаваемо изменился: снесены старые здания АРМШ, клуба, жилых домов; не стало Архрыбокомбината с его причалами, кругом разбитые дороги и тротуары; в 2021 году сгорело старое здание Управления тралфлота, где оформлялся на работу Н. Рубцов. Не осталось памятных мест, связанных с именем поэта, – они остались только в памяти старых рыбаков и на фотографиях в музее.

После неудачной попытки поступления перед Рубцовым встал вопрос: «Как жить дальше?» В общежитие АРМШ его перестали пускать. Зачисленные вспоминали, как они, уже переодетые в морскую форму, постриженные наголо, строем проходили по деревянным мостовым Фактории и неоднократно видели бесцельно бредущего по мостовым и тротуарам рыбацкого посёлка с каким-то неприкаянным видом, никому не нужного Николая. Об этом моменте, когда он не поступил в АРМШ, написано моё стихотворение «Факторская юность поэта»:

В старом пиджачишке,
С шарфом на тонкой шее
Брёл худенький парнишка,
Всем незнаком доселе.

Его зов дальних странствий
Привёл в рыбацкий порт.
Свист ветров океанских,
Где волны бьют о борт.

Искал «контору» флота,
По мостовой бродил.
Просился на работу...
И всё же принят был!

– Зачем? – его спросили, –
Ты ростом мал и худ.
Качали головами:
«Ведь в море – адский труд!

А море любит сильных!
Ты точно не атлет!

Сидел бы, парень, дома
В свои шестнадцать лет».
Сжигают топки тонны
В утробе кораблей...
Да навозить их надо!
Тонн двести так за рейс.

А он ответил: «Надо,
Я к этому – готов!
Угля для «топок ада»
Вам навожу, как дров».

Кто знал в пятидесятых,
Кого тралфлот пригрел?
Тут вместе со штормами
Поэт известный зрел!

У нас немного прожил,
Без малого – лишь год!
Жизнь на стихи положил,
Россия-мать поёт!

Пообщавшись с рыбаками и курсантами, решил осуществить свою мечту – стать моряком, заработать на дальнейшую жизнь. Он мог вместе с курсантами, проходившими практику на промысловых судах, приходить на корабли, стоящие в порту, и там получить кров и пищу. Никаких особых строгостей в пропускном режиме в те годы не было. Судов в порту у причалов рыбокомбината стояло много. При желании можно было попасть в порт, минуя проходную. Моряки во время стоянок в порту жили в основном дома (за исключением иногородних), приходили работать днём или стоять суточные вахты. Свободных мест в каютах хватало, да и рыбаки во все времена отличались от прочих своим гостеприимством. Видимо, этот вопрос Николай так и решал, пока не оформился на работу. Начальник отдела кадров тралфлота И.Г. Каркавцев не хотел брать маленького, щуплого паренька и даже отговаривал от работы в море, говоря о том, насколько она тяжела на самом деле. Но был покорен его настойчивостью, принял на работу и направил на траулер РТ-20 «Архангельск» в качестве помощника кочегара (кочегара 2-го класса), по-флотски – угольщика.

Николай в экипаже траулера был принят сразу. После прихода из первого рейса он, совместно с другими молодыми рыбаками, отметил это событие. Вот что вспоминает ветеран АТФ, старший механик Виталий Павлинович Петров, проработавший в море 40 лет после окончания мореходной школы юнг: «В самом конце сентября (29-30 числа 1952 года) траулер РТ-104 «Амур», на котором я работал 3-м механиком, стоял после окончания выгрузки рыбы у причала № 4 рыбокомбината и готовился к выходу в очередной рейс. Капитаном был известный рыбак Анатолий Иосифович Разулевич. На борт доставляли судовое снабжение, продукты на рейс. Рядом стоял другой траулер-паровик, где проводились котлочистка и ремонт, мы обеспечивали их паром для отопления. По корме у причала № 5 под выгрузкой рыбы пришедший утром с моря РТ-20 «Архангельск». Рядом, у борта «двадцатки», ещё какие-то траулеры. У нас на судне в тот день второй штурман выдавал рейсовую зарплату экипажу, а на траулере «Архангельск» команда получала приходной аванс в счёт

зарплаты. Стояла маловетренная, солнечная погода – настоящее «бабье лето», хотя листва на деревьях уже пожелтела и начала опадать. Я нес суточную вахту до 08.00 утра следующих суток. Вечером корабль должны были вести портовыми буксирами «Вьюн» и «Изумруд» под бункеровку на Угольный причал Левого берега, находившийся напротив города. После обеда привезли материально-техническое снабжение для механиков, и я, приняв его, сел с моряками перекурить на крышку резервного трюма, ожидая перехода судна под бункер. Ведь уголь – это моё заведование, и необходимо контролировать его погрузку, да и качество тоже. Если уголь плохого качества (был и такой иногда – шпигбергенский), то, как говорили моряки, от него ни пару, ни жару! Трудно удержать в море «пар на марке в кочегарке», а не будет хода – не будет и улова! Рабочий день подходил к концу.

Моряки постарше и женатые уходили домой, чтобы отдать зарплату и провести последние часы перед отходом в очередной рейс с семьёй. Кто помоложе, кучковались в группы по интересам и шли отдыхать на берег: по магазинам, на спортивные площадки, кто-то собирался на танцы на местную факторскую «сковородку». Ко мне подошёл старший кочегар, который попросил разрешения покинуть борт на 2–3 часа до начала бункеровки. При этом он сказал, что молодёжь стоящих рядом судов идёт, по приглашению моряков траулера «Архангельск», подошедшего с моря, на «зелёную конференцию». Там намеревались послушать песни под гармошку молодого «угляры» с их траулера. В ресторан «Бревно» у профсоюзной здравницы – Дома отдыха, находившегося неподалёку у пляжа на реке Северная Двина (сейчас это в районе улицы Русанова) – группа рыбаков пошла через магазин «Прибой», где запаслась дешёвым винишком – «портвешком» да «Биле мицне» и кое-какой снедью на закуску».

Это место на берегу реки с давних пор облюбовали рыбаки тралфлота для своих встреч – «зелёных конференций» - и во время стоянок судов в порту, в летний период, частенько бывали там. Песчаный пляж был большой, рядом футбольное поле: можно искупаться, позагорать и в футбол поиграть. А в пасмурную погоду просто посидеть на брёвнах с друзьями за стаканчиком вина, поговорить и обсудить свои проблемы. В самом рыбацком посёлке Фактория в те годы не было каких-то учреждений для отдыха моряков (кроме пивной тети Оли), и молодые неженатые рыбаки использовали такую возможность пообщаться в месте, называемом ресторан «Бревно». Довелось там побывать и угольщику Николаю Рубцову. В далёкие 1950-е годы в Доме отдыха проводились танцевальные вечера, и лучших курсантов АРМШ – отличников учёбы – приглашали туда по специальным приглашениям. Об этом помнят бывшие выпускники мореходки, да и старожилы рыбацкой Фактории.

«Несколько матросов и кочегаров с нашего корабля, свободных от вахт и работ, ушли с судна. А следом мимо по причалу потянулась к проходной молодёжь других траулеров. Прошла по причалам и группа моряков с РТ-20. Один из них, невысокого роста, был с гармошкой. Проходная со справочным бюро в те годы была неподалёку. Мостовая от причала № 4 выходила прямо к управлению Архтралфлота (к «конторе», как говорили рыбаки), на улицу Революции, дом 2. Вернулись моряки часа через три – радостные, возбуждённые и довольные. Позже в рейсе рассказывали, что их собралось довольно много с разных судов. Места на выброшенных Двиной брёвнах всем хватало. Они хорошо отдохнули перед выходом в море. Песен под гармошку наслушались, да и сами попели. Как оказалось, «угляр Колька» хорошо играл на гармонии и пел тихим, негромким и задумчивым голосом. Рыбаки нашего траулера восторженно отзывались о талантливом паренёке. Не слышал и не помню, чтобы

*На снимке: Рыбачья Фактория конца 1950-х
(из архива музея боевой и трудовой славы тралфлота)*

они говорили что-то о стихах или песнях на его стихи. Читал Рубцов их морякам на берегу или нет? Тоже не могу сказать. Теперь это вряд ли установишь! Да и людей, слушавших его тогда на «стихийной конференции», не найдёшь; они почти все ушли из жизни.

Мне и самому 89 лет! Я – помор! А родился в селе Лопшеньга на Летнем берегу Белого моря. Живу в Архангельске по Ленинградскому проспекту, дом 275. Это неподалёку от рыбацкой Фактории, с которой неразрывно связана вся моя судьба и жизнь. Много позже узнал, что талантливый «угольщик Колька» стал великим русским поэтом-лириком, всемирно известным Николаем Михайловичем Рубцовым! Очень, конечно, сожалею, что тогда, в сентябре 1952 года, служебные дела не позволили сходить вместе с молодёжью послушать его и познакомиться поближе. Рыбаки Архтралфлота всегда вспоминали этого талантливого человека и рыбака. А поэтому в более поздние годы, факты, имевшие место, обрастали выдуманными «подробностями». Много разных небылиц о нём рассказывали и мурманские рыбаки: но доказательств-то нет! Да и работал он, как известно, в Архтралфлоте. Хотя в Мурманске бывал в зимнее время в силу специфики нашей работы, когда там базировались корабли нашего флота. Работая на судах тралфлота в более поздние годы, часто слышал, как звучали его стихи среди экипажа в минуты отдыха: «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Забрызгана крупно и рубка, и рында...», «...Ой, вы, северные моря, юность моя – тралфлот!» и другие. С творчеством Н. Рубцова я хорошо знаком, и книги о нём у меня есть. Обидно, что он так рано и нелепо ушёл из жизни в молодом возрасте. Ведь сколько бы ещё мог написать!»

На основании рассказанного ветераном флота В. Петровым можно сделать кое-какие выводы:

1. Описанные события произошли 29-30 сентября 1952 года, когда промысловый РТ-20 «Архангельск» вернулся из очередного рейса. Угольщик Н.М. Рубцов пришёл на траулере, отработав первый в своей жизни рейс в море!

2. Становится понятно, что молодой угольщик Рубцов пришёлся по душе рыба-

кам и вписался в коллектив экипажа судна. Он уже в первом рейсе зарекомендовал себя как хороший гармонист и исполнитель песен. И не только. Его трудолюбие и старательность отмечали коллеги-кочегары. Да и сам он, судя по его поздним стихам, говорил, что его работу, как неплохого труженика, «скупое хвалил старпом...»

3. Моряки гордились своим «углярой Колькой», потому и постарались, чтобы с ним рыбаки других кораблей флота, стоявших рядом в порту в те дни, познакомились. Но никто не мог предполагать, что судьба не многим из них дарит редкую возможность знакомства и общения с будущим великим поэтом России!

4. Становится так же понятно, почему среди рыбаков из поколения в поколение, в течение почти 70 лет, сохраняются и передаются частички информации и память об этом талантливом человеке. Пусть, возможно, слегка приукрашенные. Они помнят, уважают и гордятся тралфлотовцем – поэтом Николаем Рубцовым! Считают его «в доску своим!» и при этом – хорошо знают его творчество.

В соответствии с воспоминаниями рыбаков и содержанием главы будет к месту привести моё стихотворение «Поминальное от рыбаков»:

Весёлая «братва» на берегу гуляла,
И ресторан «Бревно» обыденно гудел.
Сегодня здесь Рубцова не хватало.
А ведь совсем недавно он здесь пел.

Играл рыбак на старенькой тальянке,
Негромко распевал свои стихи.
А собирались моряки не для гулянки –
Их дружба крепла на берегах Двины-реки.

Теперь о нём рассказывают байки,
И кто-то прихвастнёт: «Я с ним пивал!»
Он был тут в телогреечке-фуфайке.
Он, как и ты, здесь рядышком стоял».

Сегодня мы Рубцова поминаем,
Звучат его и песни, и стихи.
Всё помним, мы его не забываем –
Он под гармошку пел нам у реки.

Море и работа угольщиком стали первым опытом самостоятельной жизни, началом трудовой деятельности и частичкой судьбы Н.М. Рубцова. Это была первая остановка на его пути, всего один год, который из короткой, в 35 лет, жизни связал его с рыбацкой Факторией, тралфлотом и городом, где он позже бывал неоднократно, печатал свои стихи. Этот период, вместе со службой на Северном флоте, станет для него одной из ярких страниц жизни, к которой он постоянно возвращался в своём творчестве – серьёзным испытанием, закалкой и суровой жизненной школой поэта.

Тяжёлый, монотонный физический труд рыбака в штормовых условиях северных морей – качки, обледенения, ограниченное пространство и круг общения – был нелёгким, но Рубцов верил в свою звезду, в законы морского братства и свои силы. Впоследствии он напишет такие строчки: «... Как важно верить с самого начала, Что из тебя получится моряк!»

Николай был встречен экипажем радушно и попал в руки «ллойдовских» кочегаров, которые стали его учителями и наставниками. Александр Александрович Ники-

*Фото 1952 г. Кочегар,
наставник и учитель
угольщика Н. Рубцова
А.А. Никитин*

тин и Андрей Григорьевич Карельский, коренные помощники, прошедшие через фронты Отечественной войны и имевшие награды, обучали его работе в кочегарке. Оба связали свои жизни с морем ещё в юности, работая в Северном морском пароходстве до ВОВ, а после войны в тралфлоте. Хорошо характеризовались руководством. Никитин пользовался особым уважением рыбаков, он учил Николая играть на гитаре, привил любовь к песням и романсам А. Вертинского и П. Лещенко. Старый моряк-кочегар заботливо опекал молодого угольщика и стремился всему научить его и подсказать что-то важное. А.А. Никитин играл на всех музыкальных инструментах, а на гитаре до своего столетия и прожил почти 101 год! Большую роль в судьбе угольщика Н. Рубцова сыграли и капитаны траулера: Григорий Петрович Костин (1894 - 13.11.1960 гг.) с которым он работал в 1952 году, и особенно Алексей Павлович Шильников (10.03.1921 - 26.04.1999 гг.), с ним работал с января по июль 1953 года. Поначалу Николай был замкнутым, напряжённым и сдержанным в отношениях с новыми малознакомыми

людьми, как рассказывали его наставники-кочегары. Но благодаря доброму отношению всех моряков к молодому старательному угольщику, это быстро прошло. Он успешно влился в дружную семью рыбаков корабля. В одном из стихотворений он написал: «Помню, при всех меня скупой хвалил старпом...»

Все рыбаки в свободную минуту любили посидеть за чашкой чая и поговорить. Правда, это бывало нечасто. Особенно когда рыба ловилась хорошо (с марта до осени), работать приходилось по 16 часов. Там не до чаёв: – вахта 4 часа, потом 4 часа подвахта на уборке рыбы. Небольшой отдых 4 часа и снова вахта, опять подвахта. Зато на переходах или на безрыбье – самое время пообщаться: попить чайку, посидеть, поговорить. А тут ещё сосед с неплохим голосом и отлично играющий на гитаре. Тогда-то и слушали Александра Александровича Никитина, умевшего не только спеть, но и рассказать «за жизнь» и про всякие случаи в ней. «Угольщик Николай Рубцов, – как вспоминал старшина кочегаров Андрей Карельский, – в такие минуты часто располагался на своей верхней койке второго яруса и внимательно слушал рассказчиков, жадно впитывая всё, что говорилось. В носовых помещениях под полубаком на двух палубах жило много моряков. Иногда часть их располагалась в коридоре, присев у переборок, курили и слушали. У Никитина к тому времени за плечами 45 прожитых лет, связанных с морем, и Великая Отечественная война! Было что рассказать и чем поделиться!» Да ведь было о чём рассказать и самому Андрею Григорьевичу Карельскому – старому моряку - кочегару, бывшему морскому пехотинцу 12-й бригады морской пехоты Северного флота.

Желающим научиться играть на гитаре Александр Никитин никогда не отказывал. Карельский вспоминал: «Коля Рубцов с его любознательностью и настойчивостью больше всех донимал Сан Саныча. Тот, видя его большое желание научиться играть, терпеливо учил, показывал аккорды угольщику, обладавшему хорошим музыкальным слухом и быстро схватывавшему уроки своего учителя-наставника. В свободные минуты он часто брал гитару в руки и тихонько наигрывал. Чтоб не мешать

спящим рыбакам, отдыхавшим после вахты или подвахты, он порой уходил в столовую команды, которая вместе с камбузом располагалась в кормовой надстройке судна. Мог он и на гармошке сыграть, имевшейся на траулере. А за бортом в это время тяжело вздыхало, ухало, рычало и свистело, словно взбесившееся во время шторма, суровое Баренцево море. Задували свирепые северные ветра со снежными зарядами, а они в осенне-зимний период бывали частенько». Так что с наставником Коле Рубцову, несомненно, повезло! В душе паренька романсы Александра Вертинского, которым учил его А. Никитин на траулере РТ-20 «Архангельск», полюбили и сохранились на всю жизнь, до самой смерти.

*На снимке: Моряк-ветеран
Александр Александрович Никитин в
день своего 99-летнего дня рождения.*

Коллеги учили угольщика премудростям кочегарской работы. Показывали, как работать лопатой, штивать и грузить уголь, возить в тачке из резервного трюма и бортовых бункеров (карманов) в кочегарку. Да так, чтобы не набить при этом мозолей на руках и не получить в штормовую погоду случайную травму. В угольных бункерах тесно, задыхаясь от угольной пыли, он работал при слабом освещении тусклой переноски. Учили с перспективой на будущее: как правильно загружать уголёк в топку, как орудовать тяжеленными ломиками, подламывая спёкшийся в топке шлак. Один из главных инструментов в работе – ломик «понедельник», изготовленный из хорошей легированной стали, а работать им могли только физически крепкие люди. Учили, как правильно чистить топку – сдвинув жар в одну сторону, выгребая гребком горячий шлак себе под ноги на металлические пайолы и поливая водой из шланга. Потом, остывшим, его загружали в тяжёлую металлическую кадку и через крантон вываливали шлак за борт. А в кочегарке стояли смрад и чад, дым и угарный газ от угля и шлака, горячий воздух с угольной пылью, который приходилось глотать при дыхании. Никакой вентиляции тогда не было. Жар, пот заливает глаза. Во рту всё пересохло – постоянно хочется пить. А на шее вафельное полотенце – «присяга», как говорили кочегары, которым время от времени удавалось вытереть пот с лица.

При этом необходимо постоянно следить за давлением пара в котле по манометру. При низком давлении пара в котле главная машина не даёт нужного хода траулеру во время траления, будет недолов рыбы. И так всю четырёхчасовую вахту от начала до конца. Ноги и все внутренние органы дрожат мелкой дрожью от напряжения, да ещё при качке траулера тебя постоянно куда-то норовит отбросить с места! Удовольствие от такой работы вряд ли испытаете! Учили Колю, как пар держать «на марке» и ни в коем случае не подорвать его. Ведь подрыв пара в котле – это увеличение расхода пресной воды, такой дефицитной в море, да и дополнительный расход угля при этом, за что старший механик строго взыщет с виновного, обычно лишая части премии нерадивого кочегара. Учили Рубцова и всем прочим премудростям кочегарской работы. Кто прошёл эту школу – тому эти адские условия труда запомнились на всю оставшуюся жизнь.

Моряки удивлялись: зачем такой маленький, худой и слабый Рубцов пошёл в море угольщиком? Конечно, в те годы на флот нередко брали 16-летних, но они ра-

ботали чаще юнгами (матросами-уборщиками) или помощниками повара до своего совершеннолетия. А с подвахтами на рыбе Николаю приходилось иногда «пахать» по 16 часов в сутки! После вахты в кочегарке, наскоро поев, ему приходилось вставать в рыбный ящик на подачу рыбы. Кто работал в море – тот знает, как это тяжело. Головорубщик при неправильной подаче рыбы не успевает нарубить на шкерщиков, и они мёрзнут. А если ещё и «подавала» в ящике шевелится плохо – тогда совсем худо. Тот, что в рыбном ящике, должен как заведённый работать. Так сутками и неделями! Несколько дней такой работы – и усталость даёт себя знать – спина не разгибается: все мышцы и тело ноют. Уже ничего не хочется: ни есть, ни пить, ни в столовую команды сходить... Лишь бы до своей койки добраться. В голове одна мысль – выспаться! У меня есть собственный опыт и такие строки стихов:

... Вахта-подвахта по несколько дней,
Мне бы добраться до койки своей.
Шестнадцать часов – отмеренный срок.
Нет, мужики! Не каждый бы смог!

Не каждому было дано выдержать испытания на прочность! Тралфлот – место жизни, работы и подвига! Не зря у поморов была поговорка: «Кто в море не бывал – тот Богу не маливался!». Сейчас никто не расскажет, как встретился Н. Рубцов с морем в первом рейсе – болезненно и трудно или, наоборот, – легко всё перенёс? Людей, ходивших с ним на траулере, давно нет на этом свете. Но точно можно ответить, что «обкатка и крещение морем» у Коли прошли благополучно, поскольку нареканий на его работу, как рассказывали А. Никитин и А. Карельский, не было. Не сбежал Рубцов после первого же рейса, не уволился, а продолжал работать – вопреки всем трудностям! Выходит, освоился с работой и «морской болезни» не был подвержен или сумел с ней справиться. Николай Рубцов в 16-17 лет – совершил настоящий подвиг. Доказал, что, как и взрослые мужики, – может всё.

Капитан А. Шильников вспоминал: «Николай был человеком очень скромным и стеснительным и, как скоро выяснилось, легкоранимым и обидчивым. А моряки могли запросто подшутить над молодым моряком, что он в первое время не сразу понимал. Они перестали подшучивать, и он быстро освоился, как обычно бывает в экипажах на промысловых судах. Собеседников поражал молчаливостью, смущённостью и какой-то грустинкой, хотя взгляд его был всегда внимательный и очень добрый. Он легко сошёлся со своими коллегами по каюте, да и со всем остальным экипажем судна. Отношение к нему со стороны моряков было уважительным и добрым. Он проникался доверием к окружающим, в ходе общения становился более оживлённым, хотя и не спешил раскрывать душу и откровенничать со всеми подряд».

Зимой суда базировались в порту Мурманска, а с началом навигации в Белом море траулеры шли на выгрузку в Архангельск. Всё зависело от ледовой обстановки в море. Судовые роли за 1952-1953 годы подписаны капитанами. Видно, кто был в составе экипажа в том или ином рейсе, есть отметки портового надзора о датах отхода-прихода судна. В судовой роли: № 26. Рубцов Николай Михайлович, угольщик, СССР, 1936 г.р., в/обязанный, паспорт VI-ВД №566534». Роль подписана капитаном Г.П. Костиным. В рейсе был инструктор-тралмейстер, наставник Григорий Александрович Могутов, под № 47. Могутов – серьёзный специалист, прошедший ВОВ, уроженец холмогорской Земли – земляк Рубцова, награждённый за ратные и трудовые подвиги орденами и медалями. В 1963 году ему присвоено звание – Герой Социалистического труда.

Море закалило Рубцова – сделало из него крепкого мужчину. Это уже не тот

«птенец», который выпорхнул из школы-гнезда – детского дома. Сравните фотографии Николая до и после тралфлота; бросается в глаза, что с его лица ушло выражение детскости, парень возмужал, стал серьезнее, повзрослел, понял, что такое рыбацкий хлеб и труд в море. Он прошёл в траловом флоте, в самом начале своего пути, неплохую школу жизни – научился трудиться, жить и выживать. Понял, что значит мужская морская дружба, взаимопомощь и выручка рыбаков, без которой – в море нельзя.

Возможно, он, испытал некоторое разочарование от сравнения своей романтической мечты с реальной жизнью флота, выйдя в море не на «белом лайнере» в круиз, а на старом рыбацком траулере РТ-20 «Архангельск», где довелось противостоять жестокой стихии северных морей и окунуться в тяжёлый, изнурительный труд. Так суждено было случиться в судьбе юноши, который позже написал:

...Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу
Без большого размаха в работе
Я, наверное, жить не смогу...

Поэт точно выразил свои впечатления и мысли о работе на флоте! Правда, это понимают только настоящие рыбаки, а люди, далёкие от моря, считают эти строки просто «графоманскими опусами». За строчками стоит вся сложность и тяжесть труда рыбаков, вместе с её физическими и морально-психологическими перегрузками. Прошедшие школу тралфлота становились настоящими мужчинами-тружениками, где бы они впоследствии ни трудились. Не зря на руки и крепкие ладони поэта, совсем не подходившие хрупкой внешности и небольшому росту, многие обращали внимание. Он с детства выполнял любую работу – поэтому был крепок не только физически, но и духовно.

Траулер «Архангельск» вернулся к причалам Архангельского рыбокомбината 25 апреля 1953 г. После выгрузки судно с сокращённым экипажем пошло в Мурманск для ремонта винто-рулевого комплекса на судовой верфи. Простояло там со 2 июня по 3 сентября 1953 года, но угольщик Рубцов списался с траулера в июле, не дождавшись окончания ремонта. Мечте Николая Рубцова, о которой он говорил капитану А.П. Шильникову, выучиться и стать судовым механиком, так и не суждено было сбыться.

На снимке: Лето 1953 года, Николай Рубцов у крыльца здания широко известной в своё время в Мурманске столовой ТПО (ул. Коминтерна, дом 13).

Сейчас в этом прекрасном архитектурно-историческом сооружении, почти ровеснике города, находится Мурманский областной художественный музей.

Немного проработал Н. Рубцов в Архтралфлоте, десять с половиной месяцев, но нелёгкий труд рыбаков в море и сами труженики-рыбаки оставили в душе молодого паренька добрую память, которая позже была отражена в его творчестве. А след угольщика Николая Рубцова навечно остался в истории флота и, что особенно важно, неизгладимый след в русской литературе и память в лирических стихах о море, морской романтике. В одном из своих стихотворений он писал: «...Корабль мой по жизни плывёт, По морю любви и поэзии.»

Хотелось бы, чтобы спустя многие годы поэт вернулся в Архангельский траловый флот в новом качестве – новым траулером «Поэт Н. Рубцов» - и продолжил плавание не только по морю любви и поэзии, но и по всем штормовым и штилевым морям Мирового океана!

Что касается увековечения памяти поэта в Архангельске – тут нужно работать

вместе с региональными и муниципальными властями. Присвоено имя поэта школе № 4 и библиотеке № 17 Архангельска. Но как-никак, из 35 лет жизни более года поэт был на рыбацкой Фактории, бродил по её деревянным тротуарам, улицам и мостовым, в порту по причалам рыбокомбината. Это может быть Памятная доска или Памятный камень. Можно

поставить бюст поэту на том месте, где была Архангельская рыбопромысловая мореходная школа, с соответствующей надписью: «...Ой, вы, северные моря, юность моя – тралфлот!» или на берегу Двины на пустыре, где был Архангельский рыбокомбинат, благоустроить парк. Назвать одну из улиц Фактории именем поэта.

...Ой, вы, северные моря, юность моя – тралфлот!

Николай РУБЦОВ. Северный флот. 1956 г.

Сергей КУВШИНОВ

ДМИТРИЙ ШИРЯЕВ ОСНОВАТЕЛЬ МУЗЕЯ Н.М. РУБЦОВА В Г. ДЗЕРЖИНСКЕ

*Листаю жадно книги в магазине,
Опять ищу в них дорогое имя –
Я «Р» ищу в начале главных слов,
И там, где обнаружу вдруг – Россия,
Ищу синоним Родины – Рубцов.*

Д. Ширяев¹

«Николай Рубцов – тот поэт, с музой которого «...люблю, негодную и плачу», как жизненное кредо, положил в основу деятельности по служению поэзии Николай Рубцов основатель рубцовского музея на Черноречье, библиофил, подвижник – Дмитрий Александрович Ширяев. Любовь к стихам Рубцова вызвала интерес и к его биографии. Но собирателем меня сделала, наверное, потребность в том, чтобы знакомить с его поэзией и биографией граждан моего города. Знакомить с Николаем Рубцовым – это значит внушать ДУХОВНОСТЬ...»

19 марта 1998 года на Черноречье, в слишком молодом «социалистическом» городе, случилось крайне неординарное событие, взбудоражившее ту часть жителей, которые неравнодушно относятся к духовной жизни общества.

Дмитрий Александрович Ширяев родился 8 сентября 1950 года в Дзержинске. Окончил 8 классов средней школы, поступил в ДХМТ, но не закончил полного курса обучения. Занимался вольной борьбой, однако из-за травмы оставил спорт. С 17-ти лет – рабочий завода «Заря». Некоторое время трудился на оборонном заводе имени Свердлова, но затем вернулся на химический завод «Заря», где почти до выхода на пенсию проработал кузнецом-штамповщиком.

В юношеские годы Дмитрий увлекался лирикой Сергея Есенина и потратил годы на изучение его жизни и творчества. С него начинал знакомство с поэзией классиков русской литературы: М.Ю. Лермонтова, Евг. Баратынского, позднее Дмитрия Кедрина. Он был превосходным собеседником с серьезными суждениями, глубиной мысли об отечественной литературе. Отменно знал творчество многих представителей русской классической прозы – Ивана Бунина, Валентина Распутина, Василия Белова. Франсуа Вийон и Джакомо Леопарди, французский и итальянский поэты, дополняли приверженность к классике мировой поэзии. Его

Д.А. Ширяев. В юношеские годы

с поэзией классиков русской литературы: М.Ю. Лермонтова, Евг. Баратынского, позднее Дмитрия Кедрина. Он был превосходным собеседником с серьезными суждениями, глубиной мысли об отечественной литературе. Отменно знал творчество многих представителей русской классической прозы – Ивана Бунина, Валентина Распутина, Василия Белова. Франсуа Вийон и Джакомо Леопарди, французский и итальянский поэты, дополняли приверженность к классике мировой поэзии. Его

библиотека была скромной, но тщательно подобранной. Однако в ней привлекали редчайшие рукописные культовые книги старообрядцев, где «музыка к песнопениям записана нотами-«крюками», условными обозначениями – невмами, восходящими к средним векам и состоящими из графических значков типа чёрточек, точек, запятых и их разнообразных сочетаний, проставляемых над словесным текстом и обозначающих отдельные звуки или мелодические обороты, ходы голоса вверх и вниз, повторение одного и того же звука, характер и способ исполнения музыки».²

При общении с Дмитрием Александровичем несколько настораживала его немногословность, явно выраженная скрытность к собеседнику, но зачем «лезть в душу»? Позднее стали понятны их причины...

Д. Ширяев 14 января 1989 года принял участие в литературном «рубцовском» вечере в ДКХ. Чуть позднее он поведал, что это было его первое участие в массовом мероприятии, посвящённом памяти Н. Рубцова, и первое явление публике в качестве библиофила-собирателя. К сожалению, в первой публикации на Черноречье о пропаганде творчества Н. Рубцова,³ автор не упомянул о поклоннике поэта ни строчки...» Так городским книжникам стало известно об увлечении Дмитрием творчеством замечательного поэта России, начавшемся ещё в 1977 году. И стала понятной его скрытность на протяжении четырёхлетнего общения: он тщательно утаивал от постороннего свою «рубцовскую болезнь», свою душевную потребность, интимную привязанность к музе поэта; он не хотел впускать в свой мир и не желал навязывать своё преклонение перед поэтом другим, опасаясь быть предвзято понятым. Хроническая болезнь порядочного русского человека... И, пожалуй, он был прав: мирное, радостное занятие «для души» было прервано буквально в следующем месяце – его убедили «открыть» и использовать богатейшее собрание рубцовианы в пропаганде творческого наследия Николая Рубцова среди горожан».

В доверительных беседах исподволь выяснялось, что в начале 1970-х годов он случайно прочитал стихотворение Н. Рубцова «Тихая моя родина». Затем, где-то в середине 70-х, так же случайно, купил «Звезду полей», а к середине 80-х собрал значительный материал о жизни и творчестве поэта. И пришло понимание, что простое увлечение перешло в серьёзнейшую исследовательскую работу, доставлявшую ему радость сродни радости первооткрывателя. Об этом переломном жизненном моменте он рассказал в одной из опубликованных в прессе бесед с ним: «... я понял, что творчество большого художника – всегда учение. Оно всегда учит определённому отношению к миру, к жизни. Учение, оставленное Рубцовым, – это учение о «самой смертной связи» с родной землёй, о памяти, которой много столетий, о жизни, «когда душа ведёт». Кроме того, из всех близких мне по духу поэтов – Рубцов ближе всех ко мне по времени. Как мой современник, он сказал то, чего мне не найти у множества его поэтов-предшественников».

Как-то раз, на одной из встреч с поклонниками рубцовской поэзии, Дмитрий произнёс запомнившиеся слова: «Считаю Николая Рубцова прекраснейшим, самым бытнейшим, одним из лучших русских поэтов. По моему мнению, его лирика сродни песне, такая нежная, светлая песня нашего времени, подлинная, «как трава, как вода, как берёзы». К концу 1980-х годов собрание Дмитрия насчитывало более двух десятков рубцовских книг, включая четыре прижизненных (официальных). Отсутствовала лишь первая «самиздатовская» машинописная книга Н. Рубцова «Волны и скалы», изданная тиражом 6 экз. Борисом Ивановичем Тайгиным в 1962 году в своём «домашнем» издательстве «Бэ-Та». Собрано множество литературоведческих книг, огромное количество публикаций в периодике, фотоархив, копии произведений изо-

бразительного искусства, лирические посвящения поэту.

Он «открыл» оригинальный способ сбора средств на памятник Н. Рубцову в Вологде – комиссионная продажа его поэтических сборников, дополненная отчислениями из его скудного заработка, при этом всегда сохранял квитанции переводов в адрес вологодского Фонда.

Библиофил, занимаясь собирательством «рубцовских» материалов, одновременно исследуя сплетения сложных жизненных перипетий и творческое наследие своего кумира, естественно, не мог не выйти на единомышленников. Постепенно он установил деловые связи, наладил эпистолярное общение со многими поклонниками поэзии Рубцова, редакциями ряда журналов и «Литературной газеты», Союзом писателей России, Вологодским музеем-заповедником, отдельными литераторами, лично знавшими поэта, исследователями его творчества. Пополнялось собрание литературоведческими материалами, статьями из региональных газет и журналов. 20 августа 1990 года библиофил принял участие по приглашению Вологодского музея-заповедника в традиционном Рубцовском празднике поэзии в селе Никольском. Об этом он поведал 29 сентября на 9-й «Библиофильской субботе». Своё сообщение назвал «К Николаю Рубцову» и рассказал об открытии мемориального музея поэта в бывшем детском доме, где прошли детские и юношеские годы (1943-1950), о прошедших Рубцовских чтениях и Празднике поэзии, о Родине Рубцова, его земляках и сохранении памяти о нём, о значении его творчества, как поэта, в русской литературе.

Московский журналист, бард – Юрий Зыслин – в крайне любопытных путевых заметках о Рубцовских чтениях (август 1990. Тотма – Никольское) обстоятельно поведал о знакомстве с Д.А. Ширяевым и их совместном трёхдневном участии в торжественных мероприятиях. Предлагаем читателям фрагменты из них, касающиеся нашего земляка.

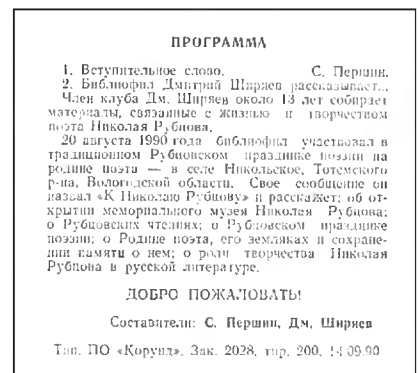
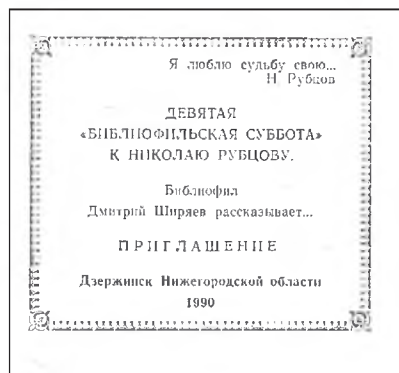
«На рубцовские чтения и на открытие музеев тотемскому мореходу И.А. Кускову и Н.М. Рубцову я был приглашён как председатель «Музыкального клуба «МЭЛЗ» (Москва), в котором почитают Рубцова, и как автор вокально-поэтического цикла «Тихая моя родина» (на стихи Николая Рубцова), а также как турист, уже бывавший в Тотме.

Н.М. Рубцов. 1970.
Фото Н.С. Лаврентьева

Д.А. Ширяев. 1990.

Минииздание. 4 стр. Размер 7,9х8,4 см.

Юрий Зыслин

Поезд прибыл в Вологду рано утром в субботу. На все утренние рейсы автобуса Вологда – Тотьма билетов до 15 часов нет. Пошёл бродить по Вологде, богатой памятниками и старинной архитектурой.

На одном из кирпичных домов – мемориальная доска: «Улица названа именем видного русского советского поэта-володжанина Рубцова Николая Михайловича. 1936-1971 гг.», выведенное на доске «видный... поэт» резануло по душе. Здесь что-то безликое. Уж лучше, наверное, сказать просто «поэт». А оценку сделают время и люди. Явно кто-то перестраховался. Сел на лавочку на берегу реки Вологды, погрузил, вспоминал стихи Рубцова и побрёл через Вологодский Кремль по улице Мира на автовокзал: надо всё-таки ехать в Тотьму. Дорога неблизкая – 4 часа езды. Еду. Мелькают деревни и речушки.

Приехали. Автостанция расположена на окраине города. Семеню своими шагами к центру Тотьмы. Меня догоняет мужчина средних лет с чемоданом. «Вы куда?» – спрашивает он. Отвечаю: «На праздник краеведческого музея». – «А я на рубцовские чтения, вот чемодан с книгами для автографов несу». – «Так я тоже на рубцовские чтения. Ба! А где же моя гитара?» Голова пошла кругом: гитару я, оказывается, забыл в автобусе. <...>. Захожу в контору гаража. Прибыл автобус. Шофёр Николай вручает мне гитару. Даю первый концерт в Тотьме из рубцовских песен. Николай после каждой хлопат: «Ох, хорошо!»

На следующий день, в воскресенье, был праздник города. С утра открывали памятник и дом-музей И.А. Кускова, первого коменданта крепости Форт Росс. О нём я уже упоминал. Это легендарная личность. Его память чтят в США, где выпущена даже памятная медаль с изображением этого человека. Да и сейчас сюда приехали два американских почтенных профессора истории, интересующиеся Русской Америкой.

Ещё утром я столкнулся в городе с тем человеком, который привёз чемодан книг и был свидетелем моей «гитарной беды». Мы познакомились. Он оказался собирателем материалов по Николаю Рубцову. Кузнец из Дзержинска (Нижегородской области) Дмитрий Александрович Ширяев знает о Рубцове всё. Он владеет редкими фотографиями, имеет все прижизненные издания Рубцова и множество книг о нём. Часть этих книг он привёз сюда, предполагая встретить здесь их авторов и получить автографы. Это он мне сообщил номер квартиры в доме, где жил и погиб Николай Рубцов, бывал на могиле Рубцова. Дмитрий знает наизусть многие, если не все, стихотворения Рубцова.

Вот такого попутчика подарила мне судьба. Я его прежде всего потащил в гостиницу, спел свой рубцовский цикл, а потом до самого отъезда в Москву мы были вместе. После митинга на главной площади мы решили пойти к памятнику Николаю Михайловичу Рубцову, что у пристани. Я уже был здесь в прошлом году, Дима, по-моему, впервые.

Постояли у памятника. Грустно смотрел на нас, наклонив голову, сидящий спиной к реке, Николай Рубцов. Внизу: «За всё добро расплатимся добром». Перед памятником цветник (говорят, что раньше здесь был пивной ларёк, который навещал поэт). Сбоку – лавочки. Сели с Димой на одну из них, что на солнышке. Как всё

здесь располагает к покою! Берёзки, Сухона, цветы, понуро сидящий Рубцов. Наша идиллия была нарушена приходом большой шумной группы – двух американцев и их «свиты» из нашей журналистско-писательской братии и хозяев города. Оба профессора подсели к нам и пошла фотосъёмка. Пообщались. Николай Иванович Рокитянский (83 года) и Виктор Порфирьевич Петров (78 лет) по происхождению, естественно, русские. Их родители работали в свое время на КВЖД и не стали возвращаться домой в 30-х годах, чтобы не попасть в сталинскую кровожадную мясорубку. Так они оказались в США. И, как историки, очень интересуются всем, что связано с Русской Америкой, и поэтому, несмотря на возраст, приехали в Тотью. Люди приветливые, энергичные, без комплексов.

Вячеслав Белков

От суеты пошли куда глаза глядят по городу. Вдруг мы увидели, что находимся рядом с тотемской средней школой № 1, бывшей Петровской ремесленной школой, где, как я знал, есть музей Николая Рубцова. Я переписывался с учительницей литературы этой школы Маргаритой Афанасьевной Шананиной, которая организовала этот музей и поддерживает его. Её тоже, как и Станислава Михайловича Зайцева, краеведа, назначенного в этот день директором только утром открывшегося Дома-музея И.А. Кускова, все знают в Тотье. Она тоже из тех людей, на которых держится мир. Я с трудом уговорил Диму зайти к ней (он считал, что беспокоить её неудобно в день городского праздника).

Маргариты Афанасьевны, которая живет рядом со школой в большом двухэтажном деревянном доме с печками, не оказалось дома. Оставили ей записку и собрались уходить, как тут к нам подошёл симпатичный скромный человек, который до этого сидел во дворе на лавочке. Оказалось, что он ждёт Шананину. Решили ждать её вместе. Дима сразу узнал вологодского литературоведа Вячеслава Сергеевича Белкова. Он занимается творчеством и биографией Николая Рубцова, имеет ряд работ по этой теме, в частности, книжку «Неодинокая звезда», которая вышла в 1989 году. Она у нас с собой, и мы сразу берём автографы, а также получаем в подарок экземпляры газеты «Вологодского комсомольца» со статьей Белкова, где он исследует вопрос «малой родины» Николая Рубцова. Не успели мы коротко друг о друге рассказать, как появилась Маргарита Афанасьевна и пригласила нас в дом. И пошли разговоры. Она показала нам множество фотографий Рубцова. Недавно, в год его 50-летия, Никольские детдомовцы собрались в Тотье, о чём свидетельствуют её фотографии. Материалы нашей газеты о поэте Н.М. Рубцове также хранятся у Шананиной.

Маргарита Шананина и Дмитрий Ширяев

Белков хорошо знаком с Шананиной, а Дима быстро нашёл с ней общий язык. Хорошо, что в глубинке есть такие интеллигенты, как Маргарита Афанасьевна. Счастливы должны быть дети, что у неё учатся, и те тотьмичи, что с ней общаются. У неё большая хорошая семья, что, конечно, закономерно. Распрощались дружески.

Человек обязательный, Шананина на следующий день прислала всем нам троим (Белкову, Дмитрию и мне) обещанные накануне фотографии Рубцова.

Теперь уже втроём пошли по городу. В городе приятное оживление. Много гуляющего народа, целые семьи. Затащил Белкова, как специалиста по Рубцову, в гостиницу и спел ему рубцовские песни. Слушал Вячеслав Сергеевич очень внимательно. Обсудили некоторые нюансы. Он следит за песенной линией поэзии Рубцова. В Тотьме Рубцов учился в лесотехническом техникуме. В городе есть тропа, по которой Коля бегал из центра города в техникум, расположенный тогда в Спасо-Суморинском монастыре, что стоит на окраине. Изредка приезжал в Тотьму и потом, называя её, видимо, в шутку «грешный вермут».

Третий день праздника был для меня самым главным. В этот день состоялась поездка в село Никольское, или попросту Николу, как здесь все говорят, и как любил говаривать Рубцов. В местном краеведческом музее (быв. духовное училище), чей юбилей как раз праздновался в эти дни, есть экспозиция по Рубцову. Сюда-то, к этому прочному, как сама жизнь, зданию музея мы и пришли утречком, чтобы сесть в автобус для поездки в Никольское. Мы – это Дмитрий Ширяев, Михаил Сигалов и я. В автобус сели также музейные работники из Вологды и Тотьмы. Автобусный путь в Николу занял несколько часов. Особенно запомнились паромная переправа через реку Сухону. Пыльное трясущее шоссе, почти просёлок, тоже запомнилось. Приехали в Николу, подъехали прямо к детдому по только что засыпанной свежим песком улице.

Не успели выйти из автобуса, как у крыльца детдома начался митинг по поводу открытия здесь музея Николая Рубцова. Жители села уже стояли у крыльца. Мы тоже как-то протиснулись. Много хороших слов было сказано о Рубцове. Очень тепло говорила учительница местной школы, у которой в классе занимался Коля Рубцов. Вошли, в музей. Встречает входящих молодой улыбающийся директор в русской расписной рубашке и сапогах. На стенах много фотографий. Стенд со всеми изданиями книг Николая Рубцова. Меня более всего порадовал уголок с личными вещами поэта: письменный стол, этажерка, пишущая машинка, гармошка, тельняшка, черное демисезонное пальто, что мы видели на многих фотографиях. И стихи, стихи, стихи на стенах. Сразу после открытия музея состоялся по этому поводу банкет в местной школе, после чего начались на свеженькой деревянной эстраде-танцплощадке долгожданные Рубцовские чтения. Открыл чтения и вёл их друг Николая Рубцова вологодский поэт Виктор Коротаев. Выступали литераторы из Вологды, музейные работники, местные таланты, тотемский фольклорный ансамбль. Звучали стихи и песни Рубцова, воспоминания о нём. Слава Богу, модное нынче русофильство не выпирало. Главенствовал чистый рубцовский дух. Мне тоже было дано слово, и я, сказав, что в Москве и, в частности, на МЭЛЗе, любят и чтят Николая Рубцова, любят его стихи, исполнил под гитару фрагмент из вокально-поэтического цикла «Тихая моя родина», который сложился у меня в последние годы. Большая боль ощущалась в словах и стихах Виктора Коротаева. Мне вспомнилось, как больно было для Рубцова его Никольское сиротство, да ещё при живом-то отце, который, вернувшись с фронта, не забрал Колю к себе. Не зря в песне поётся: «Ах, война, что ты, сделала, подлая». А многих детей из детдома забрали объявившиеся родители... После окончания чтений – сразу в автобус и в дорогу.

На следующий день мы с Дмитрием Ширяевым ехали в автобусе в Вологду. А впереди вологодский географ, автор книги о Тотьме Игорь Александрович Соболев. Разговоры крутились вокруг личностей Кускова и Рубцова, о тотемском крае. Дима

тотчас получил очередной автограф у Соболева. Таким образом, он собрал в Тотъме приличный урожай автографов. В Вологде мы с ним прежде всего купили цветы и отправились на Пошехонское кладбище к Рубцову. На этот раз (не так как в прошлом году) я быстро нашёл могилу. Она по-прежнему ухожена. Сели на лавочку. Погрустились. С разрешения Дмитрия я вполголоса спел для Николая Михайловича всю свою рубцовскую программу и прочёл ему стихотворение, написанное на этой самой лавочке ровно год тому назад. Оно заканчивается такими словами:

Я пою твои стихи и буду петь,
Пусть сейчас другие песни на слуху.
Огоньку твоей души не умереть,
Время, люди сохранят твою строку.

На днях Дима Ширяев прислал мне книжку Василия Оботурова, вологодского литератора, который тоже выступал на нынешних Рубцовских чтениях и при открытии музея Рубцова в Николе. Книжка называется «Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова». Это значит, что мне предстоит ещё одна встреча с Николаем Михайловичем, залить душу стихом – рубцовским медком и спеть самое моё любимое стихотворение «В минуты музыки»... 1991 г.⁴

Юлий Михайлович Зыслин (псевдоним – Юрий Заслин) подарил Дмитрию Ширяеву два листа клавира своей песни на слова Рубцова.

Спустя немногие годы после гибели Николая Рубцова, в тотъменской средней школе № 1 Маргарита Афанасьевна Шананина, преподаватель русского языка и литературы, совместно с учениками, членами краеведческого кружка «Рубцовские журавли», организовала небольшую выставку, посвящённую поэту, в 1976 году послужившую основой ПЕРВОГО в стране музея Н. Рубцова и ставшего «прародителем» последующих. Кстати, музей в селе Никольском открыт лишь спустя 14 лет, в 1990 году. О Вологде – умолчим. Д. Ширяев и Ю. Зыслин не посетили «шананинский» музей, т.к. в воскресенье школа была закрыта.

12 июля 2020 года мы получили от Маргариты Афанасьевны Шананиной письмо, где она пишет: «Добрый день, уважаемые авторы!

Я работала по теме более 20 лет, плотно и много с того момента, когда у меня появилась дерзкая мысль «поставить» Н.М. Рубцова в один ряд с лучшими русскими поэтами. За это время мы встретились, связались со множеством людей, которые знали Рубцова как человека, с простыми читателями из разных уголков страны, артистами, поэтами, друзьями и родственниками Н.М. Рубцова, а потом, в 80-е годы, и с будущими руководителями Рубцовских центров и музеев. Провели бесчисленное количество встреч, встретили столько увлечённых людей. Это всё делалось на безвозмездной основе, от души. Тогда я не могла подумать, что столько людей смогут так близко воспринять поэта... Немало с тех пор появилось книг, воспоминаний, исследований. И новая радость: увидела Вашу новую книгу – была чрезвычайно обрадована! Я даже считаю, что у меня теперь появились новые друзья (в лице авторов). Книга расширила представление о Ваших местах.

Очень радостно, что добрым словом вспоминается Дм.А. Ширяев. Своими познаниями он меня покори! Когда я получила от него письмо (уже после его визита в Тотму), он поразил красотой и аккуратностью почерка. Я, бывший преподаватель русского языка и литературы, не могла так написать и даже в какой-то мере боялась ему направлять письмо с моим текстом. Дм.А. подарил нам афишу выступлений, библиофильские карточки, а также статью «Дарю городу музей» (я её читала многим). О том памятном визите хорошо написал бард из Москвы Юлий Зыслин. Я была

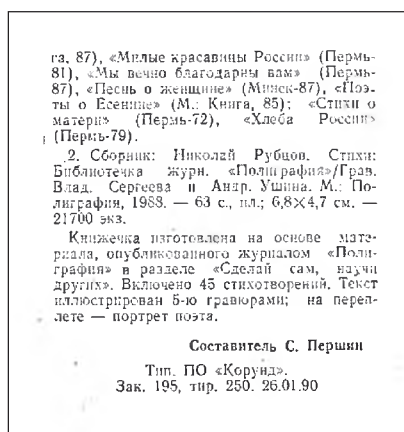
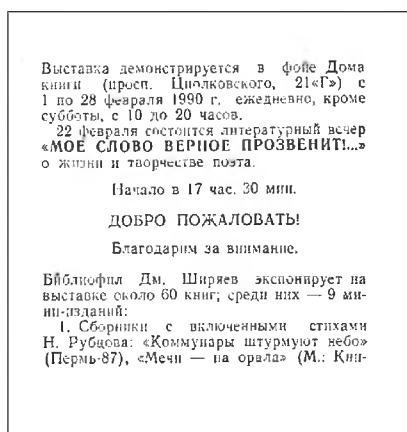
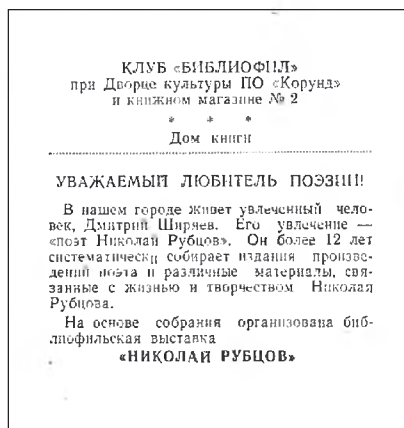
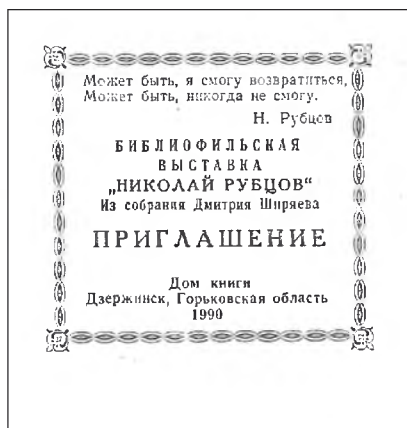
очень огорчена тем, что потом имя Ширяева как-то исчезло, мне было обидно, я переживала, не забыли ли имена тех, кто начинал работать по Рубцову. Кстати, Нижегородская земля «проявилась» где-то в середине истории нашего кружка и музея.

И когда я читала «Рубцов на Ветлуге», чтобы оценить Ваши бесспорные заслуги, я искала имя Дм.А. Ширяева. Была рада обнаружить информацию. В ответ ему мы направляли и кое-какие фотографии нашей местности. Не знаю, сохранилось ли это где-либо. Всего доброго и спасибо за радость и дружбу. М.А.». ⁵

Мы никогда не видели и не читали писем Дмитрия Ширяева. И вот нас обрадовала Маргарита Афанасьевна – 17 июля 2020 года получили копию оригинала письма 30-летней давности, ей адресованного от 10.10.1990 г.

Плодотворное влияние на подвижника оказала творческая связь с одним из одержимых почитателей, крупнейшим исследователем жизни и творчества Н. Рубцова, безвременно трагически погибшим вологодским литератором Вячеславом Сергеевичем Белковым (1952 – 2006). Благодаря его советам и помощи, как нам представляется, намного расширился кругозор Дмитрия Александровича, качество и полнота «рубцовианы». Они совместно трудились над сверкой различных вариантов стихотворений, выясняли и уточняли даты создания для включения их в планировавшиеся В. Белковым издание полного собрания сочинений. В 1991 году Вячеслав Сергеевич привлёк Дмитрия (совместно с нижегородским поэтом Александром Колесовым) к сотрудничеству с учреждённым в Вологде «Рубцовским центром» и его печатным органом «В мире Рубцова». Профессия Д. Ширяева была слишком далека от заня-

тий «пером по бумаге», однако он длительное время вдохновенно трудился над заметками о поэзии Н. Рубцова. К сожалению, они остались в рукописи и погибли при пожаре. Однажды он, «изливая душу», коснулся неотделимости поэтического творчества поэта от жизненных неурядиц, в которых тот творил: «Я вообще не понимаю, как можно жить барской жизнью, а писать о страданиях людей? Сила воли, мужество Николая Рубцова несопоставимы с трудностями многих легкообидчивых поэтов, о которых у нас так плаксиво пишут. Ведь Рубцов жил и писал в совершенно невыносимых условиях, в которых от многих поэтов, кроме жалостли-

Минииздание. 4 стр. Размер 8х7,5 см

вого вопля о загубленной жизни, ничего бы не осталось. А он, даже при таких трудностях, находил в себе силы участливо относиться к судьбам других людей и поэтов».⁶

И пришло время: собиратель – одиночка, «скопивший» собрание материалов о поэте, существенно возвышающееся над многими подобными и представляющее значительный, не только общественный, но и научный интерес, вступил на благородный путь гражданина-просветителя, популяризатора творческого наследия яркого поэта второй половины XX века Н. М. Рубцова. В конце апреля 1989 года Д.А. Ширяев познакомился с ответственным секретарём Правления городского общества книголюбов. В ходе состоявшегося знакомства и последующей беседы он согласился участвовать в популяризации творчества Николая Рубцова в составе творческой «бригады» под общим патронажем общества книголюбов. 18 мая 1989 года состоялась первая в городе лекция-концерт «Николай Рубцов. Моё слово верное прозвенит...» в книжном магазине № 2 (директор Фролова Екатерина Алексеевна). Дмитрий своё первое публичное выступление перед столь широкой аудиторией (свыше 70 человек) назвал «Моя библиотека о жизни и творчестве Н. Рубцова» и впервые на Черноречье оформил выставку «Н. Рубцов. Жизнь и творчество», где были представлены книги, фотографии, копии рукописей, иллюстрации к произведениям поэта. 22 февраля 1990 года впервые в актовом зале Дома книги состоялся общегородской поэтический вечер «Моё слово верное прозвенит!» и демонстрировалась выставка «Николай Рубцов» из собрания Д. Ширяева (январь – февраль). 19 января 1991 года на вечере памяти Н. Рубцова в профсоюзной библиотеке им. А.С. Пушкина был учреждён «Клуб любителей поэзии Н. Рубцова» под председательством Д. Ширяева, а в январе – феврале в книжном магазине № 2 демонстрировалась выставка «Россия, Русь! Храни себя, храни!» из его «рубцовианы». После учреждения «Клуба любителей поэзии Н. Рубцова» подвижник поделился своими планами – «Продолжать искать, изучать, пропагандировать».

В начале февраля 1991 года городская газета «Дзержинец» наконец-то нарушила молчание вокруг имён поэта и его поклонника: в беседе с Д. Ширяевым привела его слова о проекте Рубцовского музея: «С какой бы радостью я произнёс – дарю городу музей!» В 1992 году Дмитрий интенсивно продолжал просветительскую деятельность среди учащихся учебных заведений – школ, техникумов, института, трудовых коллективов предприятий и учреждений, читателей библиотек.

Благодаря его подвижничеству, на Черноречье сформировался круг почитателей таланта Рубцова, подчас поздно и порой случайно открывших его для себя. Самоотверженный энтузиазм Дмитрия Александровича, влюблённость в рубцовские поэтические строки, в их глубинный, духовный смысл, его убеждённость, что во время всеобщего развала как никогда нам всем, россиянам, просто необходимы рубцовская боль и ответственность за происходящее в нашем обществе, в человеке, в природе, нас окружающей, в культуре, литературе, способствовали объединению чернорецких поклонников Рубцова и их сподвижников из Нижнего Новгорода в общественную организацию – «Нижегородский филиал Рубцовского центра (функционировал в Вологде)».

16 января 1993 года в Литературной гостиной профсоюзной библиотеки имени А.С. Пушкина на вечере «Памяти Николая Рубцова» Д. Ширяев предложил создать в Дзержинске Нижегородский филиал Рубцовского центра. Его поддержал Александр Сизов. Вячеслав Белков, как руководитель Рубцовского центра (Вологда) искренне приветствовал принятое решение и проинформировал всех о деятельности Центра за истекшие 2 года. Участники встречи, поклонники поэзии Рубцова, поддержали создание филиала и утвердили председателем Д.А. Ширяева.

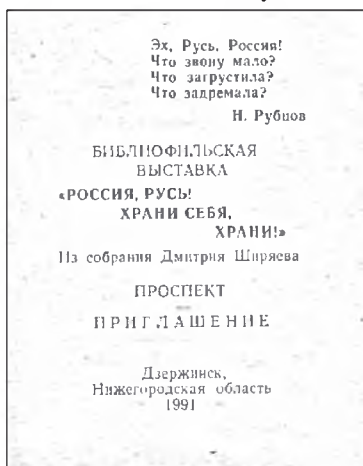
Памятник Н.М. Рубцову. Тотьма

31 июля 1994 года в Варнавине состоялся «Праздник Рубцовской поэзии», посвящённый 25-летию посещения Николаем Рубцовым Варнавинской земли. Члены филиала Рубцовского центра приняли участие в празднике: организовали выставку в Варнавинском историко-краеведческом музее «Россия, Русь! Храни себя, храни!» на основе собрания Дмитрия Ширяева. Станислав Першин и он издали сборник «Нижегородский венок Рубцову» в миниатюрном формате тиражом 250 экземпляров, и этому сборнику принадлежит честь быть ПЕРВЫМ В РОССИИ.⁷

В 1996 году Д. Ширяев участвовал в праздновании 60-летия поэта на Вологодчине, а в селе Никольском – во вторичном открытии Дома-музея Н. Рубцова. Впечатлениями об юбилейных торжествах поделился в статье «Светлые звёзды горят!»⁸, напечатанной в трёх газетах.

Дмитрий Ширяев, занимаясь «сбором» материалов о Н. Рубцове с 1977 года не был знаком с А. Сизовым. Их знакомство состоялось летом 1991 года – Александр Алексеевич сам «нашёл» его по афише выставки «Россия, Русь! Храни себя, храни!...», и между ними установились дружеские отношения. В январе 1993 года Сизов впервые присутствовал на вечере памяти Н. Рубцова, стал членом Нижегородского филиала Рубцовского центра, включился в его деятельность и неоднократно приглашал Дмитрия в творческие поездки с членами Нижегородской организации СП России в районы области, где Ширяев выступал с лекциями о жизни и творчестве поэта. Сеем предположить, что общение Дмитрия с Александром способствовало принятию им решения передать своё «рубцовское» собрание для создания музея.

Н. Рубцов в бытность общения с А. Сизовым (1968-1970), поведал ему об эпизодах работы на траулере. Спустя десятилетия Саша в очерке «Уроки Рубцова», в память о своём товарище, во фрагменте «Три памятника» поделился с читателями мнением о первом в России памятнике поэту в Тотьме: «Сидит он там на скромной,

Минииздание. 8 стр. Размер 9х7,5 см.
Портрет. Художник В. Дятлов

из одной дощечки, скамейке, нога на ногу, с крепко сцепленными на коленке руками. Безволосый, точно под нулевку остриженный после карантина. По-пацаньи – топориком – уши, коробом наброшено явно великоватое, как с чужого плеча, пальто, похожее на шинель окопника. Кольцо свитера под горлом – как ошейник, как ворот смиренной рубашки. Удивительно точно выразил суть поэта и его бытовой облик скульптор В.М. Клыков, автор

памятников Сергию Радонежскому, протопу Аввакуму, Серафиму Саровскому, Константину Батюшкову. С величайшей сосредоточенностью вглядывается поэт вниз, на своих земляков, понуро топчущих землю, глядит со своей бронзовой горушки

Дмитрий Ширяев, Николай Рубцов, Александр Сизов

на их несуразный быт, унылое бытие и откровенно печалится. Там, за его спиной, «свет зари и грязь меж потонувших в зелени домишек», поодаль берёза отчаянно, как во хмелю, раскачивает свои неприкаянные ветки.

Мне поставят памятник на селе!

Буду я и каменный навеселе!⁹

Давно, и не нами, замечено: то или иное собрание, когда формируется, - это азартное дело, однако как только оно становится объёмным, то начинает как бы «командовать» собирателем, и тогда, исподволь, возникает благородная мысль – сделать своё собрание доступным, приносящим общественную пользу. Так случилось и с Дмитрием Александровичем. Вероятно, он обдумывал конечную цель своего собирательства – создание музея, сказав в одной из бесед: «Собранный материал постепенно вытесняет меня и мою семью из однокомнатной квартиры... В музее он бы принёс большую пользу горожанам, возможно, способствовал бы их объединению, к тому же, литературный музей поэта – это серьёзный шаг к спокойному осмысливанию прошлого и настоящего нашей Родины». Наконец, после многих лет собирательства и пропаганды поэзии своего кумира, он «созрел» для создания «Дома Рубцова на Черноречье». Это было не спонтанное решение: ещё 22 февраля 1990 года на вечере «Моё слово верное прозвонит!» библиофилу была высказана идея – создать на Черноречье музей поэта Н. Рубцова с использованием материалов его «рубцовианы». Это предложение Дмитрий встретил без энтузиазма, настороженно, с недоверием и опасением остаться у «разбитого корыта» – без своего многолетне-го детища, однако он проигнорировал совет Першина: оформить передачу городу личной «рубцовианы» юридическим договором с отделом культуры администрации, где оговорить свою роль в будущем муниципальном музее. В дальнейшем жизнь подтвердила обоснованность его сомнений: никогда нельзя доверять словам чиновников...

«16 января 1993 года, после принятия решения о создании Нижегородского филиала Рубцовского центра на Черноречье, Д.А. Ширяев впервые публично объявил о решении предоставить материалы личного собрания для организации городского музея поэта Н. Рубцова. В заключение вечера будущий музей получил ПЕРВЫЙ ДАР – портрет Н. Рубцова работы нижегородского художника, ветерана Великой Отечественной войны Алексея Николаевича Подорогина (1991 г.), созданный по репродукции Л.С. Горева (1985) фотопортрета поэта работы Арк.П. Кузнецова, висевшего в доме Г.М. Шамаховой (с. Никольское). В день похорон 21 января 1971 года этот оригинал фото стоял у изголовья гроба, а затем у поминального стола. По поручению

*Н.М. Рубцов. Портрет.
Художник А.М. Подорогин.
1991. Н. Новгород*

художника портрет преподнёс член Нижегородского объединения «рубцовцев» Лев Сергеевич Горев ЛИЧНО Д.А. Ширяеву. После вручения портрета Л.С. Горев, по личной инициативе, обратился к собравшимся оказать материальную помощь дарителю – художнику, почти потерявшему зрение. Такова жизнь; человек делает безвозмездное дарение, а сам в нужде... Портрет, как будущий экспонат, Дмитрий оставил на хранение в библиотеке, и он – не перемещался вплоть до открытия музея. Началась эпопея становления музея, продолжавшаяся «ни шатко, ни валко» 4 года, под бодрые возгласы культработников: «Музей Рубцова! Музей Рубцова! Музей Рубцова!»

В 1993 году библиотека имени А.С. Пушкина, брошенная профсоюзом химиков, перешла под крыло ЦБС города. Её директором, Юлией Михайловной Лазуткиной, в 1994 году было принято решение – разместить временно музей в помещении бывшего архива библиотеки. Музей создавался под личным патро-

Участники открытия музея. Фото Н.А. Соловьёва

19 марта. Фото. В центре: Телегина В.Ф., поэтесса (Пермь). Слева направо. 2-й ряд: Колесов А.С., поэт (Н. Новгород), Автаева З.М., журналист (Дзержинск), Ширяев Д.А., Горев Л.С., почитатель поэзии Рубцова (Н. Новгород), Коняев Н.М., член СП России (СПб.), Постнов В.А., преподаватель музыкального училища, Кельдюшкин В.С., поэт (Б. Мурашкино, Нижегород. обл.). 3-й ряд: Мозжухина Н.Н., редактор газеты «Знамя» (Решетиха, Нижегород. обл.), Федотов А., художник (Н. Новгород), Кирбитов Ю.А. и Куклин Ю.И., почитатели творчества Н. Рубцова (Н. Новгород), Фигарев А.В., писатель (Н. Новгород). В.Ф. Телегина, сокурсница А.А. Сизова по Литинституту, слушательница семинара Л.И. Ошанина, написала посвящение Дм. Ширяеву – «День рождения».

нажем начальника отдела культуры. Архитектор Е. Ухлин разработал проект оформления музея. Д. Ширяев представил своё видение основной музейной экспозиции. Л.В. Борискова выполнила с добротой повторный ремонт помещения, сменила обои и электрику. Члены общественной группы детально разработали и оформили как экспозицию, так и помещение музея.

Оформление музея началось в январе 1997 года, но градоначальник отстранил от должности тогдашнего начальника отдела культуры. Музею повезло, так как в феврале

эту должность занял архитектор, художник и гравёр Евгений Александрович Ухлин. Он заинтересованно следил за оформлением музея, и не будь его в ту тяжелейшую пору (1997-1998 гг.) – вряд ли бы музей открылся. В то время большинству чиновников было не до музеев – разворачивалось народное достояние... Церемония открытия музея состоялась 19 марта 1998 года.

Прозаик В.А. Николаев, общался в Литинституте с Н.М. Рубцовым – «Мы с ним так и не успели наговориться. Он написал мне ночью на своих стихах в журнале¹⁰: *«Валентину, Вале Николаеву на добрую память от автора, очень по-дружески, очень сердечно. Н. Рубцов»*.¹¹

Время всё расставляет по своим местам. В.А. Пилясов (р. 1933), старейший поэт Дзержинска, постоянный участник рубцовских встреч, создал стихотворение памяти поэта, где имеются удивительные строки.

Следить не надо за часами,
Душе поверится в добро,
Когда звезда полей над нами
Своё расплещет серебро.¹²

В сентябре 2010 года, за четыре недели до трагического ухода из жизни Д.А. Ширяева, я написал миниатюру, которая позднее обрела посвящение: «Памяти библиофила».

Осенний вечер.
В лужах-зеркалах –
Мозаика октябрьского неба.
Сквозь тишину
И шелест листьев медных
Доносит ветер чьи-то голоса...¹³

После открытия музея Д.А. Ширяев прожил 12 лет в полной безвестности. 11 октября 2010 года его жизнь трагически оборвалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Д.А. Ширяев. «Листаю жадно книги в магазине...» // В мире Рубцова. Лит. прил. к газ. «Вологодская молодёжь». 1991. Вып. 2. С. 4.

Валентин Николаев, Вениамин Пилясов,
Дмитрий Ширяев. Март 2002 г.
Последнее фото Дмитрия в музее

2. Энциклопедический словарь юного музыканта. М.: Педагогика, 1986. С. 202.
3. В. Ольгин «Моё слово верное прозвонит» // Дзержинец. Дзержинск (Нижегород. обл.). 1989. 8 янв. С. 4.
4. Юрий Заслин. «За всё добро расплатимся добром...»: О поездке на Рубцовские чтения – с лирическими и не очень лирическими отступлениями. Путевые заметки. Интернет-ресурс «Душа хранит». https://rubtsov-poetry.ru/nash_rubtsov/zyslin1.htm
5. М.А. Шананина – С.А. Кувшинову, Электронное письмо. 2020. 12 июля.
6. Д.А. Ширяев. Дарю городу музей / Беседовал В. Ольгин // Дзержинец. Дзержинск (Нижегород. обл.). 1991. 8 февр. С. 1-2.
7. Нижегородский венок Рубцову. Дзержинск (Нижегород обл.). 1994. (Миниатюрное издание).
8. Светлые звезды горят! // Дзержинец. Дзержинск (Нижегород. обл.). 1996. 20 марта; То же // Знамя (Решетиха Нижегород. обл.). 1996. 21 марта; То же // Вперёд (Устюжна, Вологод. обл.). 1996. 8 авг. – (Приложение «В мире Рубцова»).
9. А.А. Сизов. Уроки Рубцова: Очерк (1. Три памятника) // Знамя (Решетиха. Нижегород. обл.). 1992. 8 сент. С. 3. То же // Автограф. 66-67. журнал. Вологда. 2013. С. 31-36. – (Публикацию подготовил Сергей Кувшинов).
10. А.С. Першин. Николай Рубцов: «Валентину, Вале Николаеву...» / Автограф. 65. Вологда. 2012. С. 26-28.
11. Н.М. Рубцов. Изба в снегах / Наш современник. № 9. М.: 1969. С. 68-73.
12. В.А. Пилясов. «Не створи себе кумира...» / Святой надеждой будем жить. Киров.: Изд-во «АВЕРС». 2018. С. 32. Тир. 50 экз.
13. С.А. Кувшинов. «Осенний вечер...» / Между двух равноденствий. Н. Новгород. [Б.и. Отпеч. «Изд. салон И.П. Гладкова О.В.»]. 2016. С. 27.: портр.

Поэзия

«Рожденные в пятидесятых»

Андрей СМОЛИН

ПРИТЯЖЕНИЕ СУДЕБ (ЗАМЕТКИ ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА)

Много лет читая поэтов Вологодчины, замечаю, что их имена все меньше известны широкому читателю в России. Как хочется восполнить этот пробел своими экспресс-портретами коллег по русской литературе.

Итак, имя первое – **Александр Швецов**. Он родился 30 июня 1951 года в деревне Поповская Сокольского района.

Судьба его не казалась со стороны такой уж трагичной. В Вологде его друзья и коллеги-писатели звали Сашу «сокольский отшельник». Хотя, как потом стало известно, затворническая жизнь была ему и в тягость.

А ведь его очень рано заметили. Ещё будучи студентом Вологодского пединститута, он стал публиковать стихи в районных и областных газетах. Его творчество по достоинству оценили Виктор Астафьев, Сергей Чухин, Василий Оботуров, Вячеслав Белков, а потом – в Москве – Николай Старшинов, Александр Бобров...

Было Швецову тогда чуть за двадцать. Известно, что по итогам семинара молодых писателей Вологодчины ещё, 1973 года его имя – главное открытие того года. Первые книжки стихов тоже вышли рано. «Крылатый снег» аж в Москве, в 1979 году. И всё: широкая дорога в поэзию была Александру Швецову открыта. Но многое оказалось далеко не так обещающе, как виделось ему в самом начале «творческого пути».

В итоге – несколько тоненьких стихотворных сборников... Да, историческое исследование о Климентье Смолятиче. По мнению А. Швецова – это автор «Слова о полку Игореве». Всё может быть, пусть учёные теперь об этом спорят.

После него остался огромный архив, до сих пор практически неизвестный. По его же словам, там – проза, эссеистика, «множество стихов», дневники, огромная переписка.

Тут стоит обратить внимание, на то, что Александр Швецов был одним из немногих в его поколении, кого можно назвать истинным писателем, подлинным человеком культуры. По нынешним временам это огромная редкость. Даже писателям как-то не до остальной литературы, кроме, понятно, своего творчества.

Александр был другой. Он, похоже, меньше всего и себя-то числил поэтом. Зато иные имена (и многие-многие) знал очень глубоко и тонко. Могу об этом судить по нашей переписке... Ну да, ладно: это внешняя канва биографии Александра Швецова.

Поэзия, конечно, важней.

С первых стихотворений, опубликованных ещё в газетах, многих сразу стала поражать его какая-то серьёзность и обстоятельность, без младенческого лепета. Без этого мало кто вначале обходится. Саша счастливо избежал «детской болезни» поэта.

Наверное, не меня одного когда-то поразила строфа, испугавшая даже редактора его первой книжки, заменившего «до безобразия» на «до изумления»:

Сошли сугробы, обнажая
канавы, рывины, поля...
До безобразия живая
прекрасно выглядит земля.

Сразу задевает этот вот оксюморон – «безобразия... прекрасно», тут далеко не нарочитость, а именно искренняя правдивость метафоры будущей жизни. Так может видеть только – поэт! Точнее, даже не только увидеть, а отобразить в стихах.

Швецов всегда выделялся именно этим: лаконичная простота поэтических средств в каждом стихотворении. Обычно это даётся только зрелым мастерам поэзии. А тут ничего лишнего, всё на месте. Но главное: глубинное знание самой жизни.

Жил в деревне мужичок,
Нетужилом звали.
Всё хозяйство – верстачок,
Всё добро – медали.
Раздувал худой живот,
Раздеваясь в бане:
«Хорошо мужик живёт
При хорошей бабе!..»
Умирал... Шептал в бреду
Из-под полушубка:
«И оттоль, погоду, приду,
Не реви, голубка...»

Конечно, чем-то напоминает «Василия Тёркина» Твардовского. Разговорная манера стиха, точность каждой детали, скрытый психологизм, народный юмор там, где и шутить, наверное, нельзя. В общем и целом – вся жизнь русского мужичка Нетужилы. Но какова ёмкость сказанного! Какая откровенная доброта самого автора! Вот она – природа таланта Швецова...

Впрочем, это всё было в молодости. Потом, в «девяностые», пошли и гнев, и страдания, и недоумение от того, что творилось вокруг. Не в душе его, светлой и доброй, а в самой жизни:

К какому бы рынку ни шли,
И каким бы его ни состряпали, –
Всё равно наважденье души
Не заглушишь ни сексом, ни тряпками!

И при этом:

Не надо, божатка, пустое...
Ты в душу мою посмотри.
Уж если и есть что святое,
оно не снаружи – внутри...

Вот именно – «внутри»! А «внутри» – широчайший огляд русского пути: от Киевской Руси 988 года до... России 1993-го, от княгини Ольги... до Ельцина. В научной практике называется это – историзм мышления, опора творчества на факты летописи.

си и деяния предков и современников. И при этом – взгляд поэта, возможности его самовыражения. В конце жизни всё больше тянуло Александра Швецова к элегии, раздумчивой и довольно скорбной. Примеры тут разные. Возьму такой:

Старый тополь. Старая скамья –
Вся Россия, Родина моя.
И стоять мне до конца уже
На своём последнем рубеже...

И тополь, который каждый день виден из окна родного дома, и скамья у подъезда, на которой тёплыми днями сидит, как обычно бывает, престарелая мать, вроде бы тут чисто «бытовое», только сегодняшнее мирозерцание. А рядом – слова-то: и «Россия», и «Родина» – с большой буквы. Это мироощущение поэта, это стержень духовного, самого глубокого в себе. Потом, как водится, доходит до того, что тополь и скамью хочется распилить... Но это надрыв от слома привычной жизни, это грусть о чём-то несбывшемся в ней.

Пусть и так: ни дерева, ни скамьи –
Голо всё! – ни друга, ни семьи.
Но уж такова она – душа:
Не дано ей жить без Рубежа!

Тут нет аллюзии на конкретную судьбу Швецова. Он-то и «тыщу лет» готов был ждать и верить в будущее России, в неизбежность её «рубежа». Это шло от знания поэтом истории: всякое бывало в Руси-России, но всё она перетерла на жерновах времен, оставаясь свободной и духоподъёмной для русского человека. А знание это – основа основ жизни в ней будущих поколений...

Да, это самое важное: «исторический аспект» поэзии Александра Швецова всё время направлен в будущее. «Настоящее», в частности – 1990-е годы, не виделись ему истинной историей России. Поэтому и хотелось ему с «ватагой доблестных стрелков» уйти в Шервудский лес!

Это верно, Александр Швецов – «Робин Гуд» нашего времени. Впрочем, скорее всего – будущего!.. «Стрелы» его стихов ещё, я в этом абсолютно уверен, долетят до сердец читателей! Наверное, и ума – тоже! Тут, понятно, не итоги осмысления его творчества. Это просто «заметки на полях его книг», по ходу его и нашего времени.

Жаль, что уже без него!..

Александр Швецов трагически погиб 7 октября 1999 года.

Да, имя следующее – **Василий Ситников**. Родился в 1951 году в дер. Морозовица Великоустюгского района.

В начале 1980-х годов, когда стихи Василия Ситникова замечали в подборках молодых и начинающих авторов на страницах областных газет, вряд ли кто тогда по-настоящему и обратил на него внимания. Но уже тогда чувствовалось, что идёт поэт от «живой» жизни, знает её изнанку.

Такое, например, стихотворение:

Я иду затихшим лугом,
Где воруют корма мужики,
До пугливости чуток к округе,
Но кому меня тронуть с руки?

Председатель балует с дояркой,
Агрономше на всё наплевать.
Сельсоветчики?
Те перестарки,
Сами ныне не прочь воровать.

Только сторож, гуляка весёлый,
Чутко службу ночную несёт,
Присосётся к чекушке у школы,
Допивать в мастерские пойдёт.

Там на пару с дружком-дизелистом
Содержимое выплеснет в чай
И, слегка приглушая транзистор,
Скажет как бы совсем невзначай:

«Ноне тёлка утопла в навозе».
Собеседник махнёт: «пустяки».
Хорошо в нашем тихом колхозе,
Дремлют все,
Лишь не спят мужики.

Это хорошее стихотворение, болевое для своей эпохи (похоже, 1980-е годы), с толикой сарказма, с ощущением какой-то, как бы сказали в деревне, безнадёги в будущее. Одним словом, жизненное.

Таких стихов у В.Ситникова предостаточно; они запоминаются своей правдой отражения жизни, отчасти заменяя ему дневниковые записи. За ними чувствуется бытование настоящего мужчины (не без бытовых недостатков, понятно), чьи взгляды сформировались долгим наблюдением за довольно ограниченным кругом сюжетов в районном городке. Хотя городок этот – Великий Устюг с его глубиной исторической памятью и культурного наследия.

Когда же его вдруг «кидает» в книжность лирики, то тут появляется вторичность: «Что же мне милее – радость или грусть? Так и не сумею я понять. И пусть...», тут и отмечается то, что уже высказали до меня С.Куняев и Б.Шустров: «влияние Есенина и Рубцова». Возможно, ещё чего-то, например, северной частушки. Это, в общем-то, не так и важно.

Я многое принимаю в стихах В.Ситникова, но мне часто не хватает того, что раньше формалисты называли таким словом, как «остранение» образа, то есть смещения логического восприятия явления в сторону «странности».

У Рубцова есть любопытное: «Там, где ветер гонялся за листьями»... Нам привычно: листья не могут «убегать», чтобы за ними гонялся ветер, это он их гоняет, если следовать законам физики, он обладает энергией, а не листья, которые только и могут падать или летать под воздействием силы притяжения... Это не мелочь, как может показаться, тут истинное мастерство поэта: чуть-чуть смещение привычного в странность, а уже притягивает, уже задевает...

Почему такие мысли возникли именно при чтении Василия Ситникова? Причиной тому его большой и разнообразный лексический ряд, используемый в стихах. Не сразу поймёшь, что там первородное, вынесенное из глубин народной языковой стихии, а что приобретённое, книжное, но язык у него заметно отличается от поэзии «городских» стихотворцев:

Не ради чущинки,
Не ради поживы,
А ради разминки
От хмари, от жира...

В курью, где чертой
Ледящих посулов
У ног чернотой
Полынья полыхнула...

И дыбятся звёзды
Над сомкнутым миром.
По веям морозным
Скорей... из квартиры.

Курсив здесь мой. А выделить захотелось то, что уже по большей части принадлежит словарям, чего не услышишь даже в отдалённых райцентрах. Соединения старинного слова и современной лексики даёт иногда у Василия Ситникова поразительный результат. Тогда в его поэзии и проявляется то высокое чувство патриотического самосознания, которое характерно для поэтов этого поколения.

За все грехи мои прошу:
Прости, Всевышний.
А то, что Родиной дышу –
Твердить излишне.

...Я думаю, что поэзия нашего поэта-земляка давно заслуживает серьёзного и большого разговора. Но нам, повторюсь, всё некогда, мы всё куда-то спешим, забывая оглянуться вокруг. Грустно!

А теперь ещё один поэт – **Николай Фокин**. Родился он 31 мая 1953 года в деревне Котельниково Вологодского района. После многих скитаний на долгие годы его приютил красивый райцентр Нюксеница, где он и завершил свои земные сроки 3 января 1995 года.

Почему-то всегда казалось, что пишет Коля недостаточно много, как бы пренебрегая своим прирождённым даром. Это мнение складывалось потому, что первая книга «Посошок» вышла незадолго до его смерти, а газетно-журнальные публикации оставляли впечатление не полностью реализованных возможностей.

Себя разглядывая честно,
Я вижу с должной высоты,
Что нет во мне ни совершенства,
Ни заповедной чистоты.

И хоть душа стремится к раю,
Рассудок метит прямо в ад.
Я трепещу, я замираю
И ничему теперь не рад...

Такая неудовлетворенность собой и своей судьбой, как может показаться, чуть ли не главный мотив творчества Николая Фокина. Происходила она, понятно, спонтанно, от жестких требований к себе. И от ощущения в себе высокого дара прирожденного поэта. А жизнь вокруг складывалась так, что востребованность его поэзии откладывалась до лучших времён. Это его сильно угнетало.

Только в 2002 году вышла наиболее полная книга Николая Фокина «Стихотворения и поэмы». И только тогда стало ясно, что и писал он довольно много, и заметных вершин в своём творчестве всё-таки достиг.

В осенней хмари прожитого дня
Тропинкою привязана к порогу,
Глядит весь вечер на меня
Просёлочная старая дорога.

Листвы угомонившейся сумёт
По садику с утра развеял ветер.
Никто ко мне сегодня не придёт.
Сегодня я один на целом свете.

Осатанели лёгкие друзья!
А лучшие давно уже далече.
И только этот деревенский вечер
Сегодня мне защитник и судья.

Так легче мне в бревенчатой избе
Срывать с себя случайные личины,
Давая новый ход своей судьбе,
Когда тропа до цели различима.

Очевидно, что Коля-Николай стоял на каких-то новых рубежах в своей судьбе и в поэзии... Но остаётся вопрос: какова была природа его творчества?

Как говорится, и невооруженным взглядом видно, что основа его творчества – это поэтический дневник. Судьба, перелитая в стихи. Да и то сказать, если многие годы живёшь в отдалённом, даже по меркам Вологодчины, посёлке, вольно-неволь но проникаешь в глубины повседневного быта. Очень заметно, например, как много у него ролевых персонажей, явно не выдуманных, явно встречаемых чуть ли не каждый день. Это позволяло видеть жизнь и характеры «простых людей» в развитии, в протяжённости времени.

Тут, понятно, для поэта была другая опасность: как выделить в случайном закономерное, как в единичном увидеть общее. Коля не всегда с этим справлялся. Нередко его стихи оставались на уровне этюда, дневниковой записи. Быть может, поэтому в его стихах переизбыток прозаизмов, разговорных интонаций, а композиционные промахи некоторых стихотворений мешают понять истинное значение предлагаемого образного ряда.

А с другой стороны? Не в этом ли было его предназначение? Читая его стихи сейчас, вдруг понимаешь, как своей поэзией, рвущейся из глубин души, Фокин, безусловно, раздвигает миропонимание читателя, тем более – городского. Россия-Русь многие века держалась на русской деревне. В ней глубинные истоки даже нынешней, урбанизированной нашей страны. А Николаю Фокину досталась тяжёлая доля: стать летописцем русской деревни если не периода полураспада, то, очевидно, да-

леко не лучших времён... И этим оставить своё имя в сердцах людей.

Иду в сатиновой рубашке.
Луг осмотрев, без суеты
Срываю синие цветы,
Пока не вызрели ромашки...

Иду, раскованный и чуткий,
Любовь к Отечеству храня...
Возьмите эти незабудки,
Пастушки, с Богом, от меня.

В порывах жизни несуразной,
Когда вражда то здесь, то там, —
Букетик этот синеглазый
В терпении поможет вам.

Когда это писалось, едва ли Коля думал о своём последнем дне. А теперь такие стихи читаются как завет его недолгой, шальной, но в главном — прекрасной жизни...

Очень хочется, чтобы читатель надолго запомнил такое имя — **Лидия Теплова**. Родилась она 7 октября 1953 года в дер. Медвежка Усть-Цилемского района Республики Коми. С юности поселилась в городе Соколе, здесь прошла большая часть её жизни...

Так вот, при чтении стихов Лидии Тепловой возникает такое научное слово, как натурфилософия. Пугаться его не следует, а смысл тут таков: признание божественного начала в Природе, ощущение человека частью этой самой природы: «Душа моя светом зелёным искрится. То ли я дерево, то ли я птица».

Отчетливо помню, как в стародавние времена на одном из литературных вечеров в Вологде Василий Иванович Белов вдруг стал читать стихи. Зал недоумевал: неужели знаменитый прозаик вернулся к своему литературному началу, когда был поэтом.

Да, глухарь я! Глухой! Посмейся!
Да, глухой я, когда пою.
Ты мне в голову, в голову целься,
Но не целься в глухарку мою!..
Да, глухой, но тебя я слышу,
По дыханию узнаю.
Ты мой хвост над кроватью вывешай,
Но не целься в глухарку мою!
Много здесь глухарей убито,
У болотечка на краю.
Ты стреляй, пока сердце открыто,
Но не целься в глухарку мою
Да, стреляй же! Картечью, дробью...
Я оглох уже, я пою!

Подаvisь глухариной кровью,
Но не целься в глухарку мою!
Впрочем, бей и её, помолившись,
Раз уж выбрал нас на убой.
Пусть хоть дети мои, не родившись,
Не унизятся перед тобой!

Замечательное стихотворение, достойное любых антологий от Пушкина до наших дней. Его поэтичность не только в выборе главного героя, его притягательная сила в многоплановости философской мысли, достаточно редкой для лирики поэтов-женщин. Никто меня за язык не тянул, не такой я мужской «шовинист», чтобы не видеть настоящую поэзию у женщин, хотя нередко она обладает своими специфическими качествами.

Но обратимся к стихотворению «Последняя песня глухаря». Посмотрим, например, как развивается сюжет и характер главного героя. Вот он беззащитен, чуть покорен «охотнику», в его голосе слышна мольба: я беззащитен, сердце моё открыто, но не целься в «глухарку мою», её надо пожалеть. Рефрен «не целься в глухарку мою» похож на самоотречение ради продолжения жизни самой Природы. И вдруг высшая точка развития сюжета: сильнейший протест, чувство высокого личного достоинства: раз ты, «охотник», выбрал меня своей жертвой, то нас вообще не надо жалеть, даже наши «дети» не унизятся перед тобой!.. Природа отомстит за нас, убиенных...

Отметим, что метафоры у Лидии Тепловой лишены идиоматической однозначности, они почти всегда индивидуальны. Это и порождает многоплановость впечатлений у читателя. В этом стихотворении видится и протест Природы против хладнокровности человека-охотника, не ведающего, предположим, что он с ней творит,. Тут есть и песня высокой любви, беззащитной перед внешними вторжениями, скажем так. А мне видится тут предостережение поэта против пренебрежительного отношения к нему критика, где «глухаркины причитания» – это песня души, и если «целиться» в создателя её, то ничего не поймёшь в его поэзии... Как видим, вариативность мысли у читателя есть, она вполне оправдана в данном случае.

Тех же читателей, которым, как говорится, не хочется вдумываться в подтекст этого стихотворения, всё равно не оставят равнодушными драматические коллизии сюжета и характеры героев, так всё в нём эмоционально насыщено в своей основе.

Я не случайно так долго остановился на «Последней песне глухаря» Лиды Тепловой. Через него можно понять зримые черты художественного мира поэта, особенности её поэтики. Кстати, если кто-то уловил в стихах Л. Тепловой нотки Марины Цветаевой или Ольги Фокиной, то это будет ошибочное мнение, её поэзия скорее истинно первородная, чем основана на каких-то внешних влияниях. Это очень важно для понимания её сути.

Впрочем, это только одна сторона её поэзии. Она не избегает того, что в поэзии называется женской судьбой. Здесь нет самоуничижения. Наоборот, как раз в этом поэзия Лидии Тепловой приобретает те индивидуальные черты, которые и выделяют её из многих поэтов-современников.

...Я – поэт. И во мне
Очень много женщины,
И во сне, как ребёнок,
Я горестно плачу.
...Проснулась.

Господи, как хорошо!
Горчит слеза на губе.
Ты рядом, родной мой,
Надёжный, большой,
Как долго я шла к тебе.

В её стихах нередко возникают мотивы надрыва, несбывшихся надежд, но поверх этого всегда есть ощущение тепла женского сердца, очевидной материнской любви, светлой православной веры. Это чувствуется во всём: по отношению к малой родине, к родным, к детским воспоминаниям, к любимому, к детям, к щенку, к берёзе... Уверен, что духовный мир читателя поэзии Лидии Тепловой станет светлее и шире от соприкосновения с её стихами. А это очень важно в нашем растерзанном и противоречивом времени.

Следующий поэт – **Вячеслав Белков**. Родился 15 сентября 1952 года в Вологде, трагически ушёл из жизни 12 декабря 2006 года.

В России Вячеслав Белков многим был известен как исследователь жизни и творчества Н.Рубцова. А вот последней прижизненной книгой оказался, как это ни странно, сборник стихов «Судьба на пороге». Впрочем, стихи Слава писал со студенческих времён. Пока мы не знаем всего корпуса его поэзии. Только недавно довелось разыскать его первое стихотворение, опубликованное в областной газете:

Хоть мы не видали войны,
нас тоже страна призывала.
Два года – ни много ни мало,
И снятся армейские сны...

Мы были «царями полей».
Когда я лежал на привале,
травинки меня обнимали,
и тише ступал муравей...

Что-то есть здесь от Арсения Тарковского, одного из любимых поэтов В.Белкова. Наверное, такая же «микроскопическая» созерцательность вещего мира.

Да, «Судьба на пороге»... Сборник «закольцован» стихотворением «Судьба на пороге. Оборваны речи. Живое допишешь потом»... и хайку:

Не ветер о двери,
Не гость запоздалый –
Судьба на пороге.

Был ли в этом «знак» поэта, его предсказание своей судьбы? Вполне возможно. Но можно понять, что «порог» ему уже тогда был виден, надо было только вступить за него...

В прижизненный сборник В.Белкова не включено и ещё одно стихотворение, которое, однако, кажется мне важным для постижения этого поэта. Позволю себе привести его полностью, тем более, что это – «Исповедь»:

Я хочу быть толстым и румяным.

Но не получается никак!
Легче похудеть, напиться пьяным
И ходить, как форменный дурак.

Но мечты заветной я не брошу!
И когда я буду умирать,
Все увидят – толстый и хороший,
Кинуться меня поцеловать.

Я от поцелуев заалею,
И исполнится моя мечта.
Об одном я только пожалею –
Не покушать больше ни черта!..

Поэт Владимир Кудрявцев заметил много верного, думая над стихами своего товарища по поколению. Размышляя над стихотворением «Бог позвал нас для странного дела...», которое В.Белков посвятил своему другу Александру Швецову, В. Кудрявцев пишет: «Я знаю, для какого «странного дела» призвал Бог и того и другого – единственно для поэзии. Писание стихов даже родителям нашим казалось делом «странным». Что делать, если так на Руси часто поэтов и, пока они не умрут, современники, по словам того же Вячеслава Белкова, никак не могут понять, а «кто же они были – святые, юродивые, блаженные?...».

Теперь кажется, что Вячеслав Белков сделал в поэзии до обидного «мало». Но ведь сделал, и это не забудется в сердцах русских людей.

А вот имя такое – **Владислав Кокорин**. Он родился 15 мая 1955 года в деревне Шера Сокольского района.

«Абрис» биографии опять-таки очень типичен для этого поколения: сельская школа-восьмилетка, работа на ПЗ-23, учёба в Литературном институте им. Горького в Москве, сотрудничество в печатных средствах массовой информации... Собственно, и всё. Но всю сознательную жизнь – стихи и ещё раз стихи, хотя и опубликовано им для его стажа поэтической «работы» маловато.

Стараюсь не отсылать читателя к мнениям авторитетов, но тут не удержусь, чтобы привести цитату о стихах В.Кокорина, высказанную Александром Романовым: «Вологда знала и знает много хороших поэтов, но в такого ироничного, как Владислав Кокорин, вглядывается впервые. По слову своему он родственен Николаю Рубцову и Сергею Чухину, но уже более городской, пролетарский, чем они...»

Положим, я тоже знаю у Славы «ироничное», но для меня он как поэт начинается, быть может, с этого:

В поминальные дни привожу в целлофане рассаду
И сажаю цветы. И таскаю от речки песок.
Рассыпаю его, и светлеет квадратик ограды,
Веселей с обелиска родимый глядит образок...

В поминальные дни, приближаясь немного к разгадке,
Мы на столик железный пшеничное сыплем зерно...
Но слеза, что летит вместе с ним на могильную грядку,
Изымает из нас то, что нам осознать не дано.

Что-то есть здесь от песен старинных славянских обрядов, конечно, в современном лексическом обрамлении. Наверное, сказывается интонационная протяжность с цезурой в середине стиховой строки... За этим видится и глубокая традиция «крестьянской» философии: не просто поминание усопших душ, но и постижение смысла жизни, её космической непрерывности, обязательно с осознанием таинственных сил, характерных для «народного православия».

Какая уж тут ироничность...

В.Кокорин словно идёт наперекор поэтической моде. Когда русская поэзия сегодня ритмически «убыстрилась» на своих ямбо-хореических акцентах, он нередко использует длинные трехсложники с очевидной ретардацией сюжетных линий, напоминающих старинные дольники. Этим он «растягивает» временной диапазон своего сюжета, а это традиция русского космизма, в который время – важнейшая категория духовного бытия в его непрерывности и бесконечности...

Впрочем, я, кажется, начал «за упокой». Точнее, с той вселенской «русской скорби», которой не миновать, если хочется понять глубинную суть мировоззренческой позиции В.Кокорина.

А ведь Кокорину-поэту известны и другие впечатления от жизни:

В Тотьму идёшь, в гору идёшь.
Из Тотьмы – летишь с горы!
А город хорош, на диво хорош,
В разгар весенней поры...

Ах ты, сиреневый город-Тотьма,
Не ведаешь, где стоишь.
Сума не страшна, не страшна и тюрьма,
Когда на тебя поглядишь.

Да, тут мимолётность бытия, своеобразные дорожные заметки. Но и дивную красоту может выхватить в «потоке сознания» поэт, передавая её читателю искрометно, даже – весело!

Меня всегда несколько удивляло, что у Славы довольно много «любовной» лирики. В жизни он не кажется мне таким уж отчаянным сердцеедом: откуда что и берётся? А лирика-то у него сильная, лишённая пошлости, никогда не досказанная до банальности житейских откровений.

... Не говори, что за долгой разлукой
Забудется этот счастливейший бред.
А, может быть, он будет памяти мукой,
И неизвестно, на сколько там лет.

Опять протяжённость во времени! Характерная черта поэтики проступает и тут.

А вот ещё одна особенность Владислава Кокорина: историзм его мышления. Исторические реалии, впрочем, у него обращены к современности или в будущее, преобразуясь в символику «русского сопротивления».

... И всё явственней, явственней помнится.
Время давнее ближе и ближе.
Вот я вижу Мамаеву конницу,
И сермяжное воинство вижу,

Мы идём в поредевших рядах,
Всё теснее смыкаясь плечами,
С заклинанием на устах:
Нас не высечь кривыми мечами!

Да-да, что тут скажешь? Только на время и остаётся уповать... И на собственные идейные устои, понятно.

Ну, а где там «ироничность» Кокорина-поэта? Да есть она, куда от неё денешься. Когда-то я уже писал об этом. Теперь повторяться не буду. Да и не это главное в поэзии Владислава, нет не это! Надо «просто» его читать и думать над тем, что хотел бы он донести до своих современников, скорее всего, и до потомков своих.

Александр СОКОЛОВ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ КОНКУРСОВ 2020 – 2021 ГГ., ПРОХОДИВШИХ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.

С марта 2020 года Вологодская область находится в режиме повышенной готовности (запрещены все массовые мероприятия) в связи с распространением коронавирусной инфекции. Однако; несмотря на это, литературная и краеведческая жизнь в области не замерла и не прекращалась.

Так в 2020 году, преддверии 75-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне, региональная общественная организация «Вологодский Союз писателей-краеведов» провела Областной литературно-краеведческий конкурс, приуроченный к Дню Великой Победы. На конкурс представили свои творческие работы 63 автора из Вологды, Череповца, Грязовца, Бабаево, Тарноги, Чагоды, Белозерска, Тотьмы, Харовска, Вожеги, Великого Устюга и Кичменгского Городка. В номинации «Краеведение» – 24 автора, в номинации «Поэзия» – 21 автор и в номинации «Проза» – 12 авторов.

Лауреатами стали:

В номинации «КРАЕВЕДЕНИЕ» - Виталий Ламов (п. Тарнога),

В номинации «ПОЭЗИЯ» - Александр Соколов (г.Вологда),

В номинации «ПРОЗА» - Михаил Мальцев (г.Череповец),

Дипломантами конкурса стали:

В номинации «КРАЕВЕДЕНИЕ» - Александр Силинский (п. Тарнога),

Сергей Петров (г.Вологда),

Людмила Целуйко (г.Череповец),

В номинации «ПОЭЗИЯ» - Геннадий Созонов (г.Вологда),

В номинации «ПРОЗА» - Александр Жгутов (г.Вологда).

Работы лауреатов и дипломантов конкурса опубликованы в Альманахе ВРО СПК «Храни огонь родного очага...» в 2020 году,

В 2020 году в честь 75-летия со дня рождения поэта Сергея Чухина

Межпоселенческой централизованной библиотечной системой Вологодского района и Центром культурного развития Вологодского района проведен конкурс на областную литературную премию имени поэта Сергея Чухина «Настроив душу на добро...». учрежденную Комитетом по образованию и культуре Вологодского района.

В октябре 2020 года объявлены победители:

Номинация «ПРОЗА»:

Лауреат I степени - Виталий Ламов (Тарногский р-н),

Лауреат II степени - Светлана Чернышёва (г.Вологда),

Лауреат III степени – Юрий Кутьин (п.Шексна)

и Николай Соколов (с. Куркино).

Номинация «КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»:

Лауреат I степени - Василий Мишенев (г. Никольск),

Лауреат II степени – Николай Дегтерев (п. Шексна),

Лауреат III степени – Артём Кулябин (г. Сокол).

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

Лауреат I степени - Лидия Мокиевская (г. Белозерск),

Лауреат II степени - Николай Дегтерев (п. Шексна),

Лауреат III степени - Александр Кругликов (г. Череповец).

Работы дипломантов Областной литературной премии им. поэта Сергея Чухина опубликованы в сборнике «Настроив душу на добро» в 2020 году.

В 2021 году, в год 85-летия со дня рождения поэта Николая Рубцова, Региональная общественная организация «Вологодский Союз писателей-краеведов» провела Открытый литературно-краеведческий конкурс «Тихая моя родина», приуроченный «Году Рубцова в России».

В конкурсе приняли участие авторы из городов: Кировска и Апатитов Мурманской области, Дзержинска Нижегородской области, Ишима Тюменской области, Курска, Вологды, Череповца, Белозерска, Грязовца, Сокола, п. Туровец Междуреченского района, Вол. обл., с. Шуйское

Междуреченского района, Вол. обл., д. Лесютино Нюксенского района Вол. обл.

На конкурс были представлены творческие работы 37 авторов.

Номинация «Поэзия» - 33 автора, Номинация «Проза» - 7 авторов, Номинация «Краеведение» - 7 авторов.

В июне 2021 года объявлены победители.

Номинация «ПОЭЗИЯ»:

Диплом 1 Степени – Александр Кругликов (г. Череповец)

Диплом 2 Степени – Татьяна Новикова (г. Череповец)

Диплом 3 Степени – Леонид Инихов (г. Вологда),

и Валентина Жукова (с. Нюксеница).

Номинация «ПРОЗА»:

Диплом 1 Степени – Елена Булатова (г. Череповец)

Номинация «КРАЕВЕДЕНИЕ»:

Диплом 1 Степени – Сергей Кувшинов (г. Дзержинск Нижегородской области)

Творческие работы Дипломантов опубликованы в Альманахе «Россия. Русь! Храни себя, храни...» РОО СПК в 2021 году,

Представляем стихи лауреатов и дипломантов данных конкурсов.

Стихи взяты из интернета и других источников.

Дегтерёв Николай Александрович

*Родился 1986 году в п.Шексна Вологодской области,
член Союза писателей России.*

Снова поздно. Снова ночью я не сплю.
Снова ум в воспоминаниях топлю.

Сколько скверны было в жизни прожитой!
Как убийственно зияло пустотой!

Только светлого – попойка в гараже,
Песни старые, забытые уже,

А потом прохлады, ночь на пустыре,
Лай собаки – далеко, в чужом дворе.

И домой я возвращался во хмелю
И уже не понимал, кого люблю.

Ну а те, кто и таким меня любил,
С неземной тоской смотрели из могил.

Им-то, знаю я, теперь вся жизнь видна,
И цена её, наверное, страшна.

Выпей водки, рубаху рвани,
А потом за окно сигани
И опомнись, уже подлетая
К той земле, по которой давно
Вёл когда-то подругу в кино:
Жар ладошек, листва золотая.

Мимо поднятых веток берёз
И застывших в падении слез,
В этом воздухе, цепком, как щука,
Ничего не успеешь понять,
Только воздух рвануть и обнять
Пустоту успевая без звука.

Вспыхнет вдруг (за мгновение до):
Осень, девочка в синем пальто,
Губ стремительных влажная плёнка,
«Помо...» - целая жизнь впереди,
«...гите» - нежность клоочет в груди
Пережившего вечность ребёнка..

Инихов Леонид Михайлович

*Родился в 1951 году в городе Вологде,
член Российского Союза писателей.*

ОСЕННИЙ БАЛ

Промчалось капризное лето,
И осень вступила в права,
И вязнут в растущем тумане
Церквей золотых купола.

Природа вошла в бабье лето,
Шумит листопад золотой.
У осени песня не спета,
Срывает она лист резной.

И как долгожданные гости,
На бал листопадный пришли
Рябины рубиновой грозди
Сквозь злато-багрянец листвы.

ТИХАЯ ОСЕНЬ

Тихая осень...
Природа застыла.
Дождь моросит
Моноotonно, тоскливо.

Падают листья.
Почти не шуршат.
Тучи прикрыли
Ночной звездопад.

Днем иногда
Сквозь тучек оконце
Выглянет с неба
Усталое солнце.

Грешную землю
Как будто жалеет,
Светит вовсю,
Но не очень-то греет.

Тихая осень...

Жукова Валентина Михайловна
Родилась в деревне Малая Горка Нюксенского района
Вологодской области, педагог,
Заслуженный учитель Российской Федерации.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Какую горькую утрату
Ты понесла моя страна,
Чтоб эта праздничная дата
На землю скорбную легла!

И все страдания и беды,
Что наполняли нашу жизнь,
Пред светлым праздником Победы
На миг застыли, улеглись...

Он, этот майский день весенний,
Зажег такой огонь в крови,
Что стал чудесным Воскресеньем
Для новой жизни, для любви!

БАБЬЕ ЛЕТО...

Бабье лето взмахнуло крылом,
Поманило осенним дурманом,
Одарило последним теплом -
И растаяло в воздухе пряном.

Только в памяти будут жить
Дорогие сердцу картины:
На берёзке седая нить -
Колыбель из лесной паутины

И прощальный взлёт журавлей
Над речушкой в тумане синем,
Над простором родных полей,
Над моей дорогою Россией...

Пусть подольше на солнце горят
И не гаснут костры рябины,
Танец листьев, цветной звездопад,
Переспелые гроздья калины,

Чтоб зимой, среди снежных вьюг -
Стоит лишь помечтать об этом -
Мне всё это представилось вдруг,
И пахнуло бы бабьим летом.

Кругликов Александр Васильевич

*Родился в 1953 году в деревне Шалимово Череповецкого района
Вологодской области. Лауреат премии им. Сергея Чухина 2020 г.*

Без тебя буду жить не любя...
Без тебя и любовь не любовь...
Половинка моя, без тебя
Хоть костюм погребальный готовь...

Без тебя превращаюсь я в лед...
Без тебя заблужусь я в пути...
Без тебя меня снег заметёт –
Воронью до весны не найти.

Наступает сезон воронья,
Коль в душе соловьи не поют...
Без тебя, половинка моя,
Потеряю на веки свою.

То ли хмель в голове, то ли сон?
В опустевшей душе тишина...
А на улице крики ворон...
И весна - без тебя не весна

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Для меня лучше нет наступившей осенней поры,
даже если дожди зарядили надолго опять.
Расстилает природа повсюду цветные ковры,
чтоб грядущей зиме было мягко по листьям шагать.

Сколько прелести в жёлтой, багряной и рыжей листве
на ветвях, что дрожит перед близкою смертью своею.
Вот и дождь перестал! Рад промытых небес синеве,
я иду по коврам, устилающим в роще аллею.

Запылала на солнце, с листвою прощаясь, сады.
По сверкающим кронам скольжу очарованным взглядом.
Постою над прудом у листвою занесённой воды.
Лучше нет для меня этой грустной поры листопада!

Мокиевская Лидия Андреевна

*Родилась 31 июля 1949 года в городе Белозерск, Вологодской области.
Лауреат премии им.Сергея Чухина 2020 г.*

ВСТРЕЧАЮ ВЕСНУ

Проснулась. На улице солнце.
Какой замечательный день!
Берёза качает в оконце
Ажурную светлую тень,

Живые качаются блёстки
На листьях. Не дождь так роса!
На небе картинок наброски,
И слышатся птиц голоса!

Умытые окна открою
И двери свои распахну.
Как в детстве, любуюсь зарёю,
Всем сердцем встречая весну!

КАТИТ ВОЛНЫ ОЗЕРО МОЁ...

Катит волны озеро моё
День за днём, за годом год – века,
С ветром песни вольные поёт
Над усталой лодкой рыбака,

День и ночь ласкает валуны,
Разбивая волны в жемчуга,
И дорожка светлая луны,
Словно мостик, сводит берега.

*Родилась 28 октября в д. Жарки Череповецкого района Вологодской области.
Член ЧГОО «Череповецкое литературное объединение».*

Как случилось – понять мне важно,
Что из тружениц вечных – вдруг
Стала наша деревня праздной?
Зарастают поля и луг.

За какие грехи - немилость?
Как с дороги прямой - в тупик?
Раньше нива здесь колосилась,
Жизнь кипела здесь каждый миг!

Даже ветру бывшее снится.
- Где раздолье? – завыл с тоски.
- Не нужна нынче рожь-пшеница?
Где ж вам прятаться, васильки?

Снова горечь покорно скроет
Заколоченная изба:
Никогда не была простою
На Руси – деревень - судьба...

Задержалась в пути депёша,
(В ней «Зерно по весне – полям!»)
Грустный ветер, надеждой тешась,
Пробирается сквозь бурьян...

МНЕ В ЗАВТРА НАДО...

«Привет! Чем дышишь?
Мила как прежде...»
Узнала: бывший.
Всё так же вежлив...

Когда-то – было...
И даже – очень.
Ушёл. Простила.
Ревела ночью...

«А с кем ты? Где ты?»
Красив. Причёсан.

Не ждёт ответов,
Задав вопросы...

«На чай, быть может?
Ты что, не рада?!» -
«Наш день – он прожит.
Мне в завтра надо...»

Сазонов Геннадий Алексеевич

*Родился 21 марта 1950 года на ст. Пожитово
Торжокского района Тверской области.
Член Союза писателей России.*

РОДОСЛОВНАЯ

Родословную всю растрепали,
Чтоб корней мне в веках не найти...
Не жалели ни крови, ни стали,
Чтобы стал я безродным в пути.

Чтобы в дне, одичало встающем,
Где богач катит в синем авто,
Был я тихим, послушно бредущим,
Бездуховным по кличке «никто».

Но не вырвали с почвы родимой.
Мне без Родины – никуда!
Мне родня – наши вёсны и зимы,
Перелески, луга и стада...

В мужике, долго поле пахавшем,
В мужике, что изранен в бою,
И в истлевшем, но землю не сдавшем –
Родословную вижу мою!

В ЗВЕЗДНОМ ВИХРЕ...

В звёздном вихре сгорающей пыли
Наших старших мелькнут имена –
Отлюбили, отпели, отбыли
Те, на ком и держалась страна.

И войну претерпели, и голод,
И реформы – удавку для нас.
Помни ты, кто беспечен и молод,
Кем оплачен твой век и твой час!

Соколов Александр Иванович

*Родился 29 августа 1952 году в поселке Туровец
Междуреченского района Вологодской области,
Член РОО «Вологодский Союз писателей-краеведов».*

Канут в ЛЕта и дни, и века,
Ни молитв не оставив, ни книг...
Здесь когда-то ступала «Адама» нога,
Но в песок превратился холодный гранит,
И вода залила берега,
На которых он повесть о вечном писал:
На скале, на берёсте, на зыбком песке.
Может, так же, как мы, счастье долго искал
Там, от райских щедрот вдалеке.
И нашёл ли - покоя забытый причал,
Или брёл одиноко в тоске?

Канут в ЛЕта и дни, и века,
Ни молитв не оставив, ни книг...
Беспощадная времени эта река,
Ну а мы продолжаем творить,
И нам кажется вечны леса и луга.
Коротка, и хрупка, и обманчива жизнь.
Вечен древний скупой и седой Мезозой,
Но по-прежнему взор устремляется ввысь –
Там, где Бог за далёкой звездой.
И пытаюсь понять жизни истинный смысл,
Мы творим и живём... и живём...

ВОТ ТАК ПОЭТ СВОЙ ИЗЛУЧАЕТ СВЕТ...

Фонарь едва раздвинул темноту.
Промозглый дождь. Вокруг ни огонька.
Легли на землю с неба облака.
И нет страшней холодной пустоты.
Ох, эти цепи, цепи-провода?!

В глазах его застыл немой вопрос.
 Но не уйти и не покинуть пост,
 Хоть по спине ручьем течет вода.
 И только одинокий мотылек
 И прилетел на тёплый огонек
 В убежище под шляпу фонаря.
 Вот так поэт свой излучает свет
 В безвременье, когда надежды нет,
 И истина течёт из-под пера.

Полина Викторовна Самохвалова,
член Союза Художников России (секция живописи) г. Ярославль

ЯРОСЛАВСКАЯ ХУДОЖНИЦА ИЗ ВОЛОГДЫ

Самохвалова Полина в мастерской
народного художника РФ
Валерия Страхова

21.03.1977г. Пермская область г. Кунгур.

1995-2001г. Учеба в Вологодском Государственном Техническом Университете по специальности АРХИТЕКТОР

С 1996г. Учеба в мастерской Заслуженного художника России, члена-корреспондента Российской Академии Художеств, Валерия Николаевича Страхова.

С 2006 г. участница областных, региональных, всероссийских художественных выставок.

Для художественной индивидуальности важно иметь свой неповторимый почерк, свою манеру письма и особенно важно найти свою тему.

Молодая ярославская художница Полина Самохвалова работает в портретном жанре. Портрет не слишком популярен в современной творческой среде художников, но традиционно привлекателен у зрителей. Полина выбрала самый сложный вид портретной живописи – тематический портрет, отражающий образ молодого современника. Это и «Студентка» медицинского института, на секунду оторвавшаяся от лабораторных занятий и с любопытством всматривающаяся в зрителей, это и диджей в состоянии «Эйфории», создающая на виниле новую музыку, это и «Городские танцоры», уединившиеся на крыше и допоздна отрабатывающие элементы брейк-данса, это и Ярославна 21 века получившая СМСку с поздравлением в «Рождественский вечер», это и «Портрет молодого человека» неразгаданного и непонятого героя нашего времени. А еще есть девушка - сноубордистка, которая своей рискованной привлекательностью утверждает, что время тургеневских барышень безвозвратно ушло. Конечно же, в творчестве Полины отражена и любовь, она - в парном портрете молодых людей.

Все эти картины, столь разные по сюжетам и манере исполнения, объединяет одна очень важная черта художественной индивидуальности Полины - для нее пространство картинной плоскости существует не как кадр или как театральная сцена, а как некое духовное пространство.

Геннадий САЗОНОВ

ПРЕД «ВЕЧНЫМ КАМНЕМ»

24 июля 2022 года исполняется 180 лет
со дня рождения великого русского мецената
и общественного деятеля Христофора
Семёновича ЛЕДЕНЦОВА

СОВРЕМЕННОСТЬ И НАСЛЕДИЕ Х. С. ЛЕДЕНЦОВА

*Теперь никакой действительный прогресс не может
быть достигнут без борьбы. Вот почему враждебность,
проявляемая к нам Европой, есть, может быть, величайшая
услуга, которую она в состоянии нам оказать.
Это, положительно, не без промысла.
Нужна была эта, с каждым днём все более явная
враждебность, чтобы принудить нас углубиться в самих
себя, чтобы заставить нас осознать себя.
А для общества, так же как и для отдельной личности, -
первое условие всякого прогресса есть самопознание.*

Фёдор ТЮТЧЕВ,

великий русский поэт.

(Из письма поэту, князю Петру Вяземскому, 1848).

В наши тревожные дни, как и много веков назад, ты снова стоишь на распутье
- великая, любимая и загадочная Русь!

В понуром настроении вглядываешься вдаль,
где за горизонтом в огне и дыму очередного лета,
полыхают леса, где их нещадно вырубают, оставляя
потомкам гнилые поляны и заваленные буреломом
буераки. Ты взираешь на приближённые границы,
куда недруги неустанно стягивают отряды, бряцая
оружием. С печалью взору твоему предстают клад-
бища и погосты, до срока принимающие сынов и до-
черей, отчего некогда весёлые долины, берега рек и
озёр, холмистые волоки всё более обретают безлюд-
ный вид.

В унылом стоянье напоминаешь ты одного из
добрых своих защитников. Его нарисовал великий
художник, создав шедевр «Витязь на распутье».
108/. Ну, а кто тот герой? Храбрый воин Илья Му-
ромец, способный прогнать с русской земли всякую
нечисть? Или Дмитрий Донской с Куликова поля по-
желал разгромить тех, что пришли ныне - «иных вре-

мён татары и монголы»?

Или, может, кто-то другой, ещё неведомый?

Нам остаётся только гадать. Знаменитый русский мастер кисти Виктор Михайлович Васнецов однажды признался, что едва ли не с детства его преследовали строки из былины об Илье Муромце, встретившем на пути своём «вечный камень». На том камне написано: «Как прямо ехать - живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролётному. Направу ехать – женату бытии. Налево ехать – богату бытии...»

Не знаем, в какую сторону поехал на своём усталом коне доблестный Илья Муромец, говорят, – прямо!

Но сама тема выбора судьбы, выбора пути народа и собственной личной дороги сильно волновала живописца. Он ярко выразил свои чувства в картине «Витязь на распутье». Какой-то мрачностью и безысходностью веет от полотна – тяжёлые мысли одолевали воина перед «вечным камнем». Есть такое толкование надписи на камне. Если пойдёшь прямо, то есть путём правды, истины, добродетели, то «живу не бывати». Не в русском характере идти «направу» или «налеву», у нас заведено – идти прямо. И другой шедевр Виктора Васнецова «Русские богатыри» лишний раз подтверждает это.

Образ-стояние Руси не распутье - не придуман мною ради словесных красот. Он существует в реальности. Вот уже три десятилетия, теряя былую экономическую мощь и стремительно сокращая население, страна поочередно поглядывает то на Запад, то на Восток, пытаясь там обрести контуры собственного развития. Ничего из того не получается. Да и не может получиться!

Историческая Русь – особая Вселенная, со своими обычаями, традициями, верованиями, бытовым укладом. Когда она идёт по собственному пути, ей предназначенному, тогда является в мир «русское чудо», как было в конце XIX и в середине XX веков. А когда она предаёт забвению собственные былые победы и заслуги, очерняет «русских дух», пытается надеть на себя «чужой кафтан», тогда быстро ослабевает и напоминает больного.

Всё это приходит на ум, когда размышляешь о феномене Христофора Семёновича Леденцова, его великих свершениях на благо Родины. Почему Россия не хочет вернуться к ним, продолжить с учётом современности? Почему не желает взять «леденцовскую модель» за основу экономики и социальных проектов? Почему страна не способна обеспечить условия талантливым учёным, в основном, молодым, а «выжимает» их сотнями тысяч в другие страны, где они приносят пользу иным народам? Почему островная Япония, фактически не имея природных ресурсов, обгоняет Россию во всём, хотя наша страна располагает крупнейшими в мире месторождениями газа, нефти, угля и т.д.?

Вопросов больше, чем ответов!

Отчасти происходило и продолжается это потому, что подвиги Христофора Семёновича Леденцова – гражданский, человеческий, духовный – ещё не до конца поняты и осмыслены, из них не сделаны выводы применительно к современности. Хотя кто-то, может, и поспорит со мною. Да, сто с лишним лет прошло с того дня, когда «крутое правительство» большевиков ликвидировало Общество имени Х.С. Леденцова. Правители фактически «заблокировали» какую-либо информацию о нём. Лишь благодаря неуёмности и настойчивости Нины Дмитриевны Луковцевой, правнучки великого мецената, а также вологодскому журналисту Владимиру Рыбникову,

доброе имя славного вологжанина возвратили в общественный обиход.

Появилась возможность у людей, связанных с наукой и техническим творчеством, глубже понять проекты, осуществлённые Христофором Семёновичем Леденцовым, его личность, осмыслить наследие в целом. В частности, речь идёт о событиях 1992 года. Тогда общественность Вологды по существу впервые отметила юбилей Леденцова – 150 лет со дня рождения. Самое активное участие в нём принял Александр Михайлович Шумилов.

...По заснеженной Вологде иномарка бойко катила в микрорайон улицы Псковской. За рулём – Михаил Банщиков, давний приятель Шумилова, к которому мы ехали. Михаил Константинович – личность, известная в области. Он руководил крупным конструкторским бюро, избирался депутатом городской Думы и краткое время был её 4-м председателем. В 2007 году Банщикова выдвинули депутатом Государственной Думы. В своей работе Михаил Константинович по разным поводам соприкасался с деятельностью Христофора Семёновича Леденцова, знал биографию мецената и дела его.

Летом 2017 года Клуб деловых людей Вологодского землячества в Москве учредил и зарегистрировал Благотворительный фонд «Родник» имени Х. С. Леденцова. Цель – поддержка важных инициатив на Вологодчине, в том числе – возможное восстановление незаслуженно упразднённых российских социальных и социально-научных обществ, таких, как «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С.Леденцова». Первым председателем Совета Фонда назначили М.К. Банщикова. К сожалению, состояние здоровья не позволило Михаилу Константиновичу развернуться во всё плечо. Вскоре Фонд возглавил Алексей Вячеславович Нечаев, вологжанин по рождению, а ныне – московский предприниматель, генеральный директор фирмы «ЮниТех». Создан был и Попечительский совет Фонда, его председатель – Евгений Борисович Шулепов, депутат Госдумы. В числе членов Попечительского совета – учёный Николай Николаевич Леденцов, правнук великого мецената.

Президент Фонда «Родник» – Николай Викторович Павлов, финансист, член Клуба деловых людей.

По дороге Банщиков сказал, что Шумилов подготовил предложения по увековечиванию памяти Х.С. Леденцова. Собственно, нас это и заинтересовало. В тяжёлые 90-е годы Александр Николаевич возглавлял областное отделение ВОИР (Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов). Однажды ему позвонили из Центрального Совета ВОИР из Москвы и поинтересовались, слышал он про статью

журналиста Владимира Рыбникова «Инкогнито из Вологды»?

- Всё и закрутилось, - вспоминал ветеран. – Я знал Рыбникова, связался с ним, прочёл про то, кто был «инкогнито». Оставалось два неполных месяца до 150-летия со дня рождения Х.С.Леденцова, времени в обрез. А хотелось особо помянуть великого земляка. Он совершил духовный и гражданский подвиг не только отечественного, но и всепланетного масштаба. Да, именно духовный подвиг, - продолжал Шумилов. – Ибо он от души, от чистого сердца пожертвовал огромные средства на развитие русской науки. Чтобы совершить такой подвиг, надо быть духовной личностью. Ещё и потому подвиг духовный, что не ради корысти, не ради какого-то расчёта.

Шумилов собрал разнообразную информацию о Христофоре Семёновиче, привлёк авторов и в июле 1992 года напечатал брошюру (тираж 150 экз.) к юбилею благотворителя.

Начиная с 31 марта 1907 года (даты смерти мецената), это были по существу первые публичные правдивые сведения о нём. Под обложкой брошюры обрели своё место очерк Владимира Рыбникова «Инкогнито из Вологды», статья историка Михаила Гришенкова «Х.С.Леденцов – городской Голова», исследование инженера Бориса Растутаева «Первый в истории России». К слову, родной дядя Бориса Ивановича - К.С.Борисов - являлся первым бухгалтером Вологодского ломбарда ещё в бытность Христофора Семёновича. В этой должности Борисов отслужил 25 лет. Когда в октябре 1913 года отмечали юбилей первого в России ломбарда, Борисов, как и другие работники, был представлен к Высочайшей награде.

«Если в двух словах определить смысл всей его жизни и деятельности, то они будут таковы – благо народа. Возьмите любое его начинание, нигде не увидите вы корыстного интереса, желания урвать куш пожирнее нет, - писал Борис Растутаев. – Те богатства, которыми он располагал и которые дались ему трудом и талантом, служили не ему лично, а служили общественной пользе, обогащению общественному. Мог ли он, человек с совестью и честью, смириться с положением успокоенного богача, когда рядом жили в постоянной нужде и бедности? Но не раздача милостыни была его идеалом. Поднять общий уровень жизни народа, вытащить человека из нищеты и чтобы никогда тот не смог оказаться там – вот цель Леденцова (выделено – Г.С.).

Автор довольно точно выразил суть духовного подвига, о котором говорил Александр Шумилов.

По странной привычке, не изжитой до сих пор, кое-кто называл и продолжает называть Леденцова «русским Нобелем».

- Нет, никуда не годится! – возмутился собеседник. – Нобель и рядом не стоял с Христофором Семёновичем. – Нобель никогда не жертвовал на развитие науки в таком объёме, как Леденцов. Да и капиталы свои Нобель сколотил на изобретении русского учёного Василия Фомича Петрушевского, военного инженера. Именно он «придумал» динамит – «установил фабрикацию нитроглицерина в больших массах», за что получил единовременную премию в 3000 рублей и пожизненную пенсию в 1000 рублей. Своё открытие Петрушевский сделал совместно с Николаем Зининым, хорошим знакомым Альфреда Нобеля, – тот обучался у Зинина химии. Через какое-то время Нобель, уехав из России, использовал расчёты Петрушевского и Зинина, а в 1867 году зарегистрировал патент на динамит в Европе и США. Факт этот известный. Но люди обычно не вникают в детали «открытия» Нобеля. В 1976 году в Ленинграде А.Я.Авербах издал книгу, где подробно описал изобретение Петрушевского и то, как

оно оказалось у Нобеля. На мой взгляд, те, кто теперь называют Леденцова «русским Нобелем», искажают подвиг Христофора Семёновича, грешат против истины...

Что ещё осталось в памяти от первого публичного юбилея великого мецената?

- Знакомые не верили, но удалось договориться со священником о. Георгием из храма Андрея Первозванного. Он провёл молебен на могиле Христофора Семёновича как раз в день рождения, - припомнил собеседник. - Кладбищенская церковь Введение во храм Пресвятой Богородицы, где когда-то участвовал в богослужениях и Христофор Семёнович, находилась в запущенном состоянии. После Гражданской войны в ней организовали филиал Архангельской пересылки для малолетних преступников. Когда они подросли, то считали место «родным домом», приходили, распивали спиртное, безобразили и на могиле Леденцова...

- Возле церкви, на мой взгляд, следовало бы поставить памятный знак, раскрывающий духовный и гражданский подвиг великого земляка, а на ограде – соответствующий баннер. Самый лучший памятник здесь – восстановление храма, - заключил Шумилов. – Тогда восстановится и всё остальное...

Думаю, он прав.

Церковь оживает, пусть не так быстро, как хотелось бы. Создана приходская община, действует придел в честь великого святого – святителя Николая-чудотворца, здесь служат литургию и молебны.

«Кость № 1 в горле у глобалистов – Христофор Леденцов. Причём, в горле у глобалистов прошлых лет и нынешних времён» - излюбленный мотив в телефильме москвича Алексея Золотарёва. Скорее перед нами даже не фильм, а ролик, вошедший недавно в Интернет и социальные сети. У него такое название: «Христофор Леденцов – премия Нобеля отдыхает». Автор рассказывал об истории улиц Москвы, остановился у красивого особняка на Остоженке. Но значитесь особняк по адресу: Мансуровский переулок, дом №4. Дело в том, что к Остоженке примыкает много переулков, дома могут именоваться по двум адресам.

Чем же привлёк Золотарёва особняк? Необычной архитектурой? Не исключено, что так. Подобных зданий, выстроенных в стиле «северного модерна», в столице практически нет. Главная башня оформляет угол здания и придаёт ему вид замка-особняка.

- История дома, - говорил Алексей Юрьевич, - связана с именем русского генерала Алексея Брусилова. Он жил здесь десять лет, начиная с 1916 года. Брусилов – герой Первой мировой войны, во все военные учебники вошло описание боевой операции под названием «Брусиловский прорыв». А ещё раньше в доме проживал Христофор Леденцов, чьё имя практически никому не известно в современной России.

- Но это – великий человек, выдающийся русский предприниматель, общественный деятель, промышленник, имевший несколько ткацких фабрик. Его избрали Главой Вологды, он не воровал, не потакал коррупции, не запускал руку в бюджет, а наоборот, – помогал бюджету города своими средствами. Почему он «кость в горле» глобалистов? Потому что он давал людям деньги без ссудного процента. Вдумайтесь только! Без ссудного процента. В масштабах всей России Леденцов создал прецедент, который можно назвать № 1. Ведь глобалисты всего мира, в том числе и в современной России, существует как раз на «ссудный процент», присваивают его везде, где возможно, обворовывают страны и континенты. А Леденцов как раз и показал, что не только можно, но и нужно жить честно, не обирая «ближнего своего», а развивая и этого

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВА СОДѢЙСТВІЯ УСПѢХАМЪ ОПЫТНЫХЪ НАУКЪ. Въ воскресенье, 5-го декабря, въ Большой залѣ дома политехническаго Общества, на Мясницкой, происходило торжественное открытіе Общества содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій имени Х. С. Леденцова, соединенное съ чтениемъ его памяти какъ основателя Общества. Торжество началось молебствиемъ, совершоннымъ преосвященнымъ Ана-

ближного и страну в целом... Вот и этот особняк он воздвиг как бы в память о своей малой Родине.

Автор не совсем точен. По официальным данным особняк построил Пётр Васильевич Лоськов, бывший крестьянин, а позже - разбогатевший купец, назначение особняка — доходный дом. В нём размещались четыре большие квартиры по восемь комнат. Сюда селились богатые арендаторы. Талантливый

архитектор из Самары Алексей Зеленко придал дому стиль, радующий и глаз, и сердце. Со временем особняк в Мансуровском переулке приобрёл в собственность Леденцов. Это подтверждала и Н.Д. Луковцева, когда рассказывала о том, как из особняка выселяли семью сына мецената — Христофора Христофоровича.

В остальном же Алексей Золотарёв, пожалуй, прав. По его мнению, Христофор Леденцов в отличие от Нобеля, сделал прецедент № 1 в мире и в России, когда стал поддерживать науку, взяв на себя венчурные риски. В том заключалась новизна и отличие деяний Х.С. Леденцова от премии, которую учредил А.Б. Нобель. По завещанию Нобель предоставил распоряжаться премией членам комитета, которые делали это по своей воле и по своему усмотрению.

Также автор полагал, что фонд Леденцова по-прежнему существует за границей в форме огромных финансовых средств. Но иностранные банкиры поставили «хитрые капканы», чтобы русские учёные, которые имеют право на эти средства, не могли их получить и использовать на развитие науки.

Он отмечал, что Христофор Семёнович Леденцов ушёл из жизни «достаточно странным и загадочным образом», подробности смерти мы не знаем. Для своего возраста — 64 года — он имел неплохое здоровье. Но неожиданно скоропостижно скончался в одной из клиник Женевы. «Я предполагаю, что его просто убили как человека, который мог поднять Русскую Цивилизацию на недостижимый уровень,» — заключил А.Ю. Золотарёв.

В последующее время в разных изданиях — литературных и научных — появлялись очерки и статьи о Христофоре Семёновиче Леденцове. Порой авторы повторяли одни и те же факты. Эти публикации, как и те, о которых сказано выше, при всех достоинствах носили всё-таки локальный характер. Да, интересные детали, какие-то неизвестные события, но общую цельную картину они не создавали. Нужен был новый подход к осмыслению подвига вологодского купца. И это впервые предпринял Николай Николаевич Леденцов, правнук, под эгидой Российской Академии наук.

17 декабря 2009 года в Малой аудитории Политехнического музея в Москве он представил доклад на конференции «Общество имени Х.С. Леденцова и современность». Свою речь учёный-физик назвал: «Христофор Семёнович Леденцов: семья, соратники, партнёры». Это тем более важно, что Николай Николаевич рассказывал

о великом прадеде. Объёмное выступление состояло из шести разделов: «Вологда», «Москва. Музей содействия Труд», «Завещание», «Москва: Общество», «Ликвидация Общества», «История семьи». В разделах автор приводил подробности, о которых прежде мало кто знал.

К тому же текст подкрепляли разнообразные, зачастую уникальные фотографии, документы, схемы, расчеты.

Правнук высказал версию, что происхождение семейной фамилии, возможно, связано со страной Исландией. «Древнеславянское слово «Леденец» означает «Ледяной город» или «Ледяная земля», подразумевающая Исландию, - отмечал он. – Вологда становится крупным торговым центром в 13-16 веках. В Вологде меховые магазины Леденцовых располагались на Фрязиновской набережной, само название которой тесно связано с Италией («фрязи» - это генуэзцы). Вологда имела особое значение в деятельности иностранных купцов в России в XVII и первой четверти XVIII века. Это был период расцвета Сухоно-Двинского торгового пути, который связывал центр страны с Архангельском, главным в то время внешнеторговым портом России».

25 октября 1888 года в Вологде был открыт первый ломбард в России... получивший название Вологодского городского ломбарда. Сам император Александр III лично утверждал устав этого ломбарда.

Открытие такого учреждения не обошлось без финансовой поддержки. Известный в то время меценат Христофор Семёнович Леденцов выделил в качестве жеста доброй воли 4000 рублей в фонд ломбарда.

12 марта 1919 года в областной газете «Красный Север» было опубликовано объявление о том, что при Губернском отделе народного просвещения в городе Вологде открывается бесплатная Народная музыкальная школа. Взрослые и дети приглашались для обучения в классы сольного пения, игры на рояле, скрипке, виолончели. Кампания по приёму прошла успешно, и весенним солнечным днём 1 апреля 1919 года Народная музыкальная школа начала отсчёт своей биографии.

«БЫЛ ЛИЧНО СКРОМЕН...»

БЕСЕДА

с академиком Николаем ЛЕДЕНЦОВЫМ

- Какие качества в характере Х.С.Леденцова, Вашего прадеда, считаете определяющими?

- Я, естественно, не знаком с Христофором Семёновичем. Я знаю то, что он был лично скромн, не тратил деньги на роскошь, изысканную еду и т.д. Его дети в гимназии писали в тетради одними чернилами, а потом переворачивали и писали между строк другими. Но образование они получили по высшему разряду – в Императорском Техническом училище, едва ли не самом лучшем учебном заведении периода царской России. Возможно, из-за такого воспитания и сыновья достигли успехов в карьере и самореализации.

- Что, на Ваш взгляд, лежало в основе благотворительности Семёна Алексеевича Леденцова и его сына Христофора?

- Сочетание хорошего воспитания, образования, просвещённой религиозности, а также отсутствие националистических и религиозных предрассудков, признания равноправия женщин. Всё это отражено в его Завещании. Следует отметить и роль Серафимы Николаевны (Белозёровой) – она построила школу для девочек-сирот и дала капитал на её содержание.

Критика ростовщичества, «достигшего у нас громадных размеров», привела Христофора Семёновича к идее института финансирования малоимущих (городской ломбард), а не к призывам ненависти к ростовщикам. Иными словами, он нашёл причину бедственного положения части населения и устранил её. Безусловно, создание первого в стране городского ломбарда в Вологда открыло целую эпоху для финансирования малоимущих людей по всей тогдашней России. А началось всё с чисто убыточного предприятия, куда Христофор Семёнович несколько раз вкладывал свои личные средства.

Да, ломбард возник как благотворительный и был убыточным. Но уже скоро учреждение, выдавая льготные кредиты людям малообеспеченным (до 500 человек в день), стало приносить прибыль в казну до 50 тысяч рублей в год, сумма тогда значительная. Её город опять-таки мог использовать на повышение качества жизни. И это не считая кредитов ломбарда на приобретение семян, орудий производства, транспорта, то есть в расширение производства, что создавало дополнительный налогооблагаемый оборот.

На посту Главы Христофор Семёнович занимался разными делами, к примеру, принимал меры по недопущению выпаса домашнего скота – по запросу гласного (депутата) городской Думы В.А.Невского. «Крайне странно, – обращался он к Леденцову, – что крупный скот – коровы и лошади – также не только свободно пасутся на улицах и площадях города, но ежедневно можно встретить их прогуливающимися по бульвару». Мало кто знает, что Леденцов участвовал в создании первого в Вологде музея «Дом Петра Первого». В 1872 году губернатор С.Ф.Хоминский, председатель земской Управы Д.В.Волоцкий и гласный городской Думы Х.С.Леденцов приняли решение об открытии в городе музея в память о приездах Императора в Вологду. От-

крытие его состоялось 5 июля 1885 года, присутствовал Великий князь Владимир Александрович, брат царя Александра III.

- Как Вы оцениваете создание Х.С.Леденцовым «Музея Содействия Труд» в Москве?

- Я здесь вижу примерно то же, что и в первом ломбарде в Вологде, цели схожие. Это – гражданское равноправие обездоленных и бесправных слоёв, повышение образования рабочих, создание учреждений, которые защищали бы юридические права людей труда. Устойчивое общество не может существовать на угнетении и ограблении. Но антагонизма между различными слоями общества в «Музее содействия Труд» никто не пропагандировал, процесс шёл с двух сторон. Многие понимали, что разрыв в общественном благосостоянии ведёт к замедлению экономического роста, кризисам, катастрофам.

Чрезвычайно важно, что Музей по инициативе председателя Правления Х.С.Леденцова впервые в России создал систему учреждений по охране труда, пенсионных касс, потребительских обществ, юридической и врачебной помощи рабочим.

- Николай Николаевич, Общество содействия успехам опытных наук венчалось собой все усилия Христофора Семёновича, направленные на положительные изменения в стране.

Ваше мнение об Обществе?

- Ответить можно разве что книгой, посвящённой Обществу, – обширная тема. Прав был академик Иван Петрович Павлов, когда называл Общество «небывалым фактором русской жизни». Кроме учёных, в него входили крупные промышленники, государственные деятели, предприниматели. Как всякий нормальный профессионал, Христофор Семёнович никогда не делал всё сам, но консолидировал мнения лучших умов, чтобы создать эффективный механизм. За четыре года Общество увеличило капитал до 700 тысяч долларов, в нынешних деньгах – это около миллиарда.

После запуска первого спутника в СССР все западные страны начали копировать советский опыт, который стал мировым. Нужно понимать, что советский опыт – это не есть опыт людей, присланных к нам откуда-то. Это опыт мировой, успешный, в том числе и Леденцовского Общества, без него не было бы взлёта советской науки. Пора уже быть прагматиками, использовать лучшее, что было в истории нашей страны, а всё худшее – минимизировать.

- Что Вы думаете об увековечивании памяти Х.С.Леденцова, предпринятое в минувшем десятилетии?

- Я активно поддерживал всё мероприятия: выступал с докладами, помогал литературой, консультациями, приезжал на Международную конференцию в Вологду. В 2021 году учреждена Премия им.Х.С.Леденцова, меня пригласили в Экспертный совет – дело доброе. Думаю, значение Премии необходимо расширить и включить в неё воссоздание Общества. Это было бы лучшей мерой по увековечиванию памяти великого русского мецената. Очевидно, что стране нужна экономика внутренних инвестиций, а не «либеральный рынок».

Благодарю, уважаемый Николай Николаевич, за беседу.

**БЕРЛИН-ВОЛОГДА,
май-июль 2021 г.**

Памятные даты

К 100-летию Орлова

Учила жизнь сама меня.
Она сказала мне, —
Когда в огне была броня
И я горел в огне, —
Держись, сказала мне она,
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу...
(С. Орлов)

Леонид ВЕРЕСОВ

ОПАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

ТВОРЧЕСКИЙ (ПРИЖИЗНЕННЫЙ) ПОРТРЕТ ПОЭТА С. С. ОРЛОВА ПО ПЕРЕДАЧЕ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ 1973 ГОДА

Телевидение появилось на Вологодчине в 1959 году, когда Череповецкий металлургический завод построил и оборудовал телецентр с павильоном в 200 кв. метров. С 1 января 1964 года вологжане получили возможность смотреть первую программу центрального телевидения. Таким образом, до и после подчинения в 1971 году комитету по телевидению и радиовещанию Вологодского облисполкома,

Череповецкое телевидение играло роль областного. Череповецкая студия телевидения собственными силами готовила ряд областных программ, в том числе и о культурной жизни региона. На эти литературно - художественные передачи приглашались поэты, писатели, художники, артисты, учёные и другие представители творческой интеллигенции. Так, например, программу «Северяне» готовил как редактор, работавший на телевидении поэт Леонид Беляев, и, конечно, он представил в ней многих своих друзей из вологодского отделения СП РСФСР. А вот некоторые названия передач по культуре: «Экран молодёжный», телеальманах «Северяне», «Пять минут поэзии», «Литературный дневник», кстати, последнюю названную передачу готовил и вёл в 90 е годы литературный критик Василий Оботуров. Телевизионщики как могли, в меру отпущенного им эфирного времени, откликались на культурные собы-

тия в области.

Большей частью передачи велись в прямом эфире, и запись их на плёнку не практиковалась. Впрочем, к счастью, существовали и исключения, но большей частью снятый на киноплёнку материал размагничивался, а сама плёнка отправлялась на сжигание для извлечения из неё серебра. Большой удачей является сейчас обнаружение подлинных кадров хроники нашей творческой элиты того времени. В архиве сохранились только тексты этих незабываемых передач.

Это зачастую рабочие материалы студии с подчистками, исправлениями, ошибками, но они дают определённое представление о происходившем на экране. Все выступления на телевидении писались заранее, импровизация почти не допускалась, тексты утверждались в цензурном порядке на высоком уровне. На каждом листе документов передач стоит штамп и подпись уполномоченного Горлита (местные цензурные организации Управления по охране государственных тайн в печати носили такое название Л.В) о том, что данный текст разрешён к эфиру. Даже стихи, которые читали поэты, должны были быть утверждены, поэтому в Череповецком архиве сохранились произведения Яшина, Орлова, Рубцова, Коротаева, Чулкова, Чухина, Астафьева, Романова, Викулова и других поэтов, писателей, иногда в редких редакциях. Они являются ценным источниковедческим материалом.

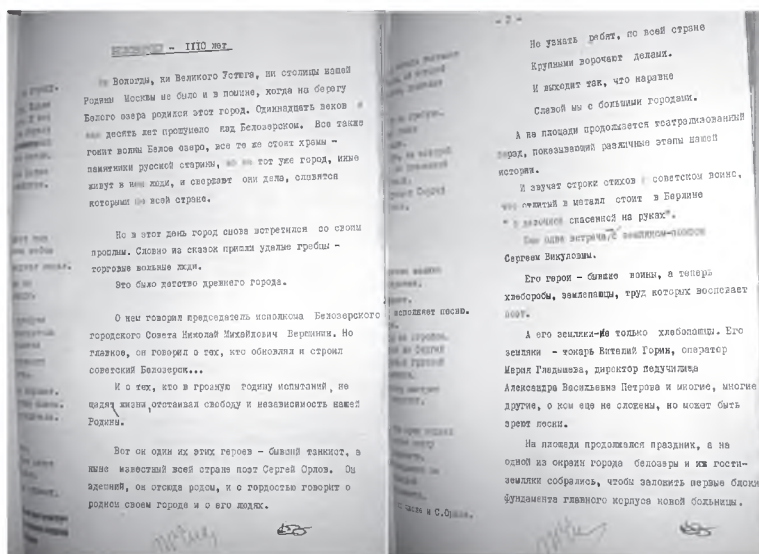
Необходимо сказать, что были и персональные передачи, посвященные творческим людям области. Так, в Череповецком центре хранения документации сохранились сведения о творческих вечерах поэтов Ольги Фокиной, Бориса Чулкова, Василия Белова, Сергея Викулова, Александра Романова. Иногда на студии телевидения практиковалась и такая форма общения со зрителем как творческий портрет. Вот именно о ней и пойдёт речь, в отношении поэта С. С. Орлова в нашем материале. Интересен этот творческий портрет поэта тем, что он прижизненный, 1973 года. Но наивно было бы искать в передаче каких – то откровений из жизни и творчества Сергея Орлова. Это, скорее всего, парадный портрет выдающегося человека, поэта, общественного деятеля. Причём он носит все приметы своего времени, может быть, именно этим и интересен в первую очередь. В приложении к работе будет опубликован текст передачи, и читатель может сам судить о её качестве: наше дело попытаться сделать анализ этого документа с позиций историка литературы. Итак, передача «Поход продолжается. Творческий портрет поэта С. Орлова» и она, видимо, была сюжетом телевизионного альманаха «Северяне», популярного в те годы. Сохранился текст телепередачи который готовил целый авторский коллектив, на 20 страницах. Режиссёр Ю. Савина, редактор А. Вальков, звукорежиссёр Н. Колесникова, художник Е. Волнухин, операторы В. Колесников, В. Кочегаров, диктор передачи Юрий Иванов (ушёл из жизни в 2021 году). Как это обычно делалось в проекте (материале) будущей передачи слева писались титры, т. е. видеоряд, который должен увидеть зритель

по телевизору: фотографии, автографы стихов, страницы сборников поэта, используемые документальные кадры кинохроники, кадры из художественных фильмов, телеинтервью С. С. Орлова и т. д. то, что должно было быть использовано в сюжете передачи и показывалось, согласно утверждённому плану наездами телекамеры. А диктор в это время читал текст, который располагался справа на подготовительных листах и только иногда он попадал в кадр для телезрителей, что контролировалось режиссером и было чётко прописано для него редактором передачи. Задача редактора была синхронизировать текст и видеокадры, режиссёр указывал, куда, на кого, на какой предмет наезжает камера и какая камера. Тут многое зависело от умения и квалификации телеоператоров, особенно если передача шла в прямом эфире, от правильно поставленного света, громкости звука, обаяния дикторского голоса, в конце концов, от самого текста передачи. Не допускалось отсебятины, всё должно было быть подогнано – расписано по секундам. Каждый участник телепередачи должен был знать «свой маневр». Сам текст передачи о поэте С. С. Орлове подготовил Ю. Русаков (по адресу – москвич), который получил за свои труды гонорар 60 рублей, а гости студии чтецы, которые исполняли стихи Сергея Орлова в кадре и за кадром, получили по 7 рублей творческого гонорара. (Череповецкий центр хранения документации. Ф. 917, оп. 1, ед. хр.438, стр. 113 – 132).

В творческом портрете поэта использовались также кадры художественного фильма «Жаворонок», одним из авторов сценария которого вместе с поэтом Михаилом Дудиным был Сергей Орлов. А ещё в телепрограмму вошли кадры кинохроники 1972 года, когда на празднование 1110 годовщины со дня основания Белозерска в свой родной город приехали Сергей Орлов и Сергей Викулов. Отрывки этой заснятой на киноплёнку хроники вошли в передачу о Сергее Орлове. В приложении будут опубликованы дикторский текст этой немой киноплёнки и все технические моменты подготовки и съёмки празднования дня города 1972 года (Череповецкий центр хранения документации, ф. 917, оп.1, ед. хр. 397, стр.158 – 160).

Что ещё показалось интересным в творческом портрете С. С. Орлова, созданном при его жизни на череповецкой студии телевидения? Не будем говорить о широко известных фактах его биографии, они просто повторялись для простых телезрителей, которые вполне могли о них и не знать... Но вот обратил на себя внимание раздел, где декламируются чтецами стихи Сергея Орлова о Ленине, партии, революции. Сейчас их стараются замолчать, как будто их и не было в творчестве Орлова. Но нет, у секретаря Союза писателей РСФСР, члена комиссии по Государственным и Ленинским премиям их было предостаточно, и они сейчас воспринимаются как произведения ушедшей советской эпохи.

Революция, мы - твой праздник,

Твой высокий, твой горный свет.
Сколько нас, сосчитаешь разве,
Есть и было в просторах лет.

Ленин – правда наша и сила
На планете нашей тернистой.
Без него не понять Россию,
А без нас его не осмыслить.

В телепередаче о творческом пути Сергея Орлова, на многое обращено внимание. Отмечено его лирическое дарование, гражданская позиция в стихах, много говорится о произведениях посвященных Великой Отечественной войне. Тут Орлов, сам воевавший, выступает как мастер поэтического слова и солдат, знающий, о чём пишет. В передаче особо подчёркивается связь С. С. Орлова с вологодской литературой, его дружба со многими земляками – литераторами. Конечно, много рассказывается о его работе в Союзе писателей РСФСР, других его общественных обязанностях. Это довольно полный, развёрнутый портрет поэта. Об этом желающие прочитают в документе. Однако красной линией через всю передачу, через всё его творчество проходит любовь Сергея Орлова к России, к местам, где он родился и вырос, где начал писать и публиковать свои первые стихи:

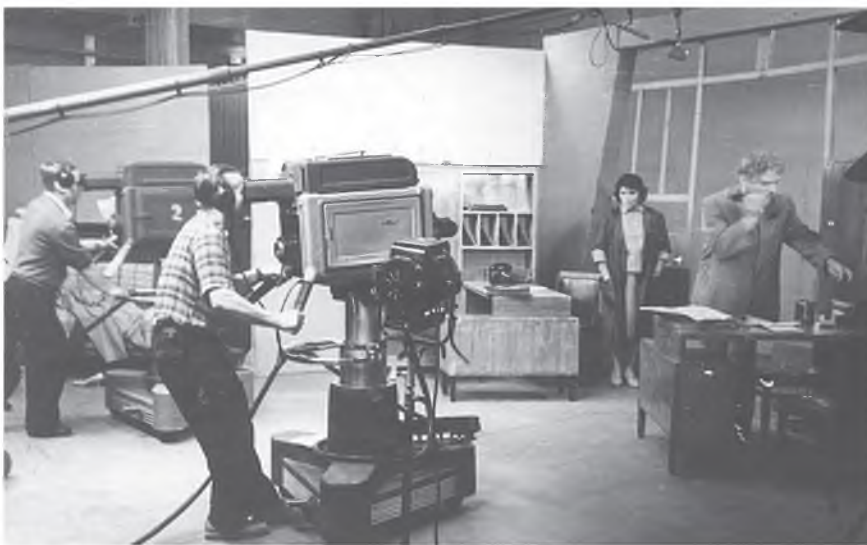
Россия – Родина моя,
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, слово сына.

Сергей Орлов находит необычные слова, сравнения в стихах о родном Белозерье:

Как гул молитвы староверской
Сердца щемит глухой тоской...
О край дремучий белозерский,
Старинный, озерный, лесной.

А теперь процитируем слова из телепередачи: «Поэт продолжает бывать в родных местах. В прошлом году (1972 Л.В) он был на праздновании 1110 летия города Белозерска. С чувством сыновней любви к городу с гордостью говорил он мне о Белозерске (автору текста творческого портрета Юрию Русанову Л.В) :«Белозерцы были люди особой психологии. Никогда они не были под игом врага, они были свободолюбивы и смелы...» Вологодские сюжеты постоянно находят своё отражение в поэзии Сергея Орлова. Раздел готовящегося к изданию сборника «Верность» назван «Белое озеро».

Итак, ещё несколько слов о документальной хронике празднования 1110 ле-

тия Белозерска в 1972 году. Гостями на дне города были поэты – земляки Сергей Видулов и Сергей Орлов. Автором сценария документального сюжета стал А. Вальков, съёмки В. Трошичева, монтаж Г. Гуслякова. Этот отрывок кинохроники сохранился как документальный фильм, правда, без звука, но как документ мы имеем дикторский текст, который читался во время демонстрации сюжета по телевидению, и при современных возможностях можно совместить изображение и звук и получить полноценную, уже историческую, раритетную запись 1972

года, тем более, что эту кинохронику Белозерский краеведческий музей получил в подарок. Завершая этот эпизод с документальной кинохроникой, необходимо добавить, что в газете «Красный Север» от 11 июля 1972 года был опубликован материал А. Дийкова «На берегу Белого озера» повествующий о праздновании 1110-летия Белозерска. «Под долго не смолкающие аплодисменты ведущий предоставил слово поэту С. С. Орлову. Полемизируя с теми, кто считает родной город маленьким, незначительным, поэт прочитал стихами:

Наши земляки крупными ворочают делами,
И выходит так, что славой наравне
Мы с крупными, большими городами».

А закончим наш материал словами из передачи «Поход продолжается. Творческий портрет поэта С. Орлова»: «Вот и подходит к концу наш рассказ о С. С. Орлове, хорошем русском поэте. В разговоре он нетороплив, выговор вологодский. Но чувствуется большая внутренняя культура, большой литературный и государственный диапазон, и при всём этом осталась чистая привязанность к родным местам, без которой большой поэт немыслим. Родные истоки всегда придают поэзии живительную силу».

К 80-летию Вилиора Иванова

Алена КРЫМОВА

В ПРОШЛОМ Я ИЛЬ СОВРЕМЕНЕН?

Бабаево - тихий городок. Чем же славится Бабаево в литературных кругах Вологодчины сегодня, и чем оно славилось в прошлом? Как судьба забросила сюда великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова, чье общение с бабаевскими поэтами Н.Матвеевым, В. Ивановым и другими не прошло бесследно. Мы говорим о пребывании Николая Рубцова в Бабаеве и тут же вспоминаем Вилиора Иванова; мы вспоминаем творчество Вилиора Иванова, и перед нами встаёт образ Николая Рубцова. Попал ли Вилиор Иванов под влияние рубцовой поэзии, или всё-таки он был самостоятельным, сильным поэтом того времени, обо всём этом стоит подискутировать. Да, это довольно хорошая тема для исследовательской работы, но сегодня мы поговорим о другом, ответим себе на вопрос, поставленный самим Вилиором Ивановым в его далёкие юные годы, в те дни, когда шло становление молодого поэта. В одном из своих стихотворений поэт пишет: ...В прошлом я иль современен?

Данный вопрос сегодня я ставлю перед собой и перед читателем. Попробую на него ответить.

Начну с того, насколько популярны его произведения, стихи и поэмы? Какое внимание уделяется имени и творческому наследию поэта Вилиора Иванова на его малой родине? Знают ли имя поэта за пределами района, области?

Прошло уже много лет с того дня, как в августе 2005 года, Вилиор Иванов упокоился в родимой земле, неподалёку от деревеньки Афанасово Бабаевского района.

2021 год является юбилейным, 85 годом со Дня рождения Николая Михайловича Рубцова, но также он отмечен 80-летием со Дня рождения Вилиора Андреевича Иванова. Можно с уверенностью сказать, что интерес к творчеству бабаевского поэта Вилиора Иванова только растёт, как и растёт круг почитателей его таланта. Благодаря современным технологиям, социальным сетям и интернетплощадкам, отзывы читателей поэзии Вилиора Андреевича мы получаем из разных уголков нашей необъятной Родины. Кто-то из поклонников творчества поэта мечтает посетить наши края, а кто-то уже побывал здесь и неоднократно.

Композитор Борис Петрович Лелюк, проживающий на сегодняшний день в посёлке Кадуи Вологодской области, сложил множество песен на стихи Вилиора Андреевича, а начался этот удивительный процесс ещё при жизни поэта, после знакомства двух талантливых, творческих людей. Звучат стихи Вилиора Иванова и в песнях под аккомпанемент гитары Николая Григорьевича Гринёва, самобытного бабаевского автора-исполнителя.

В 2018 году земляки, исследователи и поклонники творчества бабаевского поэта Вилиора Иванова приняли участие в одном из вечеров посвящённых творчеству Николая Михайловича Рубцова, организованного Рубцовским Центром города С-Петербурга, проходивших в библиотеке им. Николая Рубцова по адресу: С-Петербург, ул. Шотмана д.7

Тогда, в ходе встречи имя, бабаевского поэта - Вилиора Андреевича Иванова, зазвучало с новой силой и вышло за пределы Вологодской области, его поэзией заинтересовался более широкий круг читателей, появились новые поклонники и исследователи его творчества. Стоит отметить, что поэзия Вилиора Иванова вдохновляет на творчество не только композиторов и исполнителей авторской песни, но и скульпторов, художников и профессиональных актёров, декламирующих в эти дни произведения нашего поэта-земляка. Сейчас я говорю о скульпторе Рафаэле Максудове, в настоящее время работающем над портретом поэта, и талантливом актёре театра г. С-Пб. «Русская антреприза» Михаиле Леонидовиче Драгунове, мастерски представившем стихи Вилиора Андреевича в видеороликах в соцсети ВК, в своём выступлении 21 июня 2021 года в Вологодской областной универсальной библиотеке и на официальных мероприятиях, организованных Вологодским землячеством, проходивших в С-Петербурге, а также на ежегодном фестивале «Рубцовская осень» в Вологде и других творческих встречах.

Последние пять лет бабаевцами ведётся довольно большая работа по сохранению и популяризации творческого наследия поэта. Организовано и проведено несколько выездных экспедиций в деревеньку Афанасово Бабаевского района, в разрушающийся домик, туда, где жил последние годы и закончил свой жизненный путь наш земляк, поэт Вилиор Андреевич Иванов. По результатам выездных экспедиций спасена часть архива, рукописи и многолетняя переписка поэта с друзьями, литераторами, поэтами, рубцоведами, его личные вещи, предметы мебели и быта, которые в дальнейшем станут экспонатами музея имени Вилиора Иванова. Надеемся, что нашим планам суждено сбыться и поставленные цели будут достигнуты. Одна из общественных некоммерческих организаций, в перечне деятельности которой, согласно Уставу, ведётся культурно просветительская работа, своим решением от 11 сентября 2020 года создала Центр сохранения и популяризации поэтического наследия Вилиора Андреевича Иванова. В настоящее время разработана и выдвинута инициатива по увековечиванию памяти поэта путём установки мемориальной доски на доме в котором, долгое время проживал поэт Вилиор Иванов, именно там, в квартире №2 по адресу: г. Бабаево улица Гайдара дом 1, согласно воспоминаниям супруги Вилиора Иванова, в 1968 году в последний свой визит в Бабаево побывал Николай Михайлович Рубцов, а также останавливались в той квартире на ночлег и проводили творческое общение друзья – поэты Вилиора Иванова, - Сергей Чухин и другие гости из областной столицы, посетившие Бабаево с целью проведения литературных встреч и семинаров, проходивших в районном Доме культуры.

В текущем году благодаря работе Центра Вилиора Иванова проведена презентация книги В.И.Лукошникова, посвящённой жизни и творчеству Вилиора Иванова под названием «Он умел слушать жизнь». Имя автора данной книги не нуждается в представлении: В. И. Лукошников неоднократно печатался на страницах журнала «Автограф» со статьями, посвящёнными пребыванию Н.Рубцова в Бабаево, его дружбе и общению с бабаевскими поэтами.

К юбилейной дате - 80 лет со Дня рождения поэта Вилиора Иванова -библиотечная система Бабаевского района совместно с отделом культуры и Культурно -

досуговым Центром подготовила и провела праздничный концерт в ходе которого были презентованы новая книга «ВИЛИОР», представляющая собой сборник стихотворений поэта, открыт сайт, посвященный его биографии и творчеству.

Впереди большая работа по сохранению памяти о поэте, продвижению творческого наследия, новые исследования. Здесь нельзя не сказать о людях, открывающих имя поэта широкому кругу читателей. Леонид Николаевич Вересов, зам. председателя Вологодского Союза писателей-краеведов, рубцововед, член Союза писателей России, автор книги «Из души живые звуки», одну из её глав посвятил истории творческого общения поэтов Николая Рубцова и Вилиора Иванова. В данной книге представлен богатейший материал, отражающий биографические и творческие страницы жизни бабаевского поэта.

Первая публикация о Вилиоре Иванове, вышедшая в печать за пределами нашего региона, состоялась в 2017 г. в одном из выпусков международного литературно-художественного альманаха «Петербургские строфы». Благодаря автору статьи Любови Петровне Федуновой, поэту, публицисту, члену Союза писателей России, руководителю Рубцовского центра С-Пб., имя Вилиора Иванова узнал более широкий круг читателей, а талант поэта прославил малоизвестный провинциальный городок Бабаево, Вологодской области. Немного позже в книге под названием «Все земные святыни и узы», её автор Л.П.Федунова представила вниманию читателей содержательную, исследовательскую статью о Вилиоре Андреевиче Иванове, показав глубоко, поэтическое мастерство и высокую ценность его литературного слова.

В завершении скажу, что поэзия Вилиора Иванова не в прошлом: она продолжает волновать читателей, современников и соотечественников, его слово живёт, более того, оно, зажигает сердца. Вдохновляет на новые творческие свершения и добрые дела!

Любовь ФЕДУНОВА

**(К юбилею поэта Вилиора Иванова)
НАД СТРОКОЙ ВИЛИОРА ИВАНОВА**

Он чувствовал время,
Был сыном эпохи.
Стихов его семя -
Не «ахи» и «охи» :
Россия крестьянская
Строчкою дышит,
Беда лихоманская
Воздух колышет:
--Где Русь затерялась ?
— Где пашня весенняя?
_ Что в мире осталось
И стало спасением
Души православной
От хладного золота?
В России державной,
С серпами и молотом ?
Ильич - в его имени,
А в сердце - народ,

И стих - не под схиною —
Движенье вперёд:
— России грядущее -
То явь или сон ?..
В стихах его - лучшее,
Чем мир был спасён !
22.04.2021 г.

БАБА ЯГА

ПОВЕСТЬ (ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ)

Дорога убегала среди полей и перелесков, мимо небольших сёл и деревень, заметно забирая всё севернее. Август выдался жарким, и яркое солнце, и причудливые кучевые облака сулили хороший день.

Кирилл бросил взгляд в зеркало на жену и дочь. Дочка спала, её белобрысые кудряшки прилипли к вспотевшему лбу, губы чуть приоткрылись. Мария сидела, напряженно всматриваясь в окно. Она категорически отказывалась ехать и сейчас не собиралась скрывать своё недовольство.

Кирилл зевнул. В любом случае, отдых на природе пойдет всем на пользу. Может, ему даже удастся порыбачить, в лес сходить. Как когда-то в детстве...

Свернули с федеральной трассы. Асфальт сразу стал хуже, скорость упала. На дорожных знаках начали появляться предупреждения о звериных переходах. Встречные машины попадались всё реже, темная ольха обступала всё плотнее. Ещё через несколько километров пара крупных чёрных птиц нехотя взлетела с дорожного полотна. Лесные вороны дружно поднялись над лесом и скрылись.

Снова поворот. Асфальт сменила плотно сбита грунтовка. Дорога вынырнула из перелеска на поле. Почти у самого поворота стоял «Жигуль» с задраным капотом. Шофёрская солидарность и просто желание пообщаться заставили Кирилла остановиться.

Хозяин машины, по пояс скрывшийся под капотом, выпрямился. На вид ему было за шестьдесят. Волосы укрывала бандана, сидящие усы подстрижены подковой. Кирилл протянул руку, мужчина торопливо вытер ладони ветошью, ответил на пожатие.

– Помочь чем, отец?

– Да чем ты мне поможешь? – Пенсионер выразительно окинул взглядом чёрный джип Кирилла.

– Ну, я тоже жизни нюхнул! Чего стряслось-то?

– Так вот не пойму! Вроде хорошо ехали, и вдруг заглохла!

– Бензин-то есть?

– Сам заливал утром десять литров. Говорю – всё нормально было! Я эту машину за столько лет изучил от и до!

– Может, свечи?

– Ну, посмотри, если не спешишь, вдруг и увидишь чего.

Кирилл заглянул под капот. Машина, и правда, выглядела ухоженно. Для успокоения души он посмотрел высоковольтники, проверил свечи, клеммы аккумулятора.

– А что, отец, попробуй, заведи.

Мужчина сел за руль, стартер крутанулся и мотор мягко заработал. Хозяин машины удивлённо развел руками, ещё раз заглушил и завёл автомобиль. Всё в по-

рядке. Он вылез из машины, медленно закрыл капот, помолчал, смотря на Кирилла.

– А ты не в Десялевуку направился?

– Ага. Правильно едем?

– Правильно. Эта дорога только туда и ведёт. Местный, или подсказал кто?

– А что? – Кирилл улыбнулся.

– Нет, ничего... В лес пойдёшь, возьми с собой любую безделицу, которую отдать не жаль.

– Зачем?

– Там поймёшь, – мужчина обернулся в сторону, крикнул: – Наташ, садись в машину, поехали!.. Моя жена, – кивнул он на подходящую женщину. – После болезни ослепла, два года ничего сделать не могли. Вот, считай, только видеть снова начала...

– Ну, счастливо, отец! – помахал он вслед отъезжающим «Жигулям»

Мария недовольно поджала губы.

– И чего было так долго трепаться?

– А чего и не поговорить с хорошими людьми? – улыбнулся Кирилл. – Скоро уже приедем.

– Куда мы едем?! К какой такой «бабке»?! Чтобы я позволила опыты над дочкой проводить?! С ума посходили, в суеверие ударились! Едем обратно!

– Не кипятись! Всё будет хорошо. Не понравится – развернёмся и уедем. А мне даже просто любопытно. Надо же, в наше время и – колдунья! Тебе не интересно разве?

– Нет! Шарлатанка какая-нибудь за деньги попритворяется, глаза позакатывает, а толку – ноль.

– Ну и пусть будет шарлатанка, но ведь интересно!

Дорога взбежала на горку, и стала видна внизу речка, а за ней, почти на краю леса, деревенька в несколько домов, укрытых тенью рослых берёз. Машина аккуратно проехала по бревенчатому мосту и оказалась на единственной улице.

Почти у самого края деревни стоял колодец со старомодным «журавлём». Кирилл остановил автомобиль, осмотрелся.

– Ну вот, кажется, приехали...

Дочка проснулась, зевнула. Мария протянула ей бутылку с водой, но ребёнок даже не посмотрел на неё.

– Гулять!

Девочка выбралась из машины и побежала к колодцу. Тут же и Кирилл оказался рядом. Мария так и осталась следить за ними из автомобиля. Настя потрогала потемневшее дерево руками и принялась рассматривать «журавль».

От одного из домов показалась немолодая уже женщина с ведрами и, не торопясь, направилась к колодцу.

– Здравствуйте! – издали ещё поздоровался Кирилл.

– И вам не хворать!

Женщина подошла, поставила ведра, рассмотрела приезжих. Потом молча опустила ведро в колодец и принялась выбирать верёвку обратно.

– Давайте помогу, – улыбнулся Кирилл.

– Ну, помоги, сынок.

Кирилл наполнил оба ведра чистой ледяной водой, подхватил их.

– Куда нести?

В серых прищуренных глазах женщины мелькнула усмешка, она развернулась

и пошла к своему дому. Кирилл послушно пошёл следом, дочка не отставала.

– Вот здесь поставь, – указала женщина место в сенях.

Кирилл опустил ведра, помолчал, осмотрелся. Женщина терпеливо ждала.

– Это ведь Делялевка?

– Делялевка, милый.

– Нам бы Катерину Степановну увидеть. Можно?

– А зачем она вам? – женщина наклонила голову набок, внимательно посмотрела в глаза Кириллу. Тот выдержал взгляд.

– Дочку надо полечить.

– А что с ней?

Кирилл вздохнул. Легче спросить, чем ответить. Он оглянулся на девочку. Та спокойно перебирала яблоки, сложенные на подоконнике большого окна веранды, стараясь сложить их строго по размеру. Женщина тоже некоторое время смотрела на нее.

– Ну что же, приехали так приехали. Пойдёмте, я вас пока в дом отведу, а там видно будет.

– А Катерина Степановна – это вы? – спросил Кирилл.

– Ещё чего! Конечно, нет! Вас кто надоумил сюда ехать-то?

– Её бабушка, – кивнул головой на дочь Кирилл. – А уж её кто надоумил, я не ведаю!

Женщина подошла к девочке, наклонилась к ней.

– Тебя как зовут, красавица?

Ребёнок, увлечённый своей игрой, даже не оглянулся. Кирилл подошел:

– Настёна, нам пора!

Оставалось ещё три яблока. Они никак не хотели вставать в ряд. Одно поставишь – соседнее падает, его поднимешь – первое некуда класть. Кирилл перевернул лежащий недалеко деревянный ящик и пододвинул к окну. Теперь все яблоки были уложены, и девочка молча направилась к дверям. Женщина посмотрела на Кирилла, покачала головой.

– Меня зовут баба Аня.

– Ну какая уж «баба»?! – улыбнулся Кирилл. – А по отчеству как?

– Михайловна.

– Анна Михайловна! Меня зовут Кирилл.

Женщина кивнула.

– Хорошо, пошли.

Выйдя на улицу, они прошли немного по тропинке к одному из домов. Кирилл обернулся – жена всё так же сидела в машине, хмуро глядя на него. Баба Аня открыла незапертое крыльцо, провела по короткому коридору, распахнула дверь.

Внутри изба делилась на две комнаты. В одной был стол, лавки, два шкафа, а в другой – комод, да две кровати. Окна украшали лёгкие занавески, всё было чисто, уютно. Большую часть первой комнаты занимала русская печь.

– Кухня здесь. Воды принесёшь, газ есть. Туалет на сарае, покажу. Поживёте пока. Продукты-то есть?

– А сколько жить придется? – спросил Кирилл.

– Не знаю, не мне решать. Если надо чего – говори, моих запасов надолго хватит. Мне-то одной много ли надо. Картошечки подкопаем, моркови, зелени нарвем. Хлеб я сама пеку. Молоко своё, яйца...

Кирилл улыбнулся женщине, посмотрел на дочь, обошедшую комнаты и усев-

шуюся на лавку с найденной где-то самодельной тряпичной куклой.

– Вы не переживайте, Анна Михайловна, я за всё заплачу.

– Конечно, кто бы сомневался. Заплатишь.

Кирилл бросил быстрый взгляд на старушку, ища подвох, но серые глаза в обрамлении добрых морщин смотрели спокойно и просто. Женщина покачала головой:

– Жена твоя в машине-то? Зови, пусть хозяйством займётся.

– А когда я увижу Катерину Степановну, Анна Михайловна? Можно с ней встретиться?

– А это она сама решит, когда с вами встречаться. Куда торопишься?

– Я не тороплюсь...

– Вот и ладно! – женщина направилась к дверям, давая понять, что больше говорить не о чем.

Кирилл вышел следом. Баба Аня вернулась в свой дом. Кирилл заскочил в джип, быстро перегнал его под окна нового жилья, заглушил мотор.

– Ну, выходи, поживём здесь пару дней, – повернулся он к жене. Та продолжала смотреть в окно. – Выходи, выходи, Настёна уже освоилась.

Мария поморщилась, но начала собираться.

– Если что, я в огороде вкалывать не собираюсь! И кухарить тут в твоё удовольствие тоже не стану, сам выкручивайся!

Они зашли в дом. Мария обошла квартиру, провела пальцем по шкафу, брезгливо отряхнула руки, зашла на кухню.

– И сколько мы здесь ютиться будем? Не хватало ещё какую-нибудь заразу подхватить! Туалет где? На улице?!

– На сарае. Привыкнешь, ничего страшного. И сама попробуй отдохнуть. Без подруг, без шопинга, без интернета. Несколько дней пойдут тебе на пользу. Смотри, природа какая!

– Сумасшедший дом! Природа...

Настя удобно устроилась между комодом и печкой, разложив свои игрушки по однажды заведённому порядку: мишка справа, кубик слева, впереди вышитая думка. С удивлением Кирилл увидел, что и новой кукле нашлось место – она лежала чуть сзади, и девочка иногда трогала её рукой, словно проверяя, на месте ли та.

– К Насте нашей ходят гости,

Носят пряники, конфеты,

Угощают всех друзей...

Кирилл подал дочке карамельку, подождал, пока та обратит на неё внимание, а сам потихоньку взял куклу, чтоб рассмотреть поближе. Девочка настороженно следила за его рукой и уже потянула за подол цветастого платья игрушку обратно. Кукла была примитивной, сшитой из тряпочек, набитая ватой, без лица. Ткань была явно новая, не застиранная ещё.

– Куклы кушают конфеты,

Веселятся и поют...

Игрушка была уложена на прежнее место, проверена на ощупь рукой. Кирилл огляделся ещё раз – в комнатах было уютно и тепло, но дом, видимо, предназначался для таких вот приезжих, как они. Может, та семейная пара как раз выехала отсюда.

– Что, даже телевизора нет? – возмущалась Мария, – А чем я тут буду заниматься целыми днями?

– Загорай, гуляй.

– Гулять я прекрасно могла бы и дома! – донеслось Кириллу в спину, когда он

выходил на улицу.

Мужчина остановился на крыльце и внимательно огляделся. Было на удивление тихо, ни от одного из домов не слышно людских голосов. Хотя все строения выглядели добротно, ухоженно, и трава вокруг выкошена. Наверное, на выходные в деревню приезжают дачники. Вон у яблонь ветки, отяжелевшие от плодов, заботливо подперты рогатинами.

Недалеко от дома в чащу убегала плотно сбитая тропинка. Надо будет за грибами-то наведаться...

Интересно, а где же живет сама знахарка? Какая она? Может, пожилая, как и баба Аня, в такой же длинной юбке, с передником, в тёплой кофте и платке, завязанном сзади...

Кирилл спустился с крыльца, обошел дом. У ворот сарая кучей были свалены чурбаки. Подошла баба Аня, постояла некоторое время, смотря, как Кирилл основательно разбивает чурбаки на небольшие поленья.

– Хорошо у тебя получается, – сказала, наконец, женщина. – Где это ты научился так дрова колоть?

– Так я же архангельский, деревенский, – улыбнулся Кирилл, смахнул испарину со лба. – Вы, Анна Михайловна, говорите, если чего сделать надо, я многое умею.

– Ну ладно, ладно... Ты вот чего, пойдём-ка со мной, я кой-что из продуктов тебе дам, пообедаете.

Кирилл оставил работу, пошёл следом за женщиной. Обстановка у неё в доме немногим отличалась от их временного жилья – та же простая мебель, чистота и деревенский уют. На стенах в деревянных рамках висели фотографии, некоторые уже поцветшие, какие-то более современные. Печь дышала теплом, отгороженная занавесками кухня дразнила ароматами. Баба Аня подала готовую уже корзинку: пироги, банка молока, кастрюля каши.

– Вот спасибо!

– На здоровье. Иди, пока каша горячая, накормишь дочь да жену и сам поешь.

В доме всё было по-прежнему: вещи лежали там, где брошены, Мария болтала по телефону, видимо, с одной из подруг. Настя сидела в своей пряталке, тихо напевая: «и поют...и поют...»

Кирилл выложил из корзины пироги, нашел тарелку, наложил себе каши и по-хозяйски уселся за стол. Каша была сытная, вкусная, маслянистая. С аппетитом поел, сполоснул посуду, наложил новую порцию в любимую мисочку Насти и направился к ней.

– Кукла Маша хочет каши! – он осторожно потянул новую игрушку к столу, увлекая за собой дочь.

– Тата!

– Что ?

– Тата!

– Ну, Тата, так Тата...

Настя внимательно осмотрела тарелку, ложку и принялась кушать, поглядывая на куклу.

– За дочерью пригляди, – сказал Кирилл жене, и вышел из квартиры.

В сених задержалось тепло летнего дня. Кирилл спустился с крыльца, по жалобно скрипнувшей ступеньке, осмотрелся. Вечерело. Лес шумел невдалеке низким протяжным гулом. Ну, ничего, завтра с утра пораньше за грибочками...

Пока Кирилл возился с машиной, появились первые звёздочки. В окне бабы

Ани зажёгся свет. Было слышно, как старушка брякает вёдрами, обряжая скотину, прикрикивает на неё. Заскулила собака, взлаяла коротко и опять стихла. Протяжно и немного грустно промычала корова. Подзабытые уже звуки простой деревенской жизни успокаивали душу, вселяя чувство сопричастности со всей природой. Отгоняя назойливого комара, Кирилл с наслаждением вслушивался в стрекот припозднившихся сверчков и утихающий вместе с ветром шум близкого леса.

В доме Мария совершала вечерний ритуал укладывания дочери спать: прибрать игрушки так, чтоб они были видны из кровати, вымыть ручки, переодеться в пижаму.

– Иди, читай сказку! – окликнула жена.

Ничего не сказав, он взял книгу, в которой помнил наизусть все сказки и картинки, прилёг к дочери на край стоящей у окна кровати.

– Давным-давно в Тридевятом царстве, в Тридесятом государстве жил да был один король...

Настя прикрыла глаза, положила ладошку под щёку и затихла, но Кирилл знал, что читать придётся до слов «...и жили они долго и счастливо...», не ошибившись ни на слово. Мария опять принялась терзать по телефону одну из своих подруг, делясь какими-то рецептами и расхаживая по другой комнате. Её голос то приближался, то затихал. Вот она вышла из квартиры, но быстро вернулась, не прекращая разговор, только добавились ещё жалобы на комаров и отсутствие цивилизованных удобств.

Настя лежала тихо, голос матери не мешал ей спать. Кирилл положил книгу на комод, выключил свет и прикрыл дверь в спальню. Поставил на огонь чайник, взял забытый кем-то на одном из буфетов детектив и погрузился в чтение. Ночь быстро накрыла дом темнотой, заглядывая в окна через легкие занавески.

– Давай ложиться спать, – сказал Кирилл жене.

Мария пожала плечом, но всё же принялась переодеваться. Наконец, она с ворчанием улеглась на кровать, и Кирилл смог выключить свет. Осторожно ступая в темноте по незнакомой комнате, он дошел до постели и с удовольствием расслабился. Хотел было обнять Марию, но та сердитым движением сбросила его руку. Кирилл не стал настаивать, устроился поудобнее и без лишних мыслей быстро уснул.

Проснулся рано, и напиться в тишине свежего чая с пирогами было одно удовольствие. Кирилл нашел на сарае небольшую корзину и, засунув за голенище сапога любимый нож, вышел в утро.

Хоть солнце уже и поднялось, воздух всё ещё бодрил влажным холодком с запахами травы и земли. Кирилл еще раз обернулся на спящие дома, посмотрел на солнце, на часы и вступил под сень леса.

Он неторопливо шел, отойдя от тропинки чуть левее, внимательно высматривая грибы среди невысокой подстилки из заячьей капусты и хвои.

Грибов было не очень много. Кирилл остановился, выбрал из корзины упавшие листики и веточки, осмотрелся. Прошло почти два часа. Пожалуй, пора возвращаться. Сориентировавшись по высокому уже солнцу, он повернул ближе к дому. На старом пне дружной компанией сидели опята.

– Вот так удача! – с улыбкой Кирилл срезал хрупкие шляпки, сложил их отдельно в уголок корзины. – А вас мы отварим с приправками! Вкуснота...

– Кргха, гхм, гхар, – раздалось сверху.

Кирилл поднял голову – невысоко над землей, на ветке высохшей от старости березы, сидел ворон. Чуть наклонив голову набок, он внимательно изучал человека, нисколько его не опасаясь.

– Доброе утро, – вполне серьезно сказал Кирилл.

Ворон встряхнулся, чуть разведя крылья, переступил с лапы на лапу, но остался сидеть. Кирилл замер, рассматривая мощный черный клюв, вокруг которого время уже наложило серебряные мазки, густое, отливающее синевой оперение, сильные изогнутые когти. Крупная птица вызывала невольное уважение своей силой и светящимся в бусинах глаз умом.

– Простите, что побеспокоил. Я уже ухожу.

Кирилл, и правда, пошёл, не оглядываясь. Нашел ещё пару белых, проверил их. Чистые, молодые, только вот выросли. Попался куст смородины. Кирилл бросил в рот горсть кисло-сладких красных ягод, сморщился, причмокнул. Да, так приятно было снова окунуться в подзабытый уже покой настоящего леса, который никак не могли заменить ни пляжи тёплых морей, ни городские парки.

Скоро ветер порывом коснулся лица. Кирилл остановился и огляделся. Столько времени идёт, должен уже быть близко к деревне. Глаз зацепился за белый ствол высохшей старой берёзы. Кирилл удивленно нахмурился – та же самая берёза, только ворона уже нет... Неужели круг сделал?

Кирилл поставил корзину на землю, огляделся. Страху не было, а вот удивления хоть отбавляй. Да быть того не может! Никогда чувство направления его не подводило! С самого детства ориентировался, не задумываясь, это было уже в крови. Ну ладно, видимо, леший водит. Что там делать-то полагается в таких случаях?..

Ничего на ум не приходило, но вдруг захотелось разогнать наваждение, и он что было сил свистнул залихватским посвистом. Звук прокатился волной и затих, поглощённый мягкими объятиями леса. Только сзади в траве испуганно шарахнулась какая-то небольшая зверушка.

Кирилл поднял корзину и опять пошёл вперед. Уже девять часов, Мария и Настасья, конечно, проснулись, а его всё нет. Дёрнул же чёрт в лес уйти! Что они без него делать будут?! Кирилл похлопал себя по карманам в поисках мобильного телефона, но его там не оказалось. Вот замечательно - и телефон дома оставил!.. Точно, как под подушку сунул, так там и лежит!

Это надо же так попасть! Скандал Мария закатит обязательно. Но это когда он домой вернётся. А сколько времени ещё пройдет – неизвестно. По карте Кирилл помнил, что леса здесь протяженные, плутать можно не одну неделю, можно уйти вообще в другой район. Выжить-то в лесу не проблема. Ну, сообразят на пару с бабой Аней, что в лес ушел, вызовут спасателей. Вот позор! Спасать бойца войск дяди Васи!..

Откуда-то со стороны наплыл запах крепкой ароматной махорки. Кирилл принюхался, остановился, вглядываясь, но ничего не рассмотрел за густой порослью малины. Решил всё-таки проверить, проломился напрямик через кусты, осмотрелся.

– Потерял чего, мил человек? – раздался рядом тихий старческий голос.

Кирилл невольно вздрогнул, обернулся – на стволе поваленного дерева сидел мужичок.

– А? – только и смог он спросить.

Из-под старого выцветшего картуза с изломанным козырьком, в обрамлении кустистых бровей, на него щурились лукавые глаза. Седая разлапистая борода, закрывая пол-лица, опускалась до самой груди. Потрёпанный, вылинявший местами до белизны ватничек сидел мешковато, скрывая тщедушное тело. Ноги в видавших виды кирзовых сапогах едва доставали до земли. Дед курил трубку, попыхивая сильным дымком, и тоже рассматривал Кирилла.

– Доброе утро, – пришел в себя Кирилл.

– Ну, для меня-то оно доброе, а вот ты как тут оказался, в глуши такой?

– Грибы собирал.

– Грибы, говоришь? Ты чей будешь-то, что-то я тебя не припомню?

– Из Десялевки я.

– Дачник, значит?

– Ну, почти.

– Кхе! – дед усмехнулся, покачал головой, помолчал. – Да ты присядь, милоч, чего стоишь. Набегаешься ещё.

– В каком смысле? – нахмурился Кирилл.

– Вот молодежь пошла! Всё готовое им подай, а самим подумать времени нет, торопятся!..

Кирилл постоял минуту, озадаченно рассматривая деда, потом всё же присел рядом с ним на дерево.

– Куришь? – спросил дед.

Кирилл молча кивнул, достал пачку «Dallas», протянул, угощая. Дед вежливо взял пару сигарет, поблагодарил. Кирилл потряс зажигалку, прикурил, затянулся глубоко и с удовольствием. Дед внимательно смотрел, как тот подносит к сигарете шипящую струю плазмы, как убирает зажигалку в карман. Потом с деланным равнодушием отвернулся, причмокнул трубкой.

Некоторое время посидели молча. Кирилл осторожно поглядывал на старика. Время поджигало.

– Хороший лес, – сказал Кирилл нарочито спокойно.

– Э, да это ты ещё настоящего леса не видал, – отозвался дед протяжно, поведя головой. – Тут, смотри, деревья все молодые, не старше ста лет, это разве лес? Так, подлесок. А вот если дальше зайти, там лет триста лесу, а то и больше – есть на что подивиться! Как в сказке – и мох густой, и зверь настоящий. Там и медведь, и россомаха, и рысь-красавица, а не одни только белки шныряют.

– А вы, дедушка, местный?

– Ага.

– Может, подскажете, в какую сторону мне идти? Жена и дочка волнуются, наверное.

Дед повернулся, посмотрел внимательно на Кирилла, и тот едва не вздрогнул – один глаз у старика был изумрудно-зелёный, а другой прозрачно-голубой. Несмотря на возраст, глаза блестели молодо и смотрели остро. Даже не по себе стало от такого взгляда. Как можно честнее, Кирилл улыбнулся.

– Волнуются, говоришь? Торопишься? А ты, мил человек, грибов вон набрал, а лесу что в благодарность оставил? Хлеба краюху птичкам на пеньке положил хотя бы?

– Нет, дедушка, извините, не научен был. Но теперь умнее буду. А вот вас рад бы за помощь отблагодарить.

Кирилл поискал по карманам, привстал, достал несколько купюр.

– Вот, рассчитаюсь...

Старик фыркнул, покачал головой.

– Нашел, чем удивить!

Неторопливым движением он залез рукой за отворот фуфаечки и достал пачку банкнот, перелистал бережно. Кирилл удивлённо вскинул брови. Были там и доллары, и современные российские рубли. Промелькнул профиль Ленина, надписи на

старорусском, с ятями. И совсем не узнаваемые виды валюты, явно заграничные. На паре купюр даже оказался орёл, держащий в когтях свастику.

– Много вас тут ходит... – проговорил дед, убирая своё сокровище обратно. – И что, по-твоему, мне с этим в лесу делать? Лосей пугать?!

– Ого! – не удержался Кирилл. – Ну не знаю, дедушка, чем и порадовать вас?! Старик опять лукаво усмехнулся, прищурясь, посмотрел на Кирилла.

– Да, леса у нас хорошие, местами и нехоженые! Если на север податься, так и до моря дойдёшь! Не быстро, правда, но ведь можно и зазимовать, если что. Там, однако, кабанов много, а где кабаны, там и волки... А ты, я смотрю, без ружья даже?

– Смотри, дедушка, у меня часы хорошие, заграничные! – улыбнулся Кирилл.

– Мои часы по небу ходят, никогда не отстают. И утром разбудят, и вечером спать уложат. На что мне твои?

Кирилл опять похлопал себя по карманам. Осталась только зажигалка. Отдавать «Теслу» было искренне жаль, но что-то подсказывало, что без помощи этого колоритного аборигена самому до дома добраться будет непросто.

– А вот такая штука у тебя, дед, есть? – Кирилл в азарте перешел на «ты», повертел зажигалку в руке, пару раз щелкнул ею.

– А что в ней особенного? Вещица знакомая, я такие не особо и признаю-то.

– А вот тут ты неправ! – Кирилл рассмеялся. – Я уж не говорю про то, что таких ты и не видел ещё, редкость пока. Она практически вечная, заряжается просто – потряс и пользуйся. Холода не боится, не взорвётся от жары. Поджигает электрической дугой, вон видишь как?! Это не бензиновая, и заправлять не надо.

– Ишь ты! Жалко, поди, отдавать?!

– Почему жалко? Я ведь не выбрасываю просто так, а на память, за знакомство!

Дед протянул руку, и Кирилл вложил зажигалку в маленькую мозолистую ладонь. Старик несколько раз чиркнул ею, потряс, повертел так и эдак. На лице его проступило почти детское удовольствие от новой игрушки.

– Ну ладно, чёрт с тобой! Хорошо тебе тут сидеть, да пора мне делами заняться! А то не переговоришь тебя, ишь, заболтал совсем! Смотри, вон лисичка стоит. За ней – ещё одна. Там – ещё грибок. Вот по ним и иди, да не рви грибы-то, так примечай. Они тебя на тропу выведут, быстро добежишь.

– По грибам идти? – Кирилл с недоверием посмотрел на старика.

Тот с укоризной покачал головой.

– Ну, понятно, в чудеса мы не верим, большие уже, да? Иди, говорю, да потопрапливайся, пока я не передумал.

Дед надвинул картуз на самые глаза, сунул трубку в рот и пыхнул ею так, что Кирилла окутало облако терпкого дыма. Тот быстро подхватил корзину и пошёл в сторону первого гриба. И правда, недалеко от него виднелся ещё один, а там и третий. Кирилл обернулся, хотел махнуть на прощание рукой, но на прежнем месте старика не оказалось, только корни вывороченного дерева причудливо торчали вверх, создавая обманчивое видение человеческой фигуры.

– М-да, – протянул Кирилл, но особо задумываться времени не было, и он быстро пошёл вперед.

Грибы честно отмеряли путь по лесу, и уже через четверть часа Кирилл наткнулся на потерянную дорожку. Через несколько десятков метров, слева, показалось небольшое озерцо, заросшее кое-где по берегу рогозом. К озеру ввела протоптанная дорожка, крепкие мостки далеко вдавались в воду. Захотелось освежить лицо

прохладной водой, но Кирилл пробежал дальше. Ещё немного – и деревня открылась из-за неожиданно расступившихся деревьев. Он оказался перед своей машиной. «Слава тебе, Господи!» – пробормотал облегченно, быстро взбежал по жалобно скрипнувшим ступенькам в дом. Поставил корзину на скамейку, заглянул в комнату. Настя сидела на кровати, нянча тряпичную куклу. Мария лежала на другой постели с его телефоном в руках. Увидев мужа, она резко встала, подошла вплотную и буквально прошипела со злостью:

– Ты где был?!

– Маш, не поверишь, в лесу заблудился! – попытался превратить всё в шутку Кирилл.

– В лесу заблудился?! Не морочь мне голову! Бросил нас тут одних! Ты зачем нас сюда привез, в глушь эту – чтоб избавиться сразу от обеих? Ходил в лесу, могилы нам копал?

– Ну у тебя и фантазия разыгралась! – Кирилл нахмурился. – Совсем сдурела!

– Я сдурела?! Я тут проверила твой телефон – сплошные бабы! Что, любовнице надоело ждать, когда ты разведёшься? Договорился уже с ведьмой, чтобы нас с дочерью извести?!

– Маш, заткнись по-хорошему, не начинай старую песню, ладно?!

Но женщину уже понесло. Кирилл не приставал к словам, молчал, надеясь, что скоро всё закончится. Глядя в окно, чтоб не видеть перекошенное злобой лицо жены, он почувствовал навалившуюся привычно тоску. Если бы не дочь, давно уже прекратил бы эту бессмысленную пытку, называемую браком.

Пытаясь уйти от скандала, Кирилл взялся за корзину, но Мария вдруг вырвала её, швырнула, и грибы, ломаясь, разлетелись по полу. Это стало последней каплей.

– А ну, хватит! – рявкнул Кирилл, да так, что Мария испуганно шарахнулась в сторону от напрягшегося разозленного мужа.

И хотя тот ни разу не поднимал на неё руку, не на шутку испугалась.

– Да пошёл ты! – крикнула она и выбежала из дома.

Кирилл устало опустился на скамейку, посидел, уставившись на лежащие на полу ненужные разбитые шляпки боровиков и опять. Всё удовольствие от похода в лес смыло горечью обиды и злобы. Да что не так у него в жизни?! Где та Мария, которую он когда-то полюбил? Почему жизнь пошла кувырком, когда родился ребёнок? Постоянные обиды, слёзы, ревность, скандалы. Хотя он, как мог, избегал ссор.

Но больше всего мучило чувство вины перед дочерью. Сам не зная почему, он винил себя в её состоянии, хотя врачи убеждали во врождённой причине болезни. Каждый раз, когда Мария начинала кричать и скандалить, он боялся, что вот-вот малышка заплачет, но та отстраненно смотрела в одну точку, раскачиваясь вперёд-назад, как китайский болванчик, и словно не слышала их. И это молчание пугало ещё больше. Можно было привыкнуть ко всему – и к тому, что дочь не смотрит в глаза и не откликается на своё имя, не участвует в играх, которые пытались с ней завести, живет в своем мире... Но не к этому.

Он любил дочь, так трогательно похожую на него белобрысыми кудряшками и голубыми глазами. Для него Настенька была самой большой наградой в жизни. И ради неё он был готов ехать в эту деревню за непонятным лечением, о котором тихим шепотом рассказала ему тёща.

И вот они здесь, а Мария, вместо того, чтоб поддержать его, устраивает истерики и ведёт себя, как капризный ребёнок, словно протестуя против всего, что происходит.

Кирилл быстро собрал раскиданные грибы обратно в корзину и пошёл в комнату, где оставалась Настя. На кровати её не оказалось, и в самой комнате – тоже.

– Настёна, выходи, мы сейчас идем гулять, – позвал Кирилл, прислушался, но нигде не отозвалось даже шорохом.

Он знал, что если девочка решит играть в прятки, то уже не отзовется ни за что.

– Я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват!

Дочки не оказалось ни под кроватями, ни за печкой, ни на кухне. Кирилл озадаченно осмотрел всю избу. Он точно помнил, что с момента, как захлопнулась дверь за Марией, из комнаты Настя не выходила. Неужели выбежала в то время, пока всё внимание отвлекала ругань с женой? Раньше Настя никогда не убегала от них, да и вообще редко проявляла независимость.

Кирилл ещё раз заглянул в комнату – из любимых игрушек девочки не хватало только тряпичной куклы. Неприятный холодок пробежал по спине. Кирилл запретил себе паниковать и вышел поискать дочку в коридоре... Ни в сарае... Ни на улице, около машины... Нигде ни души.

Мария сидела в джипе и болтала по телефону. Он подошел к автомобилю, рывком распахнул дверь, заглянул в салон, но и там девочки не было. Женщина демонстративно отвернулась от него, сказала в трубку:

– Подожди, тут кое-кто кое-что забыл... У нас же не все понимают, что такое личное пространство или конфиденциальный разговор...

Кирилл захлопнул дверцу с размаху, ещё раз обошел двор. Сколько времени Насти нет рядом? Минут пять. Куда она могла подеваться? И тут взгляд упал на колодец. Внутри всё сжалось, Кирилл быстрым шагом, срываясь на бег, подошел к нему, заглянул под крышку, выдохнул с облегчением. Слава Богу! Но где же Настя?

Ещё раз обошел все уголки в доме и вокруг него. Часы в голове тревожно отсчитывали минуты. Стало по-настоящему страшно. Липкий холод подобрался к самому сердцу, сжал всё внутри. Взгляд, блуждая вокруг, наткнулся на тропинку, уходящую в лес, и словно какая-то сила толкнула его туда. «Только бы успеть! – билась в голове одна мысль, пока он бежал вперед. – Только бы успеть!»

Сапоги тяжело бухали по земле, дыхание сбилось, сердце стучало где-то в горле, но ту сотню метров до озера Кирилл пробежал всего за пару минут. Светлое платье дочери он увидел сразу, как только расступилась высокая острая осока.

Настя стояла на самом краю мостков, смотря на воду. Боясь спугнуть её, Кирилл не стал кричать, а потихоньку подошел сзади.

– Настенька, доченька, пойдём домой, пора обедать! – сказал он негромко, едва справляясь с осипшим от бега и испуга голосом.

Девочка наклонилась к воде, к своему отражению. От мостков до воды было ещё сантиметров двадцать, вода была тёмная, видно было неглубоко. Отражение девочки в озере сияло радужным нимбом от стоящего высоко солнца. Ветер пробежал легкой рябью по воде, оживляя его и дробя. Кирилл увидел, что край досок был сырым. Кукла из тряпок лежала у одной из опор.

– Настюша, идём. – Кирилл тронул осторожно руку дочери, развернул её к себе. Оборки платья и обрамляющие личико белокурые волосы тоже оказались влажными. В руке девочка держала желтую водяную кувшинку.

Настя нехотя пошла за ним, иногда оглядываясь. Уже на берегу Кирилл не выдержал, подхватил девочку на руки. Он все ещё ощущал предательскую дрожь во всем теле от сменившего ужас облегчения. «Господи, спасибо тебе! – твердил он про

себя. – Господи, я знаю, сам виноват! Глаз не спущу с неё! Спасибо!»

Невольно улыбаясь и прижимая дочку к себе, Кирилл уже сделал несколько шагов обратно по тропинке, когда Настя вдруг закричала, забилась в его руках.

– Тата! Тата!

– Что? – Кирилл, испуганный, едва не выронил девочку.

– Тата! – вырывалась она, а когда оказалась на земле, бросилась обратно к озеру.

Кирилл побежал за ней, но Настя, подняв свою куклу, тут же вернулась и сама пошла по тропинке в сторону деревни.

У дома их встретила Мария. Она недовольно посмотрела на дочь.

– Надо же, новое платье на неё надела, а она уже всё извозила! Вы где были? – бросила она мужу.

– Гуляли, – ответил он хмуро.

– В следующий раз гуляйте аккуратнее, – с издевкой бросила женщина и повела дочь домой, по пути выбросив кувшинку, – Фу, гадость какая!

Кирилл обессиленно опустился на ступеньку, дрожащими руками достал сигареты, искал зажигалку. Потом вспомнил, что отдал её, чертыхнулся, да так и сидел, переминая сигарету незажжённой в руке. Подошла пёстрая кошка, уселась неподалёку. Кирилл протянул руку, и кошка разрешила себя погладить. Но на «кис-кис» не обратила внимания, принялась вылизываться.

Кирилл ещё раз похлопал себя по карманам, встал и пошёл в дом за спичками. Настя рисовала, сидя за столом. Перед Марией дымилась тарелка с лапшой быстрого приготовления.

– С голоду сдохнуть можно, – бросила она зло.

Кирилл нашел на выступе печки коробок спичек, потряс его – коробок был почти полным. Огляделся. Дом уже не казался таким пасторально милым: под столом лежали фантик и кусок печенья, на который нечаянно наступили ногой; на шкафу брошен пустой пакет из-под сока. Корзина, с которой он ходил в лес, задвинута под скамейку. Пироги уже обветрились и начали черстветь. В соседней комнате неубранные кровати добавляли ощущения захламления.

Кирилл вздохнул. Он подошел к дочери, посмотрел на её рисунок. Девочка тщательно вырисовывала травинки около озера. Вот дорожка, вот мостки. Слева от тропинки – молодая берёзка. Кирилл не помнил деревца, но Насте в этом можно было доверять. Закусив губу, она рисовала травинку за травинкой. Не сказав ни слова, он вышел на улицу и, наконец, закурил. Долго не думая, нашел опять колун и взялся за чурбаки. Куча понемногу убывала, поленица становилась всё выше.

Подошла баба Аня.

– Ишь, дрова ему покою не дают, – покачала она головой.

Кирилл выпрямился, вытер пот со лба.

– Добрый день, Анна Михайловна.

– Добрый. Ну, чего, как устроились?

– Спасибо, всё хорошо.

– Пошли-ко со мной-то, картошечки подкопаеть, сварить. Охота, поди, свежей-то? Луку со сметанкой натолкешь, салатика из огурцов-помидоров нарежешь...

Кирилл бросил взгляд на дом. Захотелось подпереть дверь снаружи, чтоб Настёна наверняка не убежала опять. Скрепя сердце, стараясь не подавать виду, что волнуется, он послушно пошёл за женщиной.

– Анна Михайловна, – не выдержал Кирилл, когда они уже подходили к колдунцу, – а почему Катерина Степановна не встречается с нами? Она знает, что мы приехали к ней?

– Знает, как не знает, – не оглядываясь, ответила женщина.

– Может, я что-то не так делаю? Может, надо, ну, не знаю, обговорить какие-то условия? Вы мне подскажите, я ведь первый раз...

Баба Аня остановилась у своего крыльца, сунула в руку Кириллу лопату.

– Иди, поле за домом. Там и ведро стоит. Накопай, сколько хочешь, нынче урожай хороший. А я тебе пока морковки там, овощей разных наберу, чего голодом-то сидеть.

Кирилл нахмурился, молча пошёл в огород. Воткнул лопату в крайний рядок, огляделся. Не меньше четверти гектара земли было огорожено простым забором из жердей. Тут же стояли и яблони, и ягодные кусты, и небольшая банька. Не торопясь, он накопал с полведра молодой, с тонкой кожицей картошки, аккуратно сложил в борозду ботву. Вернулся к крыльцу. Баба Аня уже ждала его с пакетом.

– Вот, приготовите, чего захотите. Ты там не стесняйся – масло, соль, посуду – всё бери.

– Анна Михайловна, а в чьём доме мы живем?

– В моём. От сестры остался. А что?

– Нет, ничего. Очень уютно и хорошо...

Женщина с минуту молча разглядывала Кирилла, потом покачала головой.

– Эх вы, городские! Живёте, словно с шорами на глазах, ничего видеть не хотите! Ты думаешь, просто так тут сидишь?! Природа тоже лечит.

– Да, конечно. Спасибо. Я понимаю.

– Кирюша, – неожиданно ласково проговорила старушка, – ты уж ежели задумал чего, так не отступай, доводи дело до конца. Раз приехал дочь свою полечить, так доверься тому, от кого ждёшь помощи. Чудо случается только с теми, кто к нему готов.

От таких слов, Кирилл растерялся. Некоторое время молча смотрел на пожилую женщину, потом кивнул и быстро пошёл к дому.

Настёна рисовала новую картинку. По-детски примитивно было изображено женское лицо. Теперь тщательно прорисовывались волосы, гладко облегающие голову. Мария лежала на кровати, безучастно рассматривая нехитрую обстановку комнаты. Кирилл хотел было предложить ей заняться приготовлением еды, да только махнул рукой и взялся сам за нехитрую работу.

Поставил кастрюлю с картошкой на огонь, начал нарезать салат. Изредка поглядывая на увлеченную дочь, всё обдумывал слова бабы Ани. «Чудо случается»... Да, он ждал именно чуда. А как ещё можно было бы назвать выздоровление девочки?! Только чудом. Но чудеса бывают лишь в сказках. Как у Пушкина – «...там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...» А у него вместо сказки – джип под окнами и мобильный телефон в кармане. Но баба Аня не просто так сказала о доверии. Да, приехал, так уж будь добр, не выделяйся, жди. Ну, день-другой ещё протянем...

Настя отложила карандаши, слезла со скамейки и забралась в свою пряталку, к игрушкам. Кукла Тата, посаженная рядом с кубиком, стала доченькой, которой девочка принялась рассказывать сказку: – «Давным-давно в тридевятом царстве, в тридесятом государстве жил да был один король...»

Какое лечение от колдуньи хотел он получить, закрутились снова мысли в голо-

ве. Что можно исправить у шестилетнего ребенка с врождённой патологией? Стоило ли вообще сюда приезжать? Мария вся на нервах, Настёна чуть в пруду не утонула. Что вообще она там искала?..

Сомнения копошились холодным зверьком где-то внутри. Собраться да уехать домой, и правда... Вспомнился разговор с бабой Аней. Тоже что-то темнит старушка... Ладно, ещё пару ночей, может быть, но не больше. Обещал же маме Тане увидеться с этой колдуньей.

Проснулась Мария. Кирилл сказал ей, чтоб поела, а сам опять вышел на улицу. Первым делом с удовольствием покурил. Поискал глазами, к чему бы приложить руки, стал спускаться с крыльца и поморщился от скрипнувшей ступеньки. Постоял на ней, покачался туда-сюда, хмыкнул недовольно. Надо бы заменить. Была бы только доска, молоток да гвозди. Ножовка нужна ещё, гвоздодёр.

Кирилл пошёл с обходом в сарай. Долго осторожно разбирался в оставшихся от прежнего хозяина инструментах. Чужая жизнь приоткрывалась через знакомые предметы. Вот люди приходят и уходят, а инструменты верой и правдой служат не одному поколению, были бы только руки толковые. На душе опять стало спокойно. Кирилл отложил приготовленные инструменты в сторонку, чтоб удобнее было брать. Доску придётся спросить у бабы Ани, авось и найдётся что посвежее.

Вечерело. Кирилл постоял ещё, наслаждаясь тишиной и покоем. Из тени вынырнула пёстрая кошка, блеснула глазами и скрылась опять по своим загадочным кошачьим делам, прыгнув высоко через траву.

– Кирилл, это ты там стоишь? – донесся голос бабы Ани.

– Я, Анна Михайловна!

– Зайди-ка ко мне на минутку...

Кирилл затушил тщательно сигарету и пошёл по тропинке. Вспомнилось опять из детства, как его, заигравшегося на улице до потёмок с ребятами, так же окликала бабушка: «Кирькой, поди-ко-тко сюда, чулпана дам!» И он бежал босыми ногами по холодной росистой траве, по плотно сбитой дорожке к светящемуся уютными желтыми окнами дому, и там, в тепле, почёсывая искусанные комарами икры, пил сосредоточенно из большой дедовой кружки сладковатое парное молоко с домашним хлебом. Ничего вкуснее этого в жизни не едал.

В коридоре дурманяще пахло медом, старым деревом, кормами для скотины. Кирилл зашел в избу, постучавшись для приличия. Женщина сидела у стола, устало сложив на коленях натруженные руки. На столе стояла большая банка молока, лежал пакет с куриными яйцами и круглый каравай.

– Я тут приготовила тебе на ужин немного своего, возьми, – сказала баба Аня.

– Спасибо! Вы и так для нас столько делаете, как и благодарить, не знаю!

– Не переживай, кушайте на здоровье. Соскучился, поди, по деревенскому-то? Давно дома-то не бывал? Живы родители-то?

– Да. Мама. Сестра за ней ухаживает. Я на Троицу только и могу выбраться на родину, а так работы много, некогда.

Кирилл помолчал, прислонившись плечом к углу печки.

– Ну, я пойду?

– Побегай, сынок. Возьми яичек свежих, пожарите, может...

– Спасибо!

– Поди с Богом.

Осторожно прижимая к груди банку тёплого ещё молока, Кирилл вышел под загорающиеся звёзды, пошёл, не торопясь, к дому. Домой не хотелось. Хотелось

побыть одному, наедине с самим собой, собрать себя, как пазл, в единое целое, привести в порядок чувства и мысли.

– Кирилл! – услышал он голос Марии. – Где ты ходишь?

Она стояла на крыльце, зябко обняв себя за плечи. Когда муж подошел, отвела глаза, хмурясь.

– Вот несу свежих продуктов от бабы Ани. Будешь яичницу?

Мария не ответила, развернулась и ушла в дом. Кирилл вздохнул, постоял ещё минуту и тоже зашел в квартиру, хранящую тепло солнечного дня.

Настя баюкала на кровати свою куклу, что-то строго приговаривая ей. На столе всё так же лежали оставленные карандаши и бумага, стояли немытые тарелки. В комнате терпко пахло грибами. Кирилл некоторое время молча смотрел на всё, потом начал носить посуду в раковину, собрал Настины вещи обратно в сумку, убрал лишнее со стола. Сам нажарил омлет, накормил дочку, а себе налил полную кружку молока и, как в детстве, долго с удовольствием пил его, отламывая рукой ржаной хлеб прямо от карава и читая книгу. Так и сидел, пока Мария укладывала девочку спать, потом сама словно через силу, поела немного, долго копаясь в тарелке и морщась. Кирилл старался не обращать внимания ни на холодное молчание, ни на безразлично поджатые губы. Не первый день замужем, переберется...

Собираясь выйти покурить, прихватил корзину, отошел за дровеник и вывалил увядшие грибы под сосну. Может, грибница приживётся? На прохладном воздухе вдруг резко захотел спать. Глаза нещадно слипались, мысли сбились в абсурдную карусель, тело обмякло. Бороться было бессмысленно. Кирилл дошел до кровати, разделся, забрался к стенке и тут же провалился в глубокий сон.

Мария удивлённо посмотрела на него, посидела немного в тишине, ощущая, как угнетает её непривычная безмолвность ночи. Потом тоже торопливо разделась, выключила свет и, подсвечивая мобильным телефоном, быстро забралась под одеяло.

Настя спала бесшумно, Кирилл дышал глубоко и ровно. За окнами стрекотали насекомые. Прислушиваясь, Мария старалась лежать спокойно, но сон всё не шел. Она то проваливалась в полудрему, то снова открывала глаза и обводила взглядом погруженную в темноту комнату. Зря она днём поспала, теперь далеко за полночь, а сон всё не идёт...

Где-то на кухне раздался лёгкий шорох. Вот, ещё и мыши до кучи... Мышей Мария не боялась, но не испытывать естественной безразличности не могла. Дома мышам не место. Снова заскребло по половицам, да так тихо и с оттяжкой, словно что-то волокни. Печеньку потащила... Пусть пирует. А Кирилл как лег на один бок, так и не пошевелился ни разу. Убегался за день. И чего она опять на него наорала?.. И сам хорош – чуть не заблудился в лесу и тут же дочку потащил туда гулять. Зачем они туда ходили? Вроде быстро вернулись. Не доверяет она тут никому...

В тишине откуда-то со стороны кухни раздалось глухое низкое ворчание. Вот ещё, подумала Мария, что и за мыши пошли – печеньку украла, да ещё ворчит... Хорошее, между прочим, печенье... Прошла ещё одна минута, и тут холод сковал вдруг тело, лицо словно свело судорогой, дыхание остановилось... Мыши пищат, скребутся, брякают посудой или сухой корочкой, но уж точно не ворчат таким глухим голосом. Мария вслушивалась, ощущая, как сжимаются от страха все внутренности. Сон разом пропал. Холодной рукой она нащупала спину мужа, толкнула его, но Кирилл никак не отреагировал.

Мария закусила губу, осторожно приоткрыла глаза. С того места, где она ле-

жала, через распахнутые белеющие створки дверей в едва рассеивающихся сумерках вторая комната видна была почти вся. Вот стол, скамейки, светлый угол печки, занавески, отгораживающие кухню... Там, около угла скамейки, темнота сгрудилась бесформенным пятном. Мария долго всматривалась, но ничего не могла разглядеть. Кажется, показалось. И только она расслабила сжатые в кулаки пальцы, успокаиваясь, как пятно дрогнуло, двинулось, заслонив на короткий миг край скамьи и чуть слышный голос проговорил недовольно:

– Пол бы хоть подмела, хозяйюшка...

Мария взвизгнула, дернулась в постели, вжалась вся в изголовье и принялась что есть силы теревить Кирилла.

– Да проснись же ты, наконец!

Спящий обычно чутко Кирилл едва заворочался, замычал недовольно, с трудом просыпаясь. Ужас не давал Марии опомниться, она начала колотить мужа по плечам, закусив губу, чтоб не закричать в голос и не напугать ребенка. Она всё смотрела на дверь, в темноту, боясь отвести широко раскрытые глаза, охваченная паникой, и била, не глядя, куда попало.

– Что ты дерёшься-то?! Прекрати! – Кирилл схватил, наконец, Марию за руки, сел в кровати.

– Там кто-то есть!

– Где?

– В той комнате! Да проснись же ты, болван! Я видела!

Кирилл тяжело потряс головой, потёр с силой глаза.

– Где? – опять тупо спросил он.

Мария почувствовала, что сейчас разрешётся. Она закрыла лицо руками и тихо заскулила, всхлипывая. Кирилл минуту посидел, потом слез с кровати и пошёл в комнату. Вспыхнул яркий свет, резанул по глазам. Мария опустила руки, со страхом взглянула туда – полуобнаженный муж стоял около стола и смотрел по сторонам, щурясь спросонья.

– Где и кого ты видела? – спросил он.

Мария осторожно спустила ноги на пол, крадучись подошла к нему, показала рукой на край скамейки ближе к кухне.

– Вот здесь.

– Тебе показалось.

– Говорю тебе – нет! Оно было большое!

– Кошка, может, забралась как-то?

– Крупнее!

– Здесь нет никого, ты сама видишь. Всё заперто. Комната маленькая, спрятаться негде. Ну, бывает ведь, когда сон такой, что не сразу поймёшь, что происходит. Просто тебе кошмар приснился, успокойся.

– Оно говорило! Он сказал, чтоб я пол подмела!

Брови Кирилла удивленно поднялись вверх, он покачал головой.

– Да-а... Ты, и правда, прибралась бы, Мань...

– Дурак! – зло топнула ногой женщина и заплакала. – Мне страшно, а ты издеваешься! Я даже в туалет нормально сходить не могу, а тебе смешно! Привёз нас чёрт знает куда, зачем-то...

Слезы душили горло, Мария сжалась, обхватила себя руками. Кирилл вздохнул, обнял её, хотя она и дёрнулась, сопротивляясь, прижал к себе.

– Ладно, успокойся. Завтра уедем. Пойдём, я сведу тебя в туалет. И не шуми,

Настюху разбудишь.

После всего Кирилл уложил Марию к стене, сам поправил одеяло у дочери и тоже лёг спать. Голова всё ещё была тяжелая. Молоком от сонной коровы напоила баба Аня чтоли? В комнате чуть заметно стало светлеть. Мария сперва порывисто вздыхала, как наревевшийся ребёнок, потом затихла. Кирилл лежал неподвижно, в голове всё крутилась одна мысль – корова была сонная, молоко от сонной коровы... Он почувствовал, как женщина осторожно придвинулась и прижалась спиной к его спине, но не пошевелился. Это не был жест любви, просто ей требовалась защита. Пусть.

Заснуть по-настоящему не удавалось. Разум словно завис между сном и явью, с трудом отличая одно от другого. Домовой напугал Машу... Молоко... Корова дремала, пока её доили, вот и его в сон сморило. Молоко от сонной коровы...

Кирилл чуть приоткрыл веки и увидел, как Настя сидит в кровати и монотонно качается, словно баюкая себя. Ничего, сейчас опять ляжет и уснет. Такое бывает иногда, главное, не напугать её. А может, ему всё снится. Бывают ведь такие сны, когда не понимаешь, правда ли всё, или нет.

Лица коснулся прохладный уличный воздух, тяжелые веки приоткрылись едва – Настя всё так же сидела, покачиваясь, а легкий сквозняк шевелил занавеску. За окном занимался рассвет. Просто снится. И баба Аня, стоящая у кровати Насти, тоже снится. Чего бы ей тут делать?

«Кто это у тебя в доме, а, хозяйushка?» – прорвался сквозь непреодолимую дрёму женский голос откуда-то с улицы через приоткрытое окно. «Я, матушка, Анна», – ответила баба Аня негромко. – «Более никого?» – настаивал голос. «Не одна, матушка, ох, не одна! А прицепилась ко мне беда горькая, болячка поганая!» – нараспев тянула старая женщина. «Так выкинь её ко мне в окошко!» – предложил другой голос. Да, выкинь уже, подумалось Кириллу, и я буду дальше спать спокойно. «И рада бы выкинуть, да не могу, матушка!» – «Это почему же?» – «Если выкину её, поганую, то и дитё-чадушко выкинуть придётся, оно в ней сидит,» – сетовала, вздыхая, баба Аня. «А ты подай мне дитя, я его в печи запеку, боль-сухотку выведу», – уговаривал голос за окном. Ого, подумал Кирилл, как всё интересно. Это из каких же сказок в его снах такие побасёнки? «Ты, матушка, болячку-то запекай, а дитя не запеки!» – «А что, и её запеку, лишь бы сухотку извести!» – «Да ты сухотку запекай, а дитя мне продай.» Снова опахло сквозняком с запахами влажной травы и земли, и стало тихо. Кирилл прислушался, но голоса пропали. Ну вот, всё и кончилось. До утра можно поспать, а там будем домой собираться. Тело расслабилось, погружаясь в покой.

Через некоторое время спине стало холодно – это отодвинулась Мария. Прорыпаться не хотелось, но что-то мешало спокойно отдыхать. Нет, ну это был сон. Да и не дала бы Настя себя забрать – она чужих людей к себе не подпускала, начинала кричать, если её трогали. Рукой Кирилл пошарил по кровати, но Марии не обнаружил. Встала, видимо. Утро наступает, ночные страхи прошли. В доме тихо...Надо посмотреть, всё ли в порядке. Спать охота. Молоко-то не простое было...

С большим усилием Кирилл открыл глаза. Солнце стояло низко, только ещё начиналось утро. Через приоткрытое окно прохладный воздух легко проникал в комнату. На кровати Насти одеяло было сбито, а девочки не было. Кирилл рывком сел, осмотрелся непонимающе. Марии тоже было не видно и не слышно. Кирилл торопливо натянул на себя одежду, выглянул в окно. Трава внизу была примята, и больше ничего.

Кирилл быстро пробежал по дому, но нигде не обнаружил признаков жены и

дочери. Выскочил на крыльцо. Машина терпеливо дожидалась его у дома, по дереву не стелился лёгкий туман, словно приподнимая избы над землёй и отрывая деревья от корней. Час от часу не легче! Куда все подевались?! Не могли же Мария с Настей пешком уйти из дома? Как давно он один? Что за глупые шутки?!

Кирилл вернулся в дом, внимательно осмотрелся. Из всех тех нехитрых вещей, что они привезли с собой, не хватало только тёплой кофты жены да курточки Насти. И ещё новой куклы из лоскутков. Значит, у Насти было время собраться и одеться. А вот телефон Мария оставила. Странно, она с ним вообще не расставалась, даже в душ с собой брала. Время, сколько времени? Половина шестого. Когда он последний раз смог открыть глаза, солнце уже вставало, было светло, значит, прошло от силы полчаса. Далеко женщина с ребёнком за такой короткий промежуток времени уйти не могла. Знать бы только, куда они направились.

Кирилл снова выбежал на крыльцо, и прошёл под окнами дома, как ищейка, низко наклонившись к земле. На влажной траве видны были следы, и шли они к лесу. Дошли до тропинки и пропали на плотно сбитой почве. Он остановился, выпрямился. Кто-то увёл дочь и жену в лес? При чём тут баба Аня? Это её затеи? Или она всё же приснилась? Кирилл покачал головой, огляделся. Идти в лес, искать там? А вдруг он только время потеряет?

Пока он раздумывал, внимательно вглядываясь в темноту чащи, в глаза бросилось яркое пятно на тропинке. Он подошел к нему и поднял с земли маленький бант. Такие были на платье у Насти. Повертев бант в руке, Кирилл прошёл по тропинке дальше. Или ему показалось, или... Через некоторое расстояние на яркой от росы зелени лежал ещё один бантик. Удивлённо пожав плечами, Кирилл быстрее пошёл вглубь леса, высматривая невольно ещё подсказки. Напротив пруда лежала прямо на тропинке цветная резинка с волос девочки. Кирилл уже почти бежал. В утреннем холодном воздухе, в полумраке среди деревьев, он уходил всё дальше и дальше, повинаясь знакам.

Так далеко в лес в прошлый раз он не забирался. Тропинка петляла среди выступающих корней, но не становилась хуже. Видимо, ею часто пользовались. Вот и ещё одна резинка с волос Насти, теперь зелёная. Если бы она лежала не на чёрной сочной земле, которая иногда мягко продавливалась под ногами, Кирилл мог бы её и не заметить. Косички у Насти было две, возможно, больше подсказок он не увидит. Но это уже было не так важно, Кирилл быстро бежал, стараясь нагнать упущенное время. И всё же вскоре он увидел ещё один яркий лоскуток – это была косынка с головы новой куклы. Кирилл затолкал красный в горошек треугольник в карман к остальным находкам и поспешил дальше.

Солнце разгоралось всё ярче. Было удивительно тихо, лес молчал. Но тревога мешала Кириллу увидеть красоту утреннего волшебства. Он всё бежал вперед, и уже начал уставать. Грудь загло, сердце колотилось, мышцы закаменели. Он не знал, сколько прошло времени, но казалось, что бежит не меньше часа. И тут лес внезапно расступился – Кирилл выскочил к избушке. Он резко остановился, оглядываясь и тяжело дыша.

Трава вокруг домика была когда-то давно выкошена и уже успела прорасти молодой зеленью. Сам дом был приподнят над землёй, опираясь на пни от четырёх деревьев. Избушка на курьих ножках, промелькнуло в голове у мужчины. Как в сказке. Небольшое подслеповатое оконце одиноко смотрело на тропинку. К низкой массивной двери вели несколько ступенек из располовиненных брёвен с грубо сколоченными перилами. Рядом с крыльцом возвышалась старая сосна, укрывая избушку

сенью своих ветвей.

Кирилл прислушался – показалось, что через приоткрытую дверь донеслись голоса. Вроде, голос Марии. И ещё один, тоже женский, незнакомый. Он сделал несколько шагов вперед. Говорили тихо, не споря. Голос Марии словно уставший, печальный. Осторожно поставив ногу на широкую ступеньку, Кирилл оглянулся. Ещё шаг. Почему-то тихие эти голоса заставили его насторожиться ещё больше.

Он прислушался. Встал вплотную к двери, попытался заглянуть через узкую щель внутрь. Увидел скупое освещённую комнату, край стола в дальнем углу. Слева угадывалась большая, почти в полкомнаты, печь. Вдоль стены, напротив двери, стояла скамья, на которой лежала Настя, показавшаяся такой хрупкой в этой необычной обстановке. Кирилл хотел уже дёрнуться в дверь, броситься к дочери, но черная тень заслонила от него на секунду всю комнату, и он услышал тихий голос:

– Спит твоя девочка, не тревожь её.

Кирилл удивленно замер и только потом понял, что слова сказаны были не ему, а сидящей у стола в углу Марии, которую он не мог видеть, только слышал. Он снова притих.

– Ну, с тобой всё ясно, – сказал незнакомый голос. – Теперь расскажи о дочери. Как ты её зачала?

– Да как все, так и я, – довольно недружелюбно отозвалась Мария.

– Я не о том тебя спрашиваю, – терпеливо сказал строгий голос. – Ты любишь своего мужа? Ребёнок от него?

На минуту стало тихо. У Кирилла замерло дыхание.

– Он хороший человек, – проговорила Мария негромко.

– Вот как... Чей же это ребёнок? Говори, милая, если хочешь помочь своей беде. Я-то всё-равно пойму, но лучше сама откройся, и тебе же легче станет. Был другой мужчина? Любила его сильно?

Видимо, Мария кивнула, потому что было тихо. Кирилл почувствовал, как сжались непроизвольно кулаки напряженных рук. К горлу подкатил комок горечи.

– И что же произошло? Ты глаза-то не прячь, рассказывай. Встречалась с обоими? А когда забеременела, тот, кого любила, ушел от тебя? Пыталась ребёночка извести, да не получилось? Решила выйти замуж за нелюбимого? Сказала, что ребёнок от него? А сама не верила? Да вот только, когда стала девочка подрастать, поняла, что даже ребёночка от любимого нет, что носила и рожала нежеланное дитя?.. Вот так. Поплачь, милая, поплачь. Материнское проклятье – самое тяжелое для дитя.

Тихий шелест слов раздавался набатом в голове мужчины. В памяти всплывали моменты их встреч с Марией. Её отрешенный взгляд, перепады настроения, скованность. То, что он просто не хотел замечать, ослеплённый своим чувством. И тот разговор, когда он узнал, что она беременна. Её напряженный голос и горечь в глазах в то время, когда он смеялся от счастья... В висках молотом стучало сердце, свет солнца из золотого стал серым, и мир сузился до размеров паутины, прицепившейся к грубо отёсанному косяку двери. Дурак, вот дурак!

– Ты хочешь помочь своему ребёнку? – через некоторое время спросил всё так же спокойно и отрешенно голос. – Хочешь? Готова пройти испытание? Скажи мне словами – готова ли ты? – Мария всхлипнула, ответила согласно. – Тогда будем заново рожать дитя. А я попробую снять проклятье. Но основную работу делать тебе, мать. Когда ребёночек будет рождаться, думай о ней с любовью, с радостью, чтоб она знала, что ты ждешь её. Слышишь? Скажи все самые хорошие слова, которые

знаешь, как бы ни было больно. Не о себе думай, а о ней, ведь ей ещё труднее, чем тебе сейчас. Ты поняла? Ты готова? Всё зависит от тебя... На вот, выпей это... Горько, знаю. Пей до дна.

Из оцепенения мужчину вывел громкий шелест крыльев над головой. Кирилл поднял голову и увидел усевшегося на сосну над самым крыльцом ворона. С минуту они разглядывали друг друга. Трудно было не узнать эту старую с проседью у клюва, птицу. Ворон сделал несколько шагов по ветке в сторону Кирилла, встряхнул оперение, подался вперёд и вдруг громко каркнул ему в самое лицо. Кирилл вздрогнул и невольно отшатнулся.

Он дёрнулся в дверь, но та была заперта изнутри. Кирилл прислушался. Едва слышно доносился голос, словно читающий что-то нараспев. Кирилл подошел к окну, примерился. Но в оконце, забранное маленькой толстой рамой, едва пролезли бы даже плечи. Он со злости ударил кулаком по старому, слежавшемуся в камень дереву. Опять вскрикнула Мария. Да что они там с ней делают?!

Кирилл снова затряс дверь, чувствуя, как ярость застилает глаза. Никакого эффекта. Стоны жены, переплетающиеся с голосом хозяйки избушки, тело дочери на лавке лишали разума. Кирилл заметался по крыльцу, стуча по стенам и двери, колотил ногами, кричал, несколько раз обежал вокруг дома, не помня себя, пока вдруг не осознал, что стало очень тихо.

Он прислушался, но только ветер играл с хвоей в ветвях сосны. Дом молчал. Кирилл обессиленно опустился на ступеньку и заплакал по-мужски неумело, неуклюже, растирая слёзы по щекам. Ворон заворчал опять по-своему, Кирилл поднял лицо, нащупал рукой шишку и со всей силы запустил ею в птицу:

– Да чтоб тебя!

Ворон взлетел, шумно махая широкими крыльями. Кирилл без мыслей, в отупении, смотрел застывшим взглядом прямо перед собой. То, что происходило сейчас, не укладывалось в голове. Он, взрослый человек, привыкший контролировать всё в своей жизни, сидел беспомощно на крыльце избушки на курьих ножках, в котором лесная ведьма заперла его жену и дочь. Что делать дальше, он даже не представлял.

Неожиданно сверху на волосы и плечи посыпался какой-то мусор. Кирилл матюгнулся, замахал руками, не понимая, в чём дело, поднял голову. Прямо над ним кружился ворон, набирая высоту. Может, и показалось, но удаляющийся клёкот очень уж напоминал издевательский смех. Кирилл снова заругался, вложив в слова всю горечь и обиду. За спиной тихо скрипнула дверь. Кирилл вскочил. На крыльцо из тёмного провала избы вышла Настя. Она чуть улыбнулась, увидев отца, протянула к нему руку.

– Папа!

Кирилл бросился к ней, подхватил, с тревогой смотря на её личико.

– Настенька, доченька! Слава Богу! Ты в порядке? Ничего не болит?!

– Папа, со мной всё хорошо, – улыбнулась девочка.

Кирилл с изумлением смотрел на неё. Настя тоже посмотрела ему в глаза. Она смотрела на него! Она улыбалась!

– Ты лучше маме помоги.

Кирилл осторожно опустил дочку на землю, но не выпустил её руки, и она не убрала свою ладошку. В проёме показалась Мария. Прижимая одной рукой к груди кофту, другой держась за косяк, она медленно вышла, щурясь на свет. Лицо её покраснелось и припухло от слёз. Она разом словно постарела на несколько лет. Уви-

дев Кирилл, Мария замешкалась и, словно испугавшись его взгляда, опустила низко голову. Казалось, ещё минута, и она скроется обратно. Острое чувство жалости переполнило мужчину. Он потянул Марию к себе, прижал безвольное тело к груди, сжал ладонью её голову, ткнулся губами в волосы.

– Ну, ладно... Ну, чего ты?! Всё уже прошло. Ну, тихо, тихо, не плачь, всё будет хорошо...

Краем глаза Кирилл заметил, как дверь тихо затворилась. Они остались одни. Он вздохнул, потрепал дочку по распустившимся волосам, чуть отстранил от себя Марию.

– Пора домой.

– Домой! – Настя захлопала в ладоши, развернулась и вприпрыжку побежала по тропинке в лес.

Придерживая жену, тяжело опирающуюся на его руку, Кирилл пошёл следом за дочерью, ни разу не обернувшись.

– Настенька, у тебя платье сзади всё чёрное! – окликнул он убегающего ребёнка.

– Это я в печке сидела, – девочка попыталась отряхнуть одежду.

– В печке?! И ты не испугалась? – искренне удивился Кирилл.

– Ну что ты, папочка! Мы же в сказке! Здесь нечего бояться! Ещё когда только мы приехали сюда, я сразу поняла, что мы попали в сказку. И у меня была свечка... Ты собрал мои хлебные крошки?

– Какие хлебные крошки?

– Подсказки, которые я оставляла, чтоб ты нас нашел. Помнишь, ты читал мне про Гензель и Гретель? Ты видел их?

– Да, дорогая моя! Ты хотела, чтоб я нашел тебя?! Умница моя!

Кирилл достал из кармана бантики и резинки Насти, а так же платочек в горошек. Настя взяла всё из руки отца, положила в карман курточки. Кирилл ждал, что она вспомнит про куклу, но девочка ни слова не сказала. Сам спрашивать он предусмотрительно не стал. Раньше потеря одной из любимых игрушек повергла бы девочку в истерику.

Резкая перемена в поведении дочери всё ещё обескураживала его. Казалось, перед ним обычный здоровый ребёнок. Разве такое возможно? Он хотел сказать об этом Марии, но, заглянув в её ушедшие в себя глаза, промолчал. Марии надо отдохнуть, не стоит беспокоить её сейчас. Ещё будет время поговорить по душам.

Дорога домой оказалась, как всегда, короче. Через несколько минут деревья расступились, и они вышли к небольшому озеру. Настя подбежала к молодой берёзке у тропинки, повязала вокруг одной из веток цветной лоскуток. Кирилл подвел Марию к девочке, они тоже остановились.

– Папа, ты знаешь, в озере живёт русалка! – сказала Настя и, не дожидаясь разрешения, побежала к мосткам. Кирилл поспешил за ней, ведя за собой безвольную жену.

Настя встала на самый край, сложила ладошки рупором и с детской непосредственностью закричала во весь голос:

– Ру-са-лоч-ка!

Кирилл встал рядом, осмотрел озерцо с пологими берегами, заросшими осокой. Где-то в камышах плеснула рыба, и снова стало упоительно тихо. Ветер пробежал рябью по воде. В ней, как в тёмном зеркале, отражалось и дробилось синее небо с белыми облаками. Настя опустилась на колени, наклонилась и несколько раз

шлёпнула ладошкой по воде так, что хрустальные брызги окатили её каскадом.

– Русалочка, принеси мне цветочек!

Блики солнца искрились на спокойной поверхности воды. Кирилл искал глазами цветы, и нашел небольшой куст кувшинок почти у самого дальнего края. Одну из таких Настя держала в руке, когда он нашел её здесь. Как она её достала, интересно? С берега не дотянуться...

– Пойдём, Настёна, – позвал он ласково. – Не приплыла русалка, может, нас испугалась.

Девочка пожала плечами, поправила сырыми руками растрепавшиеся волосы. Кирилл взял её за руку, приобнял опять Марию и повёл обратно на тропинку. Они уже отошли на несколько шагов, как Настя обернулась и закричала:

– Папа, папа, смотри!

Кирилл обернулся. На досках лежала желтая кувшинка с длинным стеблем. Настя подбежала, подняла цветок, помахала рукой.

– Спасибо, русалочка!

Ничто не отозвалось на безмятежной глади озера. Даже круги не разошлись по воде. Кирилл ещё с минуту смотрел туда, потом качнул головой и пошёл вслед за дочерью.

В деревне всё было по-прежнему. Бабы Ани нигде не было видно. Так же тихо стояли пустые дома, укрытые ветками старых деревьев. Ярко блестели на солнце стёкла такого чуждого здесь большого и дорогого автомобиля. Кирилл завёл Марию в дом.

– Маш, может, полежишь немного?

– Полежу немного, – кивнула женщина.

Кирилл с тревогой заглянул ей в глаза, но Мария, встретившись с ним взглядом, закусила губу, развернулась и ушла в спальню.

– Настенька, ты пока порисуй, ладно? Я пойду пироги птичкам отдам. Не оставлять же их здесь. А потом будем домой собираться, хорошо?

– Хорошо, папочка! Я присмотрю за мамой, – серьёзно кивнула девочка.

Кирилл ещё с минуту смотрел на неё, на то, как она достаёт карандаши и бумагу, всё ещё с трудом веря в своё счастье. Вот когда они домой приедут, как бабушка Таня обрадуется! Потом взял с тарелки последний кусок пирога и вышел на улицу. Постоял, соображая, что делать, и быстро направился знакомой уже тропинкой в лес.

Далеко заходить не стал, отошел буквально метров на двадцать, чуть углубился в заросли и раскрошил пирог около пня. Птички или мыши быстро приберут. Или лиса. Или ещё кто-нибудь. В лесу ничего даром не пропадёт.

Через несколько минут он уже вернулся в деревню. Зашел домой и удивился – Мария рьяно наводила чистоту. Вся посуда была вымыта и убрана, с кроватей собрано бельё и сложено стопкой на стуле, а сами кровати застелены чистым. Женщина тщательно протирала пыль на шкафах. Лицо её было сосредоточенно, движения резки и угловаты, но когда Настя подвернулась под руку, она только попросила девочку перейти на другое место непривычным тихим голосом.

– Тебе надо чем помочь? – спросил Кирилл.

– Принеси ведро воды, если можно, – не поднимая глаз, попросила Мария.

Кирилл взял ведро и вышел на улицу. Не торопясь, дошел до колодца, набрал студёной, кристально-чистой воды.

Мария грузила вещи в багажник машины. Настя помогала; несла сумку со своими игрушками. Кирилл зашел в дом, поставил ведра на кухне, осмотрелся. Всё было чисто, как впервые, словно и не жили они здесь два дня. Он присел на скамейку, посидел, прислушиваясь к тишине. Как бы то ни было, Настя выздоровела, и это главное... Ну, с Богом, пора домой.

Перед тем как сесть в машину, подпёр двери дома батожком. Двигатель мягко завибрировал, машина словно ожила. Кирилл улыбнулся. Соскучился, оказывается, по баранке!

– Пристегнулись? – обернулся назад, где сидели жена и дочь. – Ничего не забыли? Ну, поехали! Домой, Настёна?! Соскучилась по бабушке?

– Домой, папа!

Автомобиль развернулся и неторопливо покатиł прочь из деревни. Мимо потемневшего от времени колодца со старинным журавлём. Оставляя за собой маленькие дома с яблонями. Через речку по мостику из брёвен. Сквозь кусты по неширокой дороге из желтого песка. Они выехали в поле, поросшее густой некошеной травой, как вдруг Кирилл затормозил.

– Вот ведь! Совсем забыл! Денег за еду, да заботу оставить бабе Ане забыл!

Кирилл осмотрелся, прикидывая, как бы развернуться на узком месте, потом заглушил мотор.

– Маш, посидите недолго или погуляйте, пока, я добегу, быстрее так, чем разворачиваться, ладно? Я недолго.

Жена молча кивнула, стала отстёгиваться. Кирилл быстрым шагом направился назад. На ходу заглянул в бумажник, прикидывая, сколько отдать за проживание. Да ведь и за лечение подать сколько-то надо. Надо спросить у бабы Ани, какая у них там такса. Уж сколько скажет, специально побольше наличных снял с карты... Возвращаться – плохая примета, надо будет не забыть в зеркало посмотреть...

До деревни было метров двести. Кирилл быстро шел, вдыхая чистый, насыщенный запахами луговых трав и близкой реки воздух. Всё-таки хорошо в деревне! Надо бы домой съездить, маму проведать с сестрой...

У дома бабы Ани батожка в дверях не было, видимо, вернулась уже. Ещё в коридоре Кирилл достал и открыл бумажник, распахнул без стука дверь в квартиру.

– Анна Михайловна, прости дурака! Не из жадности, а просто заторопился на радостях, забыл заглянуть на дорожку, попрощаться да отблагодарить, – говорил он, доставая на ходу деньги и проходя в середину комнаты. Зажав в руке купюры, убрал бумажник в карман брюк и только тогда поднял голову.

В комнате дразняще пахло кофе. На столе стоял открытый ноутбук, а за ним сидела молодая женщина. Когда Кирилл вошел, она оторвалась от экрана и, молча, посмотрела на него. Кирилл удивленно замер, рассматривая гостью. Женщине было не больше тридцати. Лёгкое платье нежного изумрудного цвета подчеркивало тонкую фигуру и оттеняло русые волосы с медным отливом, забранные в косу. Лицо с правильным овалом показалось смутно знакомым. Кирилл всматривался в прямые брови вразлёт, в серые глаза с зелёными крапинками, пытаясь вспомнить, где видел её. Может, на одной из висящих на стене фотографий?

– Добрый день! – улыбнулся он. – А Анны Михайловны дома нет? Мне надо бы деньги ей передать. Вы – её внучка?

Губы женщины тронула ироничная усмешка, глаза чуть сузились. Она всё так же молча повела бровью, отставила чашку в сторону. Во всей её позе, в жестах, были повадки хозяйки, глаза смотрели внимательно и спокойно. Было что-то в этих

глазах... И только глядя на тонкое запястье, на узкую ладонь с длинными пальцами, Кирилл вдруг понял, кто перед ним. И сознание словно раскололось надвое. Одна часть смотрела отрешенно, как бы издали, в то время как вторую словно заволокло туманом, лишая воли и разума.

– Ка... Катерина Степановна, – услышал он свой голос, упавший до просящего шепота, – прости, что побеспокоил... Я вот только... Передать бы Анне Михайловне...

Неловким движением Кирилл положил деньги на стол, чувствуя, что ещё немного, и он начнёт кланяться в пояс под взглядом этих пронизывающих глаз, наделённых непонятной властью. Словно какая-то невидимая сила выдавливала его прочь, и он попятился к двери, до скрипа зубов сжимая челюсти, но не в силах сопротивляться.

Он выскочил на улицу, остановился, вдохнул полной грудью и вдруг рассмеялся в голос. Всё тело была крупная дрожь, в крови словно вскипели пузыри, ударяя хмелем в сердце.

Кирилл быстро шел к машине. Ещё издали он заметил Марию и Настю, ходивших по дороге туда-сюда. Да что же это такое за наваждение, думал он. Что не так с этой странной женщиной? И правда, колдунья! Никогда он не верил ни в телепатию, ни в гипноз, а тут такое! Вертит им, как хочет, что там, в лесу, что здесь. И ни слова ведь не сказала. Да и не хотела она с ним разговаривать. Не сочла нужным. Кто он для неё? Один из многих пришлых. Как приехал, так и уехал. О чём тут говорить? Вот только настроение разом испортилось. Как-то пусто стало в душе, муторно. Настя побежала навстречу, и Кирилл заставил себя улыбнуться, отбросить плохие мысли. Дочка-то ведь вот она, здоровая! Разве не за этим они приехали? А всё остальное не так уж и важно.

– Ну что? Садимся, и поехали?

Дорога шла под уклон, и машина мягко покатила вниз, набирая скорость. Вот уже и поворот на большую дорогу, где поле переходило в перелесок. Мотор вдруг чихнул и заглох, приборная панель погасла. Джип ещё немного проехал накатом и плавно остановился. Кирилл повернул ключ в зажигании, послушал, как щёлкает реле стартера, но дальше дело не пошло.

– Да что ты будешь делать-то?! – беззлобно заворчал он, дёрнул рукоятку замка и вылез из машины.

Он задрал крышку капота, осмотрел все провода, выкрутил и проверил свечи.

– Ну и что могло случиться? Ведь только что у дома нормально завелась, с полтычка...

Пока Кирилл ходил вокруг «Ниссана», Настя и Мария опять выбрались из машины и пошли гулять. Копаясь во внутренностях джипа, Кирилл про себя отметил, что Марию словно подменили. Раньше он уже выслушал бы кучу всего неприятного, а тут тишина и покой. Сюда он вёз избалованную стерву, а обратно забирает тихую, печальную женщину. Ну, тут-то всё понятно. Из того, что он услышал в лесу... Есть с чего задуматься. Да только Бог с ним, дело прошлое. А кто старое помянет... Пройдёт время, страсти улягутся, и всё вернётся на круги своя. Опять истерики, ревность, отчуждение... Вряд ли Мария останется такой покладистой надолго.

Прошуршали шины, Кирилл поднял голову. Недалеко от него остановился на лугу выдавший виды «Опель». Из него вышел молодой мужчина в камуфляже и берсах и направился к Кириллу. Тот вытер руки тряпкой и ответил на сильное, даже жесткое, пожатие крупной, мускулистой ладони.

– Здорово, брат! – голос незнакомца оказался низким, глубоким.

Кирилл внимательно рассмотрел подошедшего. На вид чуть больше тридцати, высокий, широкоплечий, с военной выправкой. Короткая стрижка, крупные черты гладко выбритого лица. Уголки узких губ оттянуты вниз, придавая лицу выражение суровости. А в глазах, так же внимательно смотрящих на Кирилла, застыла затаённая боль.

– Чечня? – спросил Кирилл.

– Таджикистан. – ВДВ?

– ВДВ. Чем помочь, брат?

– Да шут его знает! Вроде как собрались уезжать, всё нормально было, мотор завёлся, как только ключ унюхал, а тут заглох и ни в какую.

– Свечи-то не залил? Продувал?

Мужчина привычным жестом закатал рукава камуфлированной куртки, и стала видна татуировка на запястье – группа крови и резус-фактор. Он наклонился под капот и с явным профессионализмом занялся проверкой.

– Стартер-то реагирует, или вообще тишина?

– Так ты попробуй сам...

Подошли Мария с девочкой. Новый знакомый сдержанно поздоровался с ними, окинув быстрым взглядом чуть прищуренных глаз, забрался за руль и повернул ключ в зажигании. Выждав положенные несколько секунд, двигатель мягко затарахтел. Кирилл только руками развёл. Мужчина ещё раз заглушил и завёл машину, причём видно было, как внимательно вслушивается он в каждый звук. Взгляд больших серо-голубых глаз уходил в себя, только горький излом губ прорезался ещё резче.

– Вроде всё в порядке... Попробуй сам, я тут ещё послушаю.

Кирилл сел за баранку, завёл машину, покачал головой. Потом вылез, подошел к мужчине, подал ему ветошь для рук.

– Ну, не знаю, что это было, но спасибо!

– Да не на чем! Это дорога в Делялевку?

– Да, – ответил Кирилл и вдруг замер, вспоминая, как сам приехал сюда. Некоторое время он внимательно смотрел на мужчину.

– Ты ведь не местный? – спросил наконец. – Подсказал кто?

– А что? – насторожился тот, и Кирилл почувствовал, как он опасно подобрался, словно пружина на взводе.

– Так я сам оттуда еду, – улыбнулся Кирилл, смягчая напряжение. – Дочку лечили.

– А...

– Ты вот что... В лес пойдешь, возьми с собой любую вещь, которую отдать не жалко, – сказал Кирилл.

– Зачем?

– Там поймёшь.

– Ну ладно, бывайте, – мужчина протянул Кириллу руку, коротко пожал.

Он уже подходил к своей машине, когда Кирилл окликнул его снова:

– И ещё... Там ступенька скрипит на крыльце, заменить бы надо.

– Сделаю!

«Опель» вырулил на дорогу, обогнув джип, и неторопливо поехал вперед, обшарашивая колею. Кирилл проводил его глазами.

– Мы уже поедем? – спросила Мария.

– Да, садитесь, теперь поедем, – кивнул задумчиво Кирилл.

На этот раз машина не подвела, и они выехали на асфальт. Кусты и деревья

обступили дорогу с обеих сторон, словно создавая узкий тоннель. Кирилл всё пытался осмыслить то, что произошло за последние пару дней. Может, в лесу он и правда лешего встретил? И русалка в озере живёт? И домовой, который Марию напугал, не привиделся ей? Ведь что-то же было во всём этом странное...

Надо ехать домой. Там мама Таня ждёт, волнуется. Настеньке надо помыться, отдохнуть. На работу уже через пару дней, а он хотел ещё кое-что успеть по дому сделать.

Мария так и не проснулась. На щеке её была заметна дорожка из высохших слёз. Машина работала мягко. Включая поворот, Кирилл глянул в боковое зеркало. Чёрный ворон, описав ещё один круг, взмахнул крыльями и полетел к лесу.

Кирилл смотрел на дорогу, а видел всё так же серые с зеленью глаза. Видение таяло, пропадало. «Вы не переживайте, я за всё заплачу», – вспомнил он свои слова в первый день приезда. «Конечно, кто бы сомневался. Заплатишь».

– Папочка, а хочешь, я песню спою? – спросила Настя.

– Да, конечно, милая, спой.

– Ой, в лесу река Смородинка текла,
Берега круты да чёрная вода.

То не ива к речке ветки наклонила,

Это я её о милости просила.

Ты умой меня, студёная река,

Чтобы снова стала жизнь моя легка,

Унеси тоску-печаль с моей души,

Да припречь под камешком в лесной глуши.

Пусть не гложет больше сердце мне печаль.

Выйду утром рано солнышко встречать.

Как Калинов мост никто взад не пройдёт,

Так меня тоска пусть больше не найдёт.

– Ты где эту песню слышала, Настёна? – удивлённо спросил Кирилл.

– А её тётя пела, пока мы по лесу шли. Она сказала чтоб я запомнила слова, и спела, если тебе грустно станет. Тебе уже не грустно, папа? Я могу спеть ещё раз.

Кирилл бросил взгляд в зеркало на дочку и вздрогнул – в это мгновение глаза девочки смотрели с той же непонятной властью, что и у колдуньи. Но наваждение тут же пропало, и он опять увидел наивные голубые детские глаза. Кирилл почувствовал, как по коже пробежали мурашки, он судорожно сглотнул.

– Папочка, спеть тебе ещё раз? – чистым, высоким голосом спросила Настя.

– Спой, милая, только другую песенку, ладно?

Девочка кивнула, довольная, и запела песню из мультфильма про Чебурашку.

Владимир ПАХОМОВ

ГОРА

ХРОНИКА ОДНОГО ВОСХОЖДЕНИЯ

*Ну как же тебе рассказать, что такое Гора?
Гора- это небо, покрытое камнем и снегом
Ю.Визбор*

За 2 дня и 8 часов до трагедии

Мы стоим перед Горой во время короткой передышки перед первым промежуточным лагерем.

Надсадное, тяжёлое дыхание людей, который час на лыжах преодолевающих крутой подъем, смешивается со свистом низовой метели, почти сразу зализывающей следы. Да- да, не заметающей, а именно зализывающей жадными голодными языками каких- то неведомых животных.

Струйки горячего пота буквально прожигают немые молодые, сильные тела под насквозь пропотевшей одеждой, иногда он зависает на бровях мутными солёными каплями.

На протяжении нескольких часов я вижу только спины впереди идущих. Взял и откинул капюшон куртки и тут же замер, ошеломлённый открывшейся передо мной картиной. Гора оказалась совершенно непохожей на виды открыток с белым конусом на фоне голубого неба, даже совсем не такой, какую я видел на вулканостанции.

Склон обрушился на меня невероятно низким небом, состоящим из снега, камней и пугающе близких облаков. Что- то равнодушно- взирающее и, вместе с тем, угрожающее таилось в глубинах бесчисленных

кулуаров, изрезавших склон и переходящих в каменные гребни, торчащие, как чёрные обломанные резцы огромных злобных хищников.

Мне почудилось, что в свист ветра вплетается едва различимый шепот, вселяющий неясную тревогу, какое- то ничем не объяснимое предчувствие, уже не оставляющее меня впоследствии.

Тогда я еще не понял, что это был голос Горы.

От автора

Эта повесть основана на реальных событиях и исключительно личных впечатлениях автора, принимавшего участие в зимнем восхождении на вулкан Ключевской* (Камчатка) в феврале 1970 года. Описанные в жанре хроники события фрагментарно вошли в повесть А. Димарова «Вершина» (журнал «Знамя» № 5 1986), документальные очерки одного из участников восхождения В. Дахина «Трагедия» 201 и Ю. Берсенева (Записки Географического Общества. Приморский край, 2020).

Многое из уже написанного, несмотря на документальность, показалось мне не совсем точным и отчасти субъективным, граничащим с неприкрытой предвзятостью

. Поэтому возникло желание в хроникально- художественной форме изложить мое собственное видение событий тех далеких лет.

Основой хроники послужил сохранившийся уникальный документ - мой сухой, бесстрастный рассказ , записанный 24 февраля 1970 года (пятьдесят лет назад!) и напечатанный на разбитой пишущей машинке в присутствии свидетелей.

Почему я выбрал ключевым в достаточной степени затертое слово - трагедия? Я надеюсь, уважаемый читатель, вы найдете ответ на этот вопрос, если дочитаете до конца мое видение того незабываемого восхождения.

Двумя неделями ранее

«Зачем люди ходят в горы? Только не потому, что они обожают горы, и уж совсем не потому, что среди них есть и такие, которые предпочитают любоваться горами со смотровых площадок или с живописных зеленых долин, с борта самолета или палубы корабля.

На мой взгляд, есть две группы покорителей гор.

Первая (и самая надежная) - те, кто решил доказать, в первую очередь самому себе, что он сможет ЭТО, одержать победу над собственными страхами и сомнениями, нередко в надежде именно там обрести настоящих, верных друзей.

Впоследствии многие из них заболевают горами - одной из трудноизлечимых болезней души. Один из моих знакомых альпинистов, лежа в больнице после очередной травмы в сердцах изрек:

«Доктор! Если я не смогу ходить в горы- пусть лучше я вообще не смогу ходить !!»

Вторая группа альпинистов - это те, кто пытается (как правило тщетно) доказать любимой девушке, друзьям и просто знакомым, что они не хуже, а даже лучше других, им важно подобным поступком подчеркнуть собственное превосходство.

Именно эти горе- альпинисты часто непредсказуемы и, в большинстве своем, создают проблемы при восхождениях как себе, так и окружающим.

Как правило, они ходят в горы эпизодически, но любят рассказывать об этом в надежде произвести неизгладимое впечатление на окружающих.

Есть еще и третья (неосновная) группа. Это люди с ярко выраженным авантюрным характером. Обычно им хватает одного восхождения как порции постоянно необходимого адреналина.

(Откровения бывалого альпиниста)

«Парня в горы тяни - рискни...»

В.Высоцкий

Хочу представиться: Владимир, студент 4- го курса геологического факультета ДВПИ, город Владивосток. Фамилия моя - Пахомов, может, слышали? Ну, она станет известной значительно позднее, да и то только в определенных кругах.

Студенты конца 60- х... Как мы были непохожи на все последующие поколения! Объединённые в сообщества, связанные интересами и пристрастиями, мы представляли собой целый пласт жизни молодежи, отличавшейся несокрушимой верой в будущее, особой чистотой отношений и дружбой, которую многие пронесли через года.

Мы, как на праздник, шли на все демонстрации (7- го ноября и Первое Мая), «гусарили» (пили дешевое вино, играли в карты) с неудержимым бесшабашным ве-

сельем, пели под гитару песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора и свои студенческие.

Подрабатывали на разгрузке вагонов и грузили корабли, работали по ночам в кочегарках (я даже был делегатом городского слета кочегаров), робко и неумело ухаживали за девчонками. Касаясь последнего, я знал не одного однокурсника, который к 5- тому курсу ни разу не поцеловал девушку!.. Вы можете себе такое представить?

Мы выросли на фильмах и книгах, в которых добро всегда побеждало зло, писали плохие и не совсем плохие стихи и песни, мечтали о дальних странах, но обязательно с возвращением на единственно любимую родину.

Кто бы сказал мне тогда, что через много лет эти строки я буду писать в другой стране...

Обладая весьма заурядной внешностью и тщедушным телосложением, я пытался (и не без успеха) компенсировать данное от природы усиленным занятием спортом : легкая атлетика, лыжи, футбол, бокс, фехтование ! Но кто бы знал, как иногда не хотелось вечером тащиться через дождливый сумеречный город на тренировку.

Конец зимней сессии - и впереди каникулы! Вернувшись с главпочтамта, где отбил родителям лаконичную (что расписывать- то) телеграмму:

«Сессию сдал вылетаю домой», в прекрасном расположении духа я брёл по коридору общежития.

И вдруг, мгновенно отреагировав на легкое похлопывание по плечу: я резко обернулся, кто это меня отвлекает?

- Анатолий?

Мы были едва знакомы – парень учился в параллельной группе, был старше меня и, кажется, руководил группой однокурсников, которые увлекались спелеологией и альпинизмом. Ребят я этих, конечно, знал, но в то время (да и, честно говоря, и впоследствии тоже) это были просто знакомые.

- Привет, Володя! Ты вроде лыжами занимался...

Пытаясь придать внушительность фигуре, тем не менее, сдержанно я ответил:

- Ну, вообще- то первый разряд имею, а что?

В этот же вечер я согласился принять участие в увлекательной прогулке (так мне казалось тогда) по Камчатке в составе группы альпинистов, конечная целью которой- первое в истории зимнее восхождение на высочайший вулкан Евразии – Ключевской (около 4800 метров).

Прошло столько лет, но и сейчас не могу понять, почему я согласился?

Судите сами - с этими ребятами у меня не было даже дружеских отношений, остальных участников группы я вообще не знал.

Мои представления об альпинизме базировались на фильме «Вертикаль», и слова: «страховка», «ледоруб», «крючья» - звучали, как таинственная музыка.

Кроме того, в нашем кругу бытовало устойчиво негативное отношение к туризму вообще да , честно говоря, к спелеологии тоже. Скорее всего, это было проявление моего тяготения к авантюризму, не раз впоследствии проявившегося в сложней-

Я во время лыжного перехода от п. Ключи. Устал

ших жизненных ситуациях.

В мои обязанности входила подготовка лыж, установка креплений, инструктаж и т.д.

Вопросы возникли с самого начала. Мне нужно было поставить на туристические лыжи обычные неутепленные лыжные ботинки на жестких креплениях. Для катания, скоростного бега и прогулок это было весьма приемлемо, но когда я узнал, что группе предстоит пройти по бездорожью километров 80, да с грузом, да при минус 30, я как-то засомневался что ли...

Но зная, что руководители –люди опытные, я быстро отогнал копошащиеся в душе сомнения.

Меня также не то чтобы насторожило, скорее удивило, что никто не спросил о наличии у меня соответствующей одежды и обуви.

Как оказалось впоследствии, все мои сомнения и опасения были не напрасны.

8 дней и 2 часа до трагедии

Аэропорт «Озерные Ключи» город Владивосток.

Здесь я впервые встретился со всей группой, весьма разношерстной как по составу, так и по возрасту.

Трое ребят с нашего курса: Анатолий Скригитиль, Виктор Дахин и Володя Берсенев – уже имели опыт восхождений, в том числе(правда, летом) и на Ключевской вулкан.

Сын известнейшего геолога, будущего доктора наук и автора тома «Геология СССР. Приморский край », Володя Берсенев из всего нашего курса был самым одаренным, он с завидной легкостью разгрызал самый твердый гранит науки, нередко приводя в замешательство, а иногда и просто перебивая преподавателей на лекциях.

На базе серьезного увлечения альпинизмом и спелеологией Володе, безусловно обладавшему качествами лидера, удалось объединить группу единомышленников и, как мне тогда казалось, друзей.

Но уже после моего первого и, в достаточной мере, тесного общения, я убедился в справедливости старого, как мир, постулата: «В любого вида дружбе – дружит только один, а второй позволяет с собой дружить».

Говорить Берсенев старался весомо, ломающимся баском и, держась с заметным оттенком превосходства, что можно было бы легко списать на юношеский максимализм, если бы не выраженную (безусловно унаследованную от отца) нетерпимость к любому мнению, кроме его собственного.

Виктор Дахин – невысокий, темноволосый, немногословный и очень надежный. Не обладая заметными (в том числе и организаторскими) способностями, находился в тени своих кумиров – Володи Берсенева и Анатолия Скригитиля, был неременным участником всех походов, посещения пещер и восхождений.

Руководителем группы был и самый опытный в ее составе Виктор Якубенко.

Прочно и видимо давно закрепившееся за ним прозвище – Капитан, как нельзя лучше подходило к его ладной, невысокой и с первого взгляда внушающей надежность фигуре.

Умные, проницательные глаза, светлые, с выраженными залысинами волосы.

Мы сразу почувствовали взаимную симпатию, которую сохранили после трагических событий на протяжении нескольких лет.

Анатолий Скригитиль - второй руководитель группы. Фанат альпинизма в самом лучшем смысле. Невысокого роста, худощавый, он производил впечатление атлета, состоящего из костей и стальных мышц. Узкое лицо, нередко с заметной черной щетиной, монголовидным разрезом щепких, изучающих собеседника темных глаз.

Валерий Коробков - моторист, водолаз, невысокий, кряжистый, немногословный и, в целом, надежный, как весь Приморский флот.

Сергея Лобанов - кинооператор, который должен был снять фильм о восхождении для Приморского телевидения, открытый для общения, неунывающий весельчак, несомненно, душа любой компании. Он, как и я, не имел никакого понятия об альпинизме, но принять участие в экспедиции согласился сразу, без уговоров.

Необычные и иногда суровые обстоятельства часто обнажают истинную суть таких людей, срывая тщательно оберегаемую маску (что мне не раз впоследствии приходилось наблюдать), но Сергею в полной мере удалось сохранить все лучшие свои качества в ходе экспедиции.

Последним участником группы был лейтенант Советской армии Павел Павлов. Не скажу, что он мне сразу не понравился, но что-то было в нем какое-то не настоящее что ли? Это очень трудно порой выразить словами, но его мешковатая (ну, не для армии) фигура, подчас неуловимый взгляд глубоко посаженных глаз за поблескивающими стеклами очков,

почти всегда полунасмешливый тенорок, создавали именно это впечатление.

И оно не оказалось ошибочным....

Примечательно, что никто из всей группы не занимался спортом регулярно: они все, конечно, считали достаточно редкие походы в пещеры и еще более редкие восхождения самым главным спортом и всегда относились к людям, непричастным к этому, с оттенком снисходительного превосходства.

Ровно 6 дней до трагедии

Провинциальная гостиница в поселке Ключи. Номер (комната) на 4 кровати, все удобства в конце коридора, но в кафе, обставленном со спартанской роскошью и гордо именуемом рестораном, еда оказалась на удивление вкусной и по вполне приемлемым ценам.

Весь день и до позднего вечера занимались подгонкой снаряжения, укладкой рюкзаков.

Разумеется, храня молчание (мой номер во втором десятке), я с недоумением и скрытой тревогой отметил, что вся подготовка к восхождению носила (как бы это помягче выразиться) беспорядочно-торопливый характер. Об этом красноречиво свидетельствовало следующее:

- в оставленных лишних вещах оказались кеды!!!! (это зимой-то) и множество

Первый привал я - третий слева

других мелких, абсолютно ненужных предметов быта, захваченных с собой как бы впопыхах!

- часть основного снаряжения: ледорубы, трикони* - были получены в последний момент в Петропавловске;

- подробности маршрута до Ключевской (около 75 километров бездорожья) узнали только сегодня вечером;

- туристические легкие спальные мешки, конечно, годились для лыжного похода, но для восхождения при температуре ниже минус 30 (я еще не мог знать, что температура наверху будет минус 50 и с сильным ветром) вряд ли были пригодны.

Правда, как я узнал позже, спальный мешок Берсенева был пуховый.

- В одежде преобладали брезентовые штормовки и свитера (у многих не шерстяные), и у некоторых - куртки на искусственном меху;

- рации не было.

Осознание этого произошло позже. Отсутствие серьезной подготовки к экспедиции было непростительно. Горы наказывают за подобное легкомыслие. Нам предстояло понять и пережить это очень скоро.

Из положительного следует отметить:

- лицевые маски и удобные бахилы;

- очень хороший (по тем временам) набор продуктов: кофе, колбаса, печенье, гущенное молоко.;

- и, безусловно, позитивный общий настрой всех участников экспедиции.

3 дня и 6 часов до трагедии

Пришли на вулканостанцию Апахончич у подножия Горы. Добротный бревенчатый дом, несколько полузаметенных снегом сараев. Хозяева- вулканолог Фешин и рабочий, он же каюр, встретили нас дружелюбно, а собаки упряжки веселым дружным лаем.

После трехдневного лыжного перехода навалившаяся свинцовая усталость валила с ног, и, вежливо отказавшись от предложенной (столь необходимой) бани, повалились спать на наспех постеленных на полу спальных мешках.

В сумерках из окон вулканостанции стали ближе и лучше различимы выбросы раскаленных вулканических бомб*, напоминающих красные ракеты – сигналы к атаке.

Просыпаясь ночью, я видел прямо перед собой на стене вспыхивающие надписи, озаряющие спящих на полу товарищей неверным красным светом:

«Внимание ! Землетрясение!»

И я да, наверное, не только я чувствовал какое- то волнение, смешанное с беспокойством и предчувствием встречи с чем- то новым.

« Как солдат перед боем», - подумал я и заснул.

Особенно вымотал последний переход после ночевки в дымной, рассчитанной на трех человек землянке при полном отсутствии дров (к ночи выяснилось, что проржавевшая труба была полностью забита снегом).

Я и Берсенев ночевали на снегу перед землянкой в найденных нами грязных и невероятно вонючих кукулях * с комками свалявшейся шерсти внутри.

Так что утром мы оба имели весьма непрезентабельный и даже несколько комичный вид, что вызвало при нашем появлении дружный хохот и подняло настроение после плохого ночлега.

В первый же день стало понятно, что ходить (именно ходить, а не передви-

гаться) на лыжах практически никто не умеет. Конечно, сказалось отсутствие навыков лыжных походов, но, честно говоря, я ожидал большего от Берсенева и Дахина- опытных туристов, которые уставали чаще, чем я мог предположить.

Водолаз, Оператор и Лейтенант, по большому счету, были просто обузой на этом этапе экспедиции.

Капитан и Анатолий Скригитиль преодолевали трудности передвижения почти исключительно на волевых качествах, безмолвно подавая пример остальным.

Добавьте к этому рыхлый, проваливающийся выше колена под тяжестью рюкзаков снег, пугающе- безлюдные лавовые поля, равнодушное однообразие которых подчеркивалось редкими, причудливо изогнутыми, низко склонившимися, как в безмолвном поклоне, корявыми березками.

«Как на заброшенном кладбище», - подумал я однажды, прокладывая в порядке очередности (в силу опытности мне приходилось это делать чаще других) лыжню.

К великому сожалению, пришлось также признать, что примуса «Шмель» (не самая удачная копия австрийских «Febus») оказались капризными и нередко неожиданно давали «факелы».

Зато поздно вечером и ночью мы наблюдали картину, забыть которую просто невозможно! Горизонт в направлении нашего движения, являл собой багровое зарево, разрываемое яркими фонтанами огня, со звуками, напоминающими орудийную канонаду.

Позже оказалось, что нам посчастливилось наблюдать извержение вулкана Безымянный. «Как линия фронта в военном кино», - подумал я, и вся наша группа вдруг представилась мне разведотрядом, выполняющим важное секретное задание.

Несмотря на все трудности перехода, мы не то чтобы сдружились, а как бы притерлись друг к другу, незаметно сглаживая шероховатости и трения, неизбежные для любого сообщества различных по характеру людей волею, судеб ограниченных тесными пространственно- временными рамками общения.

Уже не резали слух и даже казались забавными казарменные шутки и ветхозаветные анекдоты Лейтенанта, давно махнувшего рукой на критику.

Капитан оказался знатоком японской поэзии.

Запомнилось:

«Глядеть на пламя свечи со старым другом -
Какая награда для усталого путника...»

Или

«Снег. Равнины.

Только крик тишины...»

И, тем не менее, уже не в первый для себя раз я обнаружил, что контактные виды спорта помогли мне безошибочно определять реакцию и даже внутренний настрой окружающих людей.

Вулканолог Фешин - слева

Вперед и вверх, я - последний

К тому времени я уже не раз ночевал в лесу один возле костра, слушая и мысленно (а иногда и вслух)общаясь с окружающей природой.

Может быть, именно это позволило мне впоследствии слышать голос Горы ?

Разношерстность состава группы, которую я заметил еще в аэропорту Владивостока, четко выявилась во время похода и только укрепила мое мнение о том, что команды в полном понимании этого слова нет и, видимо, не будет.

Меня, Оператора и Лейтенанта (да и Капитана, по большому счету, тоже) совершенно не интересовали разговоры о пещерах, а Дахин и Берсенев вообще общались особняком. Берсенев явно демонстрировал нарочитое безразличие по поводу утраты привычной ему роли лидера. А может, из - за сильного переутомления, связанного с предшествующей нашей экспедицией (по словам Дахина), ему, действительно, было все равно?

Явный дискомфорт ощущал и Лейтенант, не находивший общих тем для разговора.

Капитан , по мере возможности, пытался изменить микроклимат в коллективе, но без особых успехов.

Анатолий, по причине высокой требовательности к себе, немногословности и некоторой замкнутости характера, вообще не тянул на роль лидера.

2 дня и 7 часов до трагедии

Высота 2200 м. Первый промежуточный лагерь. Слабая низовая метель.

Накануне вечером я случайно услышал обрывки разговора между Анатолием и Капитаном. Первый (мне показалось) настаивал на дне отдыха, но Капитан был непреклонен. Аргументов я, к сожалению, не расслышал.

Больше никто тему возможного отдыха не затрагивал.

Ранним утром, выйдя из дома и с наслаждением вдохнув морозный воздух, я впервые увидел Гору. Она показалась мне не такой красивой, как на открытках или фотографиях. Но ослепительно белый, почти правильный конус с теряющейся в облаках вершиной на фоне голубого неба, рассеянного лучами утреннего солнца, выглядел впечатляюще.

После раннего подъема и завтрака, почти целый день шли на лыжах вверх и вверх, выбирая места, по мере возможности без снежных наддувов.

Все устали: сказывался вес рюкзаков и отсутствие навыков подъема на лыжах по склону, что требовало больших усилий при работе палками. Заметно отставали Дахин, Оператор и Берсенев.

Единственной пилой- ножовкой, предусмотрительно купленной Дахиным во Владивостоке, выпилили в плотном снегу площадку и установили две палатки.

Рация, которую мы взяли на вулканостанции, не работала или мы просто не смогли ее настроить, но это как- то не отразилось на общем настроении.

В сгущающихся сумерках Гора сквозь снег выглядела еще более неприветли-

во, шевеля бровями низких облаков, несмотря на то, что метель сгладила морщины кулуаров.

Уже заметно ощутимый подземный гул напоминал временами рычание огромного зверя.

1 день и 8 часов до трагедии.

*Вот это - для мужчин,
Рюкзак и ледоруб...
Ю.Визбор*

7 часов утра. Подъем, завтрак. Холодно, пронизывающий ветер со снегом.

Пробовали продолжить подъем на лыжах, но через 2 часа, изрядно намучившись и устав, выбрали, на наш взгляд, приметный скальный гребень и оставили лыжи, составив их в пирамиду.

Оглянувшись в последний раз, я вдруг ощутил с вновь проснувшимся чувством неосознанной тревоги, что пирамида напоминает надгробный памятник.

Старались придерживаться скал, так как подъем по фирну* давался значительно труднее, шли в целом дружно, на этот раз без отстающих.

Оператор, постоянно ругая камеру и пленку, снимал общий и крупный план.

На высоте примерно 3300 метров Капитан решил поставить штурмовой лагерь, чтобы утром налегке завершить восхождение.

Как выяснилось позже, были сразу совершены две роковые ошибки.

Первая: еще было достаточно времени подняться выше и установить лагерь на высоте около 3700 – 3900 метров.

Более опытные участники группы, конечно, понимали это, но возражений не последовало. Позднее по этому поводу Капитан давал следующие объяснения:

- нужно было дать больше времени для отдыха перед штурмом; ухудшалась погода, с ней наступала плохая видимость.

Вторая ошибка: поставить лагерь в глубоком закрытом кулуаре на фоне, как нам казалось сквозь снег, весьма приметного скального гребня.

Температура воздуха была явно ниже, чем в первом лагере, что в сочетании с ветром и колючим, слепящим снегом не создавали минимально комфортных условий.

Потратив массу времени и сил, выпилили в фирне высокую П-образную стенку, за которой поставили две палатки (высота стенки тоже позже сыграла с нами злую шутку).

Берсенов и Дахин (все заметнее общаясь особняком), несмотря на запрещение Капитана вырыли для себя пещеру и (забегая вперед) ночевали в ней. По их словам, в пещере было теплее и уютнее, чем в палатке.

Еще в первом лагере было решено, что я не пойду на штурм вершины.

Как выяснилось, это касалось и Оператора, так как камера и пленка при этой низкой температуре уже не работали.

Тем неожиданнее оказался для меня разговор с Капитаном сразу после обеда. После дежурных вопросов о самочувствии, он вдруг спросил:

«А есть желание подняться на горку, а ?..»

И опять, я уверен, присущий мне авантюризм перевесил здравый смысл и элементарное чувство самосохранения.

Сергей, в отличие от меня, колебался. Последние сомнения его были развеяны, приведенной Капитаном цитатой из кодекса Самурая:

«Человек не достигший цели - не достоин права жить!»

Я до сих пор мучаюсь, вопросами: почему он, альпинист со стажем, за плечами которого был Кавказ и Тянь-Шань, предложил это нам, не имеющим даже малейшего опыта? Почему мы все - таки согласились? Почему опять же никто не возразил? Это была обоюдная ошибка, как одно из звеньев в длинной цепи событий, неотвратимо приближавших трагедию.

Много позже я узнал, что Капитан два раза руководил группами альпинистов (с несчастными случаями со смертельным исходом), был оба раза дисквалифицирован, как говорится, — «до нуля» и снова и снова покорял вершины, подымаясь по ступеням спортивной лестницы.

Большую часть вечера он инструктировал нас, как вести себя на ледовом склоне, пользоваться ледорубом, многократно учил делать грудную обвязку страховочной веревки.

Перед сном он объявил всем, что и мы включены в группу на восхождение.

Не спали долго; шутили, смеялись, вспоминая забавные случаи. Вынужден признаться, что в глубине души я, конечно же, мечтал о восхождении, но сам никогда бы не решился попросить об этом.

И вот завтра я первый раз пойду в связке с ледорубом и рюкзаком! Невероятно!

Я боялся только одного - стать помехой ребятам, чтобы завершить восхождение.

Исчезли все тревожные мысли и я (наверное, с улыбкой на лице) уснул.

Проснулся я ещё затемно, от холода попытался подтянуть ближе колени - не вышло. Судя по всему остальные уже не спали тоже, но лежали молча, дожидаясь утра.

9 часов до трагедии

Здесь вам не равнина...

В.Высоцкий

7 часов утра. Предрассветные сумерки, облачно, очень холодно.

После плотного завтрака (омлет с колбасой, кофе, печенье), Капитан приказал надеть всё самое теплое, переобуться в трикони*.

По непонятным причинам Берсенев оставил в пещере свитер толстый шерстяной и лыжные брюки, которые почему-то спрятал в спальный мешок. Куртку с заячьим мехом положил под спальный мешок.

Было ли это самоуверенностью «бывалого» альпиниста или присущая ему особенность полагаться только на свое мнение - трудно сказать.

Попробую высказать еще одну причину: неадекватность этого поведения можно объяснить уже проявившимися симптомами горной болезни - ослабленностью организма и сильнейшим переутомлением.

Впоследствии оказалось, что он не хотел ехать в эту экспедицию, но решил (по его словам) не подводить товарищей.

По тем же непонятным причинам выполнение приказа Капитана (надеть самое теплое) никто не проконтролировал.

Перед самым подъемом я хвастливо - торжествующе помахал ледорубом Горе, и она ответила, сбросив шапку-снеговик с плоского скального останца, будто говоря:

«Ну это мы еще посмотрим...».

Прошли примерно 200 м по фирну до границы сплошного натечного льда. Крутизна склона заметно увеличилась до 40-45 градусов.

Капитан приказал всем надеть кошки* и образовал связки*:

Первая: Капитан, Валерий (Водолаз), Оператор.

Вторая: Анатолий, Дахин.

Третья: Берсенов, я и Лейтенант.

Я нёс рюкзак, в котором были термос с кофе, 3 пачки печенья, два круга колбасы, конфеты. Вторым рюкзаком нёс Анатолий с термосом кофе, продуктами и аптечкой.

Шли молча, да и сильный мороз, предположительно около – 50С, в сочетании со слабым, но устойчивым ветром не позволял даже на минуту поднять с лица уже обледенелые маски. К тому же, подземный гул становился все сильнее, заглушая все остальные звуки.

Сначала темп движения замедлила первая связка: у Оператора возникли проблемы с дыханием, как следствие гипоксии* - горной болезни, затем остановилась вторая связка.

Позже я узнал, что Дахин, потеряв концентрацию движений, выронил ледоруб, вызвав крайнее раздражение Анатолия.

Эти две незапланированные остановки дорого нам обошлись, и если Оператор впервые столкнулся с гипоксией, то в случае с Дахиным, уже имевшим опыт восхождений, сказалась просто слабая (в этот раз) физическая подготовка. Не зря Сережа сомневался – идти или нет, а Дахин и в лыжном переходе все время отставал (силенок не хватало, наверное).

Наша связка тоже продвигалась медленнее, потому что Берсенов поднимался по всем правилам подъема по ледяному склону: тщательно рубил ступени, медленно и надежно переставлял ноги.

Мне даже показалось, что во всех его движениях был какой-то автоматизм, выраженный в вызывающей раздражение повторяющейся тщательности всех приемов восхождения.

«Но так, наверное, и надо»- подумал я.

Во время короткого привала (по глотку кофе) Капитан с плохо скрытой тревогой сказал, что график восхождения нарушен и опоздание составляет минимум 3 часа.

7 часов до трагедии

После привала первая связка пошла значительно быстрее и вскоре скрылась из виду, достигла вершины, установила вымпел и сразу же начала спуск. Мы в это время находились на расстоянии 250- 300 метров от вершины вниз по склону.

Дышать стало заметно труднее, разряженный ледяной воздух, проникая сквозь почти полностью покрытую льдом шерсть маски, вдруг стал вязким, лишь с частыми глотками поступая в легкие, руки и ноги внезапно стали тяжелыми и даже как бы чужими, но наши связки, стуча ледорубами, упрямо продвигались к вершине.

Берсенов во время перехода от п.Ключи

Собрав всех, Капитан объявил о немедленном спуске в лагерь. Все кроме Берсенева (который безучастно, по крайней мере с виду, выслушал это) запротестовали: было обидно до злых слез, и даже заверения, что восхождение будет зачтено всем, никакого утешения не принесли и казались ненужными.

4 часа 30 минут до трагедии

Спустившись метров на 150, сквозь внезапно разорванные облака с пугающей неожиданностью увидели неестественно багровое солнце, предзакатные лучи которого ярко осветили ранее скрытый за облаками и снежной пеленой склон.

То, что открылось, повергло многих из нас в состояние близкое к шоку - никто не увидел лагеря! Вместо одного скального гребня, возле которого мы поставили лагерь и которого, как нам казалось, мы придерживались при подъеме, вдруг увидели несколько гребней, удивительно похожих друг на друга.

В неровном свете стремительно падающего за горизонт солнца черные скалы на мгновение сложились в дьявольскую ухмылку и сквозь гул я явственно услышал издевательский шепот Горы :

«Ну и что теперь?..»

Только сейчас мы осознали, какую ошибку допустили, не оставив никого в лагере. Капитан уверенным (как показалось, больше для самого себя) жестом указал направление спуска.

1 час 20 минут до трагедии

Все три связки шли не друг за другом, а параллельно, в пределах видимости.

На первый взгляд, ничего не изменилось, но даже на расстоянии в движении связок ощущалась какая-то суетливая нервозность, неуверенность что ли...

Берсенов вдруг стал чаще останавливаться и дергать страховку, срывая меня и Лейтенанта, что стало вызывать сначала глухую, а потом и неприкрытую злость, как будто именно он был виноват в том, что я так и не был на вершине.

Тогда я думал, что все еще впереди, и не мог знать, что это была первая и последняя ГОРА в моей жизни!

После очередного рывка я вдруг услышал изменившийся до неузнаваемости голос Берсенева и, подобравшись, увидел, что ледоруб он не держит и тот просто висит на петле. Более того - рука была без рукавицы, которая висела на резинке, и цвет руки напоминал стеариновую свечку. Он с трудом стоял на ногах и, кажется, даже не заметил, что я уже возле него.

Лейтенант дернул меня за веревку, как бы спрашивая, что случилось?

Я отчаянно замахал руками и закричал, пытаюсь перекрыть гул и шум ветра.

Капитан подошел необычайно быстро. Он попытался напоить Берсенева кофе из термоса, тот сделал один глоток, потом кофе потекло по подбородку.

Не тратя времени на разговоры, связки были перегруппированы следующим образом: Я, Водолаз и Оператор- Дахин, Лейтенант- Капитан, Берсенов и Анатолий.

Капитан приказал продолжать спуск по упрощенно - ускоренной схеме:

Страховка одним ледорубом - другие скользят вниз на длину связки. Это дало ощутимые результаты - натечный лед остался только на отдельных участках. Значит до лагеря оставалось не более, чем 250 метров, и забрезжила наде-

жда на благоприятный исход восхождения .

Трагедия

Позже я узнал , что в это время у Берсенева начался бессвязный бред, он путал имена товарищей, беспорядочно - конвульсивно шевелил руками и через короткое время потерял сознание, бессильно обвиснув на руках Анатолия и Капитана.

Я тогда не знал, что это были признаки тяжелой высокогорной гипоксии, которые уже проявлялись у него во время летнего восхождения.

Знали ли об этом руководители восхождения? Кто теперь скажет...

Сильнейшее переутомление(о котором я упоминал ранее) сыграло свою зловещую роль, многократно усиливая болезнь.

Напрасные (да и совершенно ненужные в таких случаях) попытки напоить его кофе, растереть лицо руками, встряхнуть, растормошить - заведомо успеха иметь не могли и свидетельствовали не только о нашей растерянности, но и растерянности руководителей.

Единственным средством спасения в таких случаях, был немедленный спуск вниз, хотя бы метров на 300, тепло, горячий чай...

А между тем невидимый бесстрастный метроном неумолимого времени отсчитывал последние, так необходимые всем драгоценные минуты !!

В это время две связки, еще не зная и конечно не осознавая случившегося, в оцепенении стояли у кромки обширного фирнового поля.

Смертельно- ледяное дыхание Горы охватывало стоящих , проникая под одежду и маски, пытаясь парализовать волю к сопротивлению и оставляя лишь чувство нестерпимого холода., связывавшего в мертвый узел длинную цепь совершенных ошибок.

Наступила ночь. В горах она наступает внезапно, окутывая вязкой темнотой все, что, кажется, еще минуту назад было различимым, и в этот момент этот переход от света к тьме был просто ошеломляющим.

Собрав всех, Капитан глухим, но твердым голосом объявил, что ночевать будем на склоне. Мне вдруг показалось , что груз ответственности за жизни доверившихся ему людей не пригнул, а как бы, наоборот, приподнял его над всеми.

Я, Дахин, Водолаз и Оператор по его отрывистому приказу лихорадочно рубили ледорубами пещеру, мешая друг другу выгребали фирн руками. Наше прерывистое дыхание тонуло в гуле и свисте ветра, пот застыл на сильнейшем морозе.

В пещеру (собственно она больше напоминала плохо вырытую медвежью берлогу или просто глубокую нору) втащили уже не подающего признаков жизни

Здесь оставили тело Берсенева

ни Берсенева.

Потом попеременно вползли Капитан, Анатолий, Лейтенант, Оператор и я.

При тусклом свете единственного фонарика вскрыли аптечку. Это была стандартная аптечка общего пользования: бинты, вата, йод, какие-то таблетки... и даже (как говорили позже «диванные» альпинисты) если бы там была камфора, андреналин или еще что-нибудь внутривенное, кто бы из нас, не имея ни малейшего понятия, мог бы все это использовать?

Изо всех сил все пытались отогреть медленно остывающее тело Володи Берсенева.

Сейчас я уверен, что тогда ему помочь было уже просто невозможно, и (как это ни жестоко говорить) нужно было думать о максимальной возможности спасения остальных.

Лучше было бы для всех, если бы на вершину пошли только две связки:

Капитан, Анатолий, Лейтенант и Водолаз.

Трагедии можно было бы избежать, но для этого нужно было бы согласие Берсенева, которое он, конечно же, не дал бы.

Для него трагедия уже закончилась, для других (пока еще не подозревающих об этом) ее кошмар только начинался.

Капитан, Анатолий и Лейтенант пытались делать искусственное дыхание «рот в рот». Я безуспешно растирал оголенную грудь и слушал – поступает ли воздух в легкие. Примерно через полчаса я сказал, что воздух в легкие не поступает. Это были первые за все время слова, произнесенные, в гнетущей тишине пещеры.

Почти час Капитан и Анатолий, все еще не веря случившемуся, продолжали дышать в рот к тому времени уже остывшему товарищу.

Как – то очень буднично, устало и без выражения Капитан произнес:

– Толик, он мертв. – оператор коротко придушенно вскрикнул.

Чувство, испытанное мною при этих словах, я больше не испытывал никогда. Ближе всего это было к ощущению отстраненности, как будто все это происходит не со мной, и какому-то непонятному, граничащему с постыдностью (потому что ни ощущения безвозвратной потери, ни страха не было) облегчению, как после неприятной и тяжелой работы.

Вынужден заметить, что это состояние, как будто все чувства, казалось, навсегда замерзли, сохранялось еще несколько дней и, по-видимому, не только у меня.

А между тем Водолаз и Дахин спали рядом в отдельно вырытой пещере и еще не знали, что нас стало на одного меньше.

Мы лежали молча, было темно и страшно холодно. Спали ли мы – не знаю, скорее это было краткое забытие при полной потере чувства времени.

Все ждали рассвета в какой-то безумной надежде, что утром все будет по-другому, и что случившееся не более, чем дурной, кошмарный сон.

И вдруг, во время очередного тяжелого забытия, я услышал шепот, да-да шепот, и сразу узнал его – это был шелестящий, схожий с пением поземки голос Горы: «Ему уже не помочь... срежь кошки... срежь кошки...».

И я, практически не отдавая отчета себе и даже не понимая зачем, сделал это.

9 часов после трагедии

Рассвело, но ясное морозное утро, вопреки тайным ожиданиям, только подчеркнуло произошедшее, благодаря вывешенным Горой разорванными траурными

лентами черных скал на фоне слепящей белизны склона, местами подсвеченного розовыми бликами первых лучей солнца.

Дахин, все еще не веря случившемуся, молча стоял над телом друга, и слезы, скатившиеся на штормовку, почему-то не замерзали.

Для еще крутого спуска, но уже по скальным гребням снова перегруппировали связки. Дахин, Оператор, Лейтенант. Я и Водолаз. Капитан и Анатолий с телом Берсенева.

Наша связка первой достигла лагеря. Палатки были почти полностью заметены, вход в пещеру завален снегом. Подав сигналы другим группам, принялись откапывать палатки. Вскоре подошли все. Несмотря на трагизм ситуации, на миг показалось, что мы вернулись домой после долгого отсутствия.

Еще при спуске я отметил, что у Водолаза тоже отсутствуют кошки на ногах. На мой вопрос он ответил, что ночью при спуске у него на правой ноге лопнул ремень, а левую он снял уже в пещере. Мы оба еще не знали, что это спасло наши ноги от сильного обморожения.

Согрели чай, кофе, какой-то сборный суп, который съели, не чувствуя вкуса.

Я в этот раз спал в пещере и должен признать ее более комфортные условия.

Тело Берсенева лежало возле палатки – чужое, безмолвное, холодное, с белым лицом, на котором не таяли редкие снежинки.

20 часов после трагедии

Через час, когда стали снимать трикони, несмотря на продолжающуюся отупелость сознания, поняли, что пришла новая беда – ноги у всех были обморожены.

Всю ночь пытались их согреть и растереть, били сложенным шнуром для восстановления чувствительности.

Я лежал в пещере и в полузабытье, слушал страшную ледяную сказку Горы, которую пыталась рассказать разыгравшаяся к ночи метель.

Из ребят мало кому удалось сомкнуть глаза: пришла тупая, изматывающая, ни на минуту не прекращающаяся боль обмороженных ног.

Стонов не было слышно, но эта боль, как будто пропитав весь окружающий воздух, ощущалась почти физически, вместе с чувством бессилия помочь друг другу, казалось, выжигала затуманенное сознание.

1 день и 14 часов после трагедии

К утру ноги у всех, кроме меня и Водолаза, потемнели и распухли.

Переобуться в лыжные ботинки, с большим трудом отогреть, сравнительно легко смогли только мы, Капитану и Анатолию пришлось их разрезать.

Настроение у всех было подавленное, боль не ушла, но с наступлением дня ослабла, как бы обещая вернуться вечером.

Поразительно, но никто за это время ни разу не заговорил про Берсенева, старательно избегая не только разговоров, но и отводя взгляды от него. А между тем, он, еще два дня назад живой, лежал здесь, рядом, уже припорошенный метелью.

Часть снаряжения (ледорубы, трикони, кошки) взяли с собой – все остальное пришлось бросить. Спуск к лыжной пирамиде и первому лагерю занял часа три.

Почему не остался сопровождать тело Берсенева вниз его лучший друг – Дахин, хотя он знал, что Капитан и Анатолий пострадали больше всех??

Может, на пределе сил и чувств осталась просто покорность судьбе??

Еще через два часа пришли изможденные Анатолий и Капитан с телом Берсенева, обмотанным штормовкою.

Капитан выразил возмущение, тем что группа ждала их, вместо того чтобы продолжать спуск, и приказал всем немедленно идти на вулканостанцию, а лично мне добраться туда, как можно раньше.

Выбрашись на кулуар, я, не разбирая пути, закладывая вираж за виражом, помчался вниз. Вдруг, почувствовав резкий удар и пролетев в облаке снежной пыли метров пятнадцать, я с трудом поднялся. Обе лыжи были разбиты вдребезги.

По-видимому, из-за слепящей белизны склона и выжатых морозным ветром слез я не разглядел припорошенный снегом скальный выступ. Испытывая легкое головокружение, я вдруг отчетливо увидел, что кулуары - морщины Горы сложились в ироничную ухмылку :

«Эх ты... Ну хоть им помоги, что ли....»

*Одним часом ранее
И не друг и не враг, а так...
В.Высоцкий*

Перед началом спуска состоялся разговор Анатолия с Лейтенантом и, судя по жестике, на самых повышенных тонах. Много позже я узнал, что Анатолий спрашивал его, как он – альпинист со стажем - не заметил состояния Берсенева и симптомы горной болезни.

Реакция Лейтенанта оказалась, по моему мнению, предсказуемой.. Я услышал только обрывки фраз в истеричном тоне: «Да идите вы все! Я подышать с вами здесь не собираюсь ...»

И он, теряя равновесие и падая, в одиночку начал спуск вниз...

1 день 15 часов после трагедии

Отряхнувшись и протерев слезящиеся от белизны глаза, я увидел далеко внизу черные точки спускающихся товарищей. Вверх по склону были отчетливо видны две фигуры в некотором отдалении друг от друга.

Не без труда поднявшись, я узнал в первой фигуре Капитана, который на коленях тянул за собой привязанное к лыжам тело Берсенева.

Подошел Анатолий – и я не узнал моего институтского знакомого!

На меня глядело чужое, осунувшееся лицо с черной щетиной, и лишь в глубоко ввалившихся глазах светилась неукротимая воля к жизни. Таким он навсегда остался в моей памяти.

Оба они как будто даже не удивились моему появлению.

Размотав веревку, Капитан глухо и как-то буднично сказал:

- Впрягайся, Володя ...

Совершенно нехоти (несмотря на весь трагизм ситуации) вспомнилась картина Перова «Тройка», только в качестве коренника выступал я.

Тело Берсенева оказалось на удивление тяжелым (а может, это казалось мне?). Оглядываясь, я видел искаженные болью и страданием лица товарищей и, изо всех сил стискивая зубы, чтобы не заплакать, твердил:

- Я тоже стану таким.

Наконец мы дошли до огромной вулканической бомбы возле конуса Стелле-

ра*, где останавливались по пути вверх на короткий привал.

Было решено оставить Берсенева здесь, а мне как можно быстрее двигаться к вулканостанции.

- Ну а мы уж как-нибудь за тобой, да Толик?» - с невеселой усмешкой сказал Капитан. Тот молча кивнул.

20 минут спустя

Из начавшейся метели прямо на меня вылетела собачья упряжка с вулканологом Фешиным. Мы обнялись, как друзья после долгой разлуки.

Я сказал ему, где ребята.

Помедлив, он спросил:

- Он тоже там?

Потом сказал, что на вулканостанцию пришли Дахин, Водолаз и Оператор. Где Лейтенант - они не знают.

Я пошел своим ходом, и вскоре мимо меня с лаем пронеслись нарты с Капитаном и Анатолием.

Темнело. Ветер закручивал снежные хлопья в вихри, мгновенно рассыпающиеся и возникающие снова.

Я уверенно шел по нартовому следу к вулканостанции.

1 час спустя

Уже на подходе навстречу мне снова выехал Валентин Фешин - искать Лейтенанта. Через час он вернулся. Пропавшего нашли собаки, резко свернув в сторону и залаяв.

Лейтенант сидел, прислонившись к небольшой вулканической бомбе, и то ли спал, то ли плакал.

Позже Водолаз рассказал мне, что слышал, как Капитан пустым голосом полуспросил Анатолия:

- Кажется, еще один, да?

2 дня после трагедии

Вулканостанция Апахончич. Ночь. Метель.

За два дня первый раз неохотно, но плотно подкрепились горячей пищей, ребята пытались забыться в тяжелом тревожном сне на полу, подстелив все, что нашлось.

Неровное дыхание смешивалось с приглушенными стонами, боль, как и обещала - вернулась..

С особым чувством вспоминаю атмосферу той ночи, берущее за душу чувство единения, как будто трагедия сплотила нас, сделала ближе.

Чем мы могли поддержать друг друга тогда и что сделать для этого? Подать кружку воды, поправить изголовье с ободряющим взглядом и скупым вполголоса дружеским словом...

За заметенным снегом окном далекое зарево с пушечной канонадой, вспыхивающая на стене надпись: «Внимание! Идет землетрясение!» и донельзя усталый голос Валентина Фешина, монотонно и безуспешно повторяющего по рации:

«Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! На вулканостанции Апахончич обмороженные люди...»

И вдруг мне снова представилось :

Прифронтовой госпиталь в деревенской бревенчатой избе, линия фронта за окном и охрипший голос радиста:

«Звезда, Звезда - я Земля! Звезда – я Земля!»

2 дня и 12 часов после трагедии

Темно- зеленый МИ- 8 с красной звездой почти бесшумно буквально вывалился из круговерти метели. Дойти до вертолета самостоятельно смогли я и Водолаз, да еще Оператор, поддерживаемый с двух сторон. Остальных несли на носилках. Из иллюминатора последний раз в жизни я увидел Гору - на этот раз бесстрастную, молчаливую, в спокойствии наевшегося спящего зверя.

«Даже не попрощалась...», - вдруг подумал я.

Через час мы уже были в районной больнице посёлка Ключи.

Больница

Не хочу погружать вас в атмосферу монотонности и однообразия, связанного со сводящей с ума непрекращающейся болью пребывания в районной больнице. Бессонные ночи с бутылками фурацелина, на короткое время смягчающего боль, утренние перевязки, после которых ребята еще пару часов лежали молча, с крепко сжатыми челюстями.

Отмечу лишь беспримерное (не боюсь этого газетного слова) - да, беспримерное мужество наших лидеров: Анатолия и Капитана, которые ежедневно перенося нечеловеческие страдания, находили силы, и нужные слова, поддерживая остальных, делали примитивную гимнастику в кровати и заставляли делать ее других.

Очень скоро Оператор, верный себе, уже всю флиртовал с молодыми медсестрами.

И только Лейтенант, заросший рыжеватою щетиной, всегда лежал молча, по возможности повернувшись к побеленной больничной стене.

Отдельно хочу остановиться на персонале больницы и особенно на хирурге Иване Андреевиче Постригань. Ежедневно он совершал врачебные чудеса при крайне ограниченных возможностях районной больницы, спасая каждый миллиметр пораженных конечностей, шутил, острил, подбадривал нас как мог.

Именно ему я и Водолаз обязаны тем, что избежали ампутации. Вечная память Вам - Иван Андреевич.

Из больницы я дал родителям ну очень содержательную телеграмму:

- «Все в порядке. Лежу в больнице на Камчатке с обмороженными ногами.»

Поставьте, дорогой читатель, себя на место родителей, которые ждали меня домой на каникулы.

Возвращение

Через две недели я вернулся во Владивосток.

Возвращение нельзя было назвать легким. Как Вам описать боль в потухших глазах матери Берсенева и безмолвный вопрос в глазах его отца:

Мне так хотелось ему крикнуть:

- Да! Да! Он был лучше меня! Мне просто повезло!..Но я не мог ...

Этот же, порой неприкрытый вопрос, я ловил в поспешно опущенных глазах однокурсников:

«Почему ты здесь, а они там? Почему ты жив, а он нет?..»

Что я мог им сказать? Что? Ну а если бы я погиб вместо него было бы лучше что ли?

Только теперь я понимаю, что они впервые столкнулись так близко со смертью однокурсника, для многих - друга и товарища, с которым общались еще месяц назад.

Неприятие этого, растерянность, граничащая с испугом .

Ну и конечно, наше извечное - «Кто виноват?..»

Я действительно тогда вернулся один, и все, что случилось воспринималось только с моих слов- пока просто слов !!

Верить или не верить- непростой выбор стоял перед каждым.

Могилу для Володи копали однокурсники под руководством (Джорджа) Юры Марушко, как бы отдавая последние скорбные почести погибшему товарищу.

Работа была очень тяжелой - зима, крупные каменные глыбы, и могила была готова через три дня, за два часа до похорон. В день похорон шел снег.

Стоя рядом с гробом на открытой машине при крутом подъеме на заснеженный склон Морского кладбища, я вдруг увидел усмешку Горы, и, клянусь, она, показалось мне, сочувствующе прошептала:

- Не вини никого и себя тоже... так уж сложилось...

Вместо эпилога

*...Но спускаемся мы, кто на год,
кто совсем*

В.Высоцкий

Вскоре вслед за мной выписался из больницы и вернулся домой Водолаз – Валера Коробков. Остальные выписались значительно позже – последним Анатолий, почти через полгода.

Оператор потерял два пальца на ногах и три на правой руке. Его недоснятый фильм хранится у меня на диске.

Капитану, Дахину и Лейтенанту ампутировали четверть стопы на каждой ноге.

Анатолий Скригитиль потерял половину стопы на обеих ногах.

Уже через полтора года он опять был на восхождении !!!

Спустя год, при тяжелой для обоих встрече, Капитан кричал:

- Да, я виноват! Тысячу раз виноват! И наказан за это инвалидностью!

Но где были вы все!!

У нас же не армия!

Почему никто не возразил мне! Ни разу!

Что мог я ему сказать...

Я специально не называю виновников трагедии, как это « успешно» делали до меня, оставляя это Читателю.

Да и надо ли это?

Послесловие

Вот уже более 50 лет каждую весну я теряю ногти на правой ноге, и каждую весну, в начале февраля, мне снится один и тот же сон - заснеженный склон Горы со скальными гребнями, как черными обломанными резцами и сложенными в равнодушно- ждущую усмешку морщинами кулуаров.

Примечания

*Вулкан Ключевской- самый высокий действующий стратовулкан Евразии. Высота колеблется от 4750 до 4850 м над уровнем моря.

*Кукуль- спальный мешок , сшитый из шкур оленя, мехом внутрь. Позволяет спать в любую погоду и при любой самой низкой температуре.

*Фирн - плотно слежавшийся, многолетний, частично перекристаллизованный снег.

*Трикони - стальные зубчатые набойки на подошвы горных ботинок для альпинизма, как правило, целиком охватывающие рант подошвы.

*Кошки - металлические пластины с клиновидными зубьями для противоскольжения по ледовому склону со строповым креплением на обувь

*Связка - группа альпинистов, связанная одной страховочной веревкой.

Связка - тройка является самой надежной, но скорость её ниже, чем у двойки.

* Гипоксия - кислородное голодание - основной патологический фактор горной болезни.

Усугубляющие факторы - физическое переутомление, охлаждение, тяжелые погодные условия: мороз, ветер, бессонница.

На Камчатке в условиях морского влажного климата симптомы гипоксии могут проявляться уже на высоте 1500 метров.

*Бомбы – сгустки лавы, выброшенные при извержении, частично или полностью затвердевшие в полете.

*Конус Стеллера – побочный кратер вулкана Ключевской

В.А.Пахомов

Июль 2021, Нью- Йорк.

ГРОВОВИКИ, СЛИВНИ, СЛЕДОВИКИ И ПИСАНЦЫ... (САКРАЛЬНЫЕ КАМНИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Земля Вологодчины в четвертичном периоде неоднократно покрывалась ледниковыми щитами, медленно сползавшими со Скандинавских гор и Кольского полуострова. Край последнего Валдайского ледника совсем немного не дошёл до того места, где ныне стоит город Вологда. Конечно-моренные образования этого ледникового покрова в виде высоких глинистых холмов и песчаных гряд можно до сих пор видеть около деревни Оларёво в Сокольском районе и близ деревень Дубровское и Куркино – в Вологодском районе. Колебания климата привели в конце концов к таянию мощных скоплений льда, после чего на освободившейся поверхности земли остались в качестве отложений глина, песок, гравий и многочисленные камни... С течением времени некоторые, наиболее примечательные ледниковые валуны, стали для людей объектами почитания (сакрализации) и культа.

В знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово почитать даётся с таким пояснением: «читать, уважать, иметь почтение, уважение» [1]. Зададимся вопросом: за что же могли получить почтение и уважение от людей некоторые камни?

Все почитаемые валуны можно разделить на несколько групп:

1. Камни, имеющие собственные народные названия. Здесь нужно учитывать и такие факты, что отдельные валуны вместо народных носят имена, придуманные недавно, чаще всего – учёными-геологами или краеведами. Например, камень на реке Еденьге в Тотемском районе имеет собственное народное название Большой, но в краеведческой и научной литературе с середины XX века за ним закрепился литоним (от греческого лит – камень, оним – имя, название) Утюг. Камень близ посёлка Мирный в Вытегорском районе получил название Пирамида от первого исследователя валуна В.М. Урванова. По смутным воспоминаниям местных жителей, в старину этот камень называли тоже Большой или Чёртов, из-за небольших выемок на западной стороне валуна, похожих на следы от копыт чёрта.

2. Камни, в отношении которых существуют народные предания, зафиксированные памятниками письменности или полученные в результате полевых сборов этнографами и фольклористами. Сюжеты преданий могут быть самыми различными: о происхождении названия, о посещении камня известными людьми, о зарытых рядом или под камнем кладах, о возможности исцеления от болезней посредством магических ритуалов у камня и проч.

3. Камни, на которых имеются естественные или искусственные выемки, ступени, надписи и изображения. В народе подобные валуны носили в старину особые наименования – следовики, сливни, чашечники и писанцы.

4. Камни, расколотые на две или больше частей, либо имеющие большие трещины на своей поверхности. Некоторые из них именовались в народе громовиками, так как считалось, что расколы возникли после удара в камень молнии или в резуль-

тате вмешательства небесных божеств.

5. Камни хозяйственного назначения – межевые и пограничные. Из-за их исключительной важности для местного населения часть таких камней тоже приобретала сакральное значение.

...Недалеко от города Кадникова есть Лисьи горки – длинная песчаная гряда, наследство одного из ледниковых периодов, во время которого мощные потоки талых вод формировали новый рельеф. Лисьи горки – это след от русла древней реки, протекавшей внутри ледника. После того, как лёд окончательно растаял, русловые отложения в виде песка, гравия и отдельных крупных камней спроецировались на нижележащую поверхность земли.

На одном конце Лисьих горок высится прекрасный архитектурный ансамбль Ильинского погоста, с интересным храмом XVII века, колокольной восемнадцатого столетия и каменной церковной оградой, а у другого конца песчаной гряды пытливый исследователь-краевед может найти знаменитую Каменную Бабу. Ещё в середине XIX века в газете «Вологодские губернские ведомости» про этот камень было опубликовано предание, суть которого, в кратком изложении таково: «Когда-то жила с мужем тридцатипятилетняя женщина; им принадлежало поле, примыкающее к скату горы, в одно лето был прекрасный урожай; колосистая рожь была выше пояса; настала жатва, и женщина с другими поселянками жала созревшую зернистую рожь каждый день до позднего вечера, но в работе своей она не успевала наравне со всеми, потому что была беременна. Однажды, когда солнце было уже на закате, эта женщина, торопясь жать, просила солнышко, чтобы оно остановилось и дало бы ей окончить работу, но солнце продолжало свой путь, не склоняясь на её просьбы; тогда она произнесла несколько бранных слов и тотчас же окаменела...» [2].

Кадниковский краевед Е. Кичин, который записал это любопытное предание, в другой статье сообщал также о внешнем виде Каменной Бабы: «Значительное шарообразное возвышение, посредине которого находится естественное изображение человеческого пупа, как бы свидетельствует беременность наказанной за дерзость женщины. Длина камня одна сажень и две четверти; ширина один аршин и две четверти; высота одной половины камня полтора аршина» [3].

В языческие времена Каменная Баба была идолом для местного населения, но с приходом христианства это «поганое капище» разорили, а сам камень сбросили с вершины горы к её подножию. Поменялось даже название возвышенности – вместо древнерусского языческого топонима Лысая гора стали говорить Лисьи горки. Неслучайно и то, что новый храм, возведённый вместо бывшего капища, получил имя в честь Ильи Пророка. Ильин день, отмечаемый православной церковью 2 августа по новому стилю, приходится как раз на начало уборки зерновых на Севере, поэтому символ беременной женщины с серпом в руке был необходим в легенде. Скорее всего, подразумевалась здесь как раз богиня плодородия, готовая разродиться обильным урожаем. Путь солнца по небу также является отражением представлений наших далеких предков о солнечном божестве, неукротимо разъезжающем по небосводу на огненном колесе. За бранными словами, несомненно, скрываются языческие молитвы, заклинания. И, наконец, окаменевшая женщина в кадниковской легенде, без всякого сомнения, это сам языческий идол, болван, стоявший на вершине холма в давние времена.

Сейчас уже трудно назвать имена этих языческих божеств. Известно лишь, что святой Илья в православии часто «заменял» собой языческого Перуна – небесного бога солнца и грозы. Академик Б.А. Рыбаков писал, что во времена двоеверия на Руси священники отмечали, что люди «по украинам молятся ему, проклятому богу

Перуну» [4]. Окрестности современного города Кадникова в древнерусские времена как раз и представляли собой подобную русскую «украину», где славянские переселенцы жили чересполосно с финно-угорскими аборигенами. Женское божество из приведённой выше легенды могло олицетворять Макошь – богиню плодородия и женской доли на Руси. Другое дело, что конкретно имена Перуна и Макоши на Лисьих горках уже могли не употребляться, но русское население ещё долго хранило память о древних богах.

Каменная Баба

В настоящее время Каменная Баба лежит на опушке леса, недалеко от песчаного карьера, разработка которого на западной оконечности Лисьих горок велась не одно десятилетие. Удивительно, что почитаемый камень всё же прекрасно сохранился до наших дней, пускай и не на том месте, где было первоначальное языческое капище... Каменная Баба, судя по свидетельству всё того же краеведа Е. Кичина, была спущена с вершины Лисьих горок к их подножию раньше девятнадцатого столетия. Это деяние было следствием борьбы православной церкви с пережитками языческих верований. Впрочем, вплоть до начала XX века местные жители посещали Каменную Бабу с магическими целями. Особенно она привлекала женщин, у которых были сложности с деторождением. Считалось, что если сесть на «живот» Каменной Бабы и произнести заговор, то такая женщина обязательно забеременеет и родит здорового ребёнка...

Два самых больших ледниковых валуна в восточной части Вологодской области – камни Лось и Утюг – находятся неподалёку от старинного города Тотьма. Лось лежит прямо в русле реки Сухоны, в 110 метрах от правого и в 190 метрах от левого её берега (при среднем уровне воды), примерно в 7 километрах ниже Тотьмы. Утюг же находится на склоне долины реки Еденьга, около деревни Старовская Пустошь.

По прямой линии между Лосем и Утюгом всего 20 километров. Скорее всего, эти ледниковые «пришельцы» являются каменными «братьями-близнецами». Во-первых, и Лось, и Утюг сложены одной и той же горной породой – розовато-серым карельским гранитом. Во-вторых, параметры валунов почти точно совпадают и по весу, и по размерам: у Лося предполагаемая масса около 350 тонн, длина 6.5 м, ширина – 4.05 м, высота – 3.44 м, а Утюг весит порядка 400 тонн, длина его 10.3 м, ширина – 7.6 м, видимая высота над поверхностью земли – 1.8 м. Третья особенность роднит Лося с Утюгом больше всего. Если на географической карте соединить местоположение этих камней одной линией, а затем продолжить её дальше на северо-запад, то получится предполагаемая трасса, по которой ледниковый язык и притащил более 150 тысяч лет назад (предпоследнее Московское оледенение) эти огромные валуны на тотемскую землю.

Рядом с Лосём имеются ещё два камня – Лосёнок и Корова. Они значительно меньших размеров, чем Лось. Весной и в начале лета Лосёнок и Корова скрываются под водой, а осушаются только в летнюю межень. Как известно, лосиху охотники в старину называли коровой [5], поэтому в данном случае мы имеем дело с лю-

Камни Лось и Лосёнок

бопытной «семейной» триадой названий. К сожалению, никакого предания о возникновении этих литонимов до наших дней не сохранилось.

О происхождении названия самого Лося имеется несколько версий. Первая говорит о том, что надводная часть камня похожа на голову переплывающего через реку лося. Вторая предполагает наличие на поверхности валуна выбитого человеком петроглифа – рисунка лосиного копыта, но простейший осмотр Лося эту

сентенцию не подтверждает. Третья версия связана с возможностью использования камня как языческого алтаря, где в старину приносились жертвы богам охоты и рыболовства, а так как главным источником мяса в тайге были именно лоси, то и валуну дали соответствующее название.

В русских былинах и сказках описывается священный Алатырь-камень. Это «всем камням камень, всем камням отец, царь-камень, пуп Земли». Находится он обычно на острове, окружённом водой; на Алатырь-камне стоит церковь или некое божество. На камне приносятся жертвы, к нему обращаются с молитвами [6]... Тотемский Лось, вне всякого сомнения, тоже был языческим центром округа, сюда сходились люди в определённые дни года для того, чтобы произвести некие обрядовые действия. На камне имеется узкая трещина, пересекающая его сверху вниз. Такие трещины на других почитаемых камнях использовались «для кормления», в неё могла сливаться кровь жертвенных животных... В связи с этим Лось может быть отнесён к категории громовиков.

А ещё некоторое время камень являлся писанцем: вот как рассказывал о посещении его Петром Первым краевед Зырянин в 1852 году, опираясь на дневники царя: «Через 8 часов плавания от Тотьмы достигли Лося и остановились на берегу, расположившись на мягкой траве позавтракать. Разложили огонь, вынесли из лодки походные чайники кипятить воду, а государь с царевичем Алексеем, князьями Голицыным, Прозоровским и Меньшиковым сели в лодку и отплыли к камню, отстоящему от берега саженьях в двадцати. Вышли на камень, площадь которого имела более квадратной сажени (4.5 м² – А.К.). Государь приказал принести ковры из шлюпки, которые и постелили на камне. Пока занимались разговорами, принесли чай, который на чистом воздухе, вероятно, показался вкуснее обыкновенного, потому что Петр I говорил, что он никогда с таким аппетитом не пил чаю. Государю очень понравилось это место и он пробыл здесь более часа. Лет пятнадцать назад на камне читалась надпись о пребывании Петра, будто бы им самим вырезанная вручную; теперь не видно ни одной буквы. Весной большая льдина неслась с ужасной быстротой, наскочила на камень и оторвала ту часть его, на которой была эта надпись. Теперь на камне свободно могут разместиться пять человек» [7].

Представьте себе, если бы надпись царя Петра сохранилась до сих пор? Это была бы одна из самых привлекательных для туристов достопримечательностей в окрестностях Тотьмы.

Кроме камня Лось, на Вологодчине имеется ещё Конь-камень. Находится он, как и Лось, в русле реки Кубены (на севере Вожегодского района). Местный краевед А.А. Шустиков в 1918-19 годах совершил поездку «по захолустьям» Кадниковского уезда Вологодской губернии, о чём оставил нам интересные путевые заметки. Посетив Зубовскую волость при впадении реки Явеньги в Кубену, краевед отметил одну достопримечательность: «В Кубене неподалёку от села есть огромный камень, называемый Конь-камень, действительно напоминающий своим видом коня». Далее А.А. Шустиков упоминает старинный обычай варки общинного пива и приготовления туши быка на костре около местной Покровской церкви, расположенной в виду Конь-каменя [8]. Культ коня имелся в старину как у русского населения, так и у финно-угров.

Название камня Утюг - придумали геологи уже в середине XX века, когда проводили паспортизацию памятников природы Вологодской области. С их лёгкой руки оно закрепилось и в краеведческой литературе. В народе же этот огромный валун по-над речкой Еденьгой издавна именовали просто Большим камнем. Жители соседней деревни Старовская Пустошь Л. С. Стулова и П. А. Трошкина рассказывали о камне следующее: «Туда ходили в Троицу и по другим большим праздникам, кроме Ильина дня. Плясали прямо на Большом камне «четвёрочку», «метелицу» и «шестьёрку». Даже вставали восемь человек попарно друг напротив друга... В сторону реки на камне есть ямки. Сядешь в большую ямку, правым локотком упрёшься в маленькую ямку, а если ляжешь – то угодишь затылком в третью ямку. Были небольшие ямки и для пяток, да нарушились... Это бог на камне-то отдыхал. Если сесть в эти ямки, как надо, то можно загадать любое желание, и оно обязательно сбудется. Ещё на Большой камень были сделаны 7 ступенек со стороны леса. Раньше кругом него красивые берёзки росли...».

Про Большой камень говорили ещё много чего. Будто бы мужик под ним закопан с лошадей и плугом. Он пахал тут землю, а камень упал с неба и зашиб его за какие-то грехи. Старики баяли, что под камнем скрыт целый серебряный баран, а ещё вспоминали про гадания: поутру сверху Большой камень устилали полотенцами с вышивками, а местная старуха-колдунья ходила кругом его – по солнцу и читала заговоры и молитвы. Некоторые смелые мужики пытались рыться под камнем, думали – клад найдут. Бывало, что и костры молодёжь зажигала на поверхности Утюга по ночам и гуляла тут до утра...

Из всех этих устных рассказов можно сделать несколько выводов. Скорее всего, в языческие времена, а также в первые века христианства Большой камень был культовым центром населения деревень на Верхней Еденьге. Не вызывает сомнения посвящённость его богу-громовержцу Перуну, на что указывает важный запрет на посещение камня в Ильин день, а также сюжетный ход о падении камня с неба и наказании земледельца за нарушение табу на работу в этот день (в целом это напоминает легенду о Каменной Бабе под Кадниковым). Семь ступеней, ведущих на площадку камня, могли иметь также какое-то магическое значение, учитывая сакральный смысл числа 7 в древних традициях. В старину наши предки верили, что огромные валуны на поверхности земли или в воде представляют собой скопления божественной, непреодолимой силы, посланной свыше. Подобные каменные святилища-алтари виделись тогда посредниками между людьми и божествами, поэтому именно на них проводились разнообразные ритуалы.

Впечатляющий по внешнему виду громовик находится в Шилыковском лесу (около небольшой деревни Шилыково на реке Кубене в Сокольском районе). Камень расколот на две примерно равные части, а по разлому проходит тропа. Получает-

Камень Утюг (Большой)

деревни, можно попытаться восстановить сюжет местного предания: «Камень был расколот чёртом. Рассердившись за что-то на людей, шиликун ударил рукой по камню, разбил его на две части и заставил жителей окрестных деревень ходить по тропе через камень, тем самым поклоняясь ему».

Громовиком является и самый большой ледниковый валун Бабаевского района – Царь-камень. Найти этот камень несложно. От Бабаева нужно ехать на север, а у деревни Пальцево свернуть налево. За крайним домом деревни, на расчищенной от леса и выкошенной поляне и лежит Царь-камень. Название Царь-камень, скорее всего, появилось недавно, то ли от геологов, изучавших его, то ли от местных краеведов. Как камень именовался в старину – неизвестно. О нём есть предание: якобы валун может то погружаться в землю, то снова подниматься из неё. Это традиционный народный сюжет о «росте камней». Наши предки хотели видеть их частью живой природы, такой же, как лес, трава, звери... Царь-камень стоит отнести к категории громовиков, так как на нём есть значительные трещины. На поверхности камня очень сильны следы выветривания, видимо, ледник оторвал его где-то в Карелии со скальной поверхности и перетащил на три сотни километров южнее. По сколам на поверхности можно определить валун как кварцит с вкраплениями светлого полевого шпата.

Интересный сакральный объект имеется в западной части Тарногского района.

Камень-громовик в Шилыковском лесу

ся, что люди, идущие «сквозь камень», во время этой процедуры «очищались» или «инициировались». По всей видимости, камень раскололся ещё в толще ледника, а затем, когда лёд растаял, оказался на поверхности земли. Жалко, что никаких преданий об этом громовике не сохранилось. Лишь название деревни Шилыково при желании можно сопоставить с диалектным словом шиликун – «нечистый дух; чёрт» [9].

Объединив необычный вид камня и происхождение названия

Он лежит на крутом берегу реки Уфтыги, при впадении в неё речки Чертовицы, поэтому в старину его именовали Чёртов камень. Самое удивительное, что на поверхности валуна имеется схематичное изображение личины чёрта с двумя раскосыми глазами и длинным носом. Пока неясно, что это – случайные сколы породы на камне или искусственно высеченное изображение? По представлениям русских людей, черти – это бывшие ангелы, которые устали

славить бога, за что и были им наказаны – сброшены с неба. Кто-то из них упал в воду, кто-то – в лес, кто-то – в поле. Некоторые из чертей падали на землю уже в виде камней с особыми приметами – личинами, отпечатками стоп или ладоней [10]. Чёртов камень у деревни Слудка в Верховье Тарногского района как раз и относится к этому типу почитаемых объектов культа. Даже в наши дни в углублении на поверхности камня люди оставляют монеты, конфеты, кусочки хлеба, а это значит, что вера в древних божеств сохраняется где-то в подсознании людей до сих пор.

Царь-камень

Почитание такого персонажа нечистой силы, как чёрт, было широко распространено в старину во всех верховских деревнях на Уфтыге. Несколько лет назад в Санкт-Петербургском издательстве «Деловая Полиграфия» было выпущено в свет необычное многотомное издание под общим названием «Русские крестьяне: Жизнь, быт, нравы». В этих книгах были представлены уникальные материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, собранные в результате широкого анкетирования русского населения в конце XIX – начале XX веков.

Просматривая эту книгу, я наткнулся на необычное народное предание, записанное как раз в Верховье на Уфтыге от корреспондента В.Ф. Евфимьева. Вот этот небольшой текст: «Невдалеке от деревни Власьевской, подле проезжей дороги, есть 6 больших камней. Расположены они правильно в два ряда на пространстве в 50 квадратных саженой. По поверьям местных жителей, на этих камнях невидимо стоит воздушный дворец его темнейшества господина дьявола. В этот дворец по временам собираются черти и большие и малые (бесы), и здесь производят свои торжества и игрища. Здесь же живут некоторые из тех людей, что прокляты и похищены дьяволом. Немного подальше от дороги, позади этого воздушного замка, лежит небольшое болото, поросшее мелким кустарником и окружённое санными покосами, во все стороны от болотца невдалеке расположены деревни; болото это, по поверьям местных жителей, место тоже нечистое и в нём обитают бесы...» [11].

Оказывается, в старину жители Верховья верили, что живут рядом с дьяволом! Тем более что в материалах Тенишевского бюро названо конкретное место у деревни Власьевская и указаны приметы дворца дьявола – 6 больших камней, как будто фундамент под невидимым обиталищем чёрта.

Камень у реки Чертовицы

Понятие чёрт у русского народа более древнее; само слово ведёт начало от праславянского корня в значении «проклятый, отвергнутый», а понятие дьявол с теми же значениями появилось уже после принятия христианства.

Прошло уже больше ста лет, как князь В.Н. Тенишев начал собирать материалы по русской этнографии, но надежда на то, что камни у деревни Власьевской лежат до сих пор, ещё оставалась. В один из дней ранней весны я отправился в Верховье. По дороге было время поразмышлять над происхождением названия самой деревни, в основе которого лежит мужское христианское имя Власий. Однако известно, что святой Власий в православной церкви заменил более древнего языческого бога Велеса (Волоса), которого наши предки славяне часто изображали в виде каменных идолов на месте пастбищ скота, так как Велес считался покровителем животных. Может быть, и около деревни Власьевская в старину были такие идолы, а уже после того, как христианство взяло верх над душами кокшаров, эти камни стали символизировать жилище нечистого духа или дьявола? Но со всеми вопросами предстояло разобраться на месте...

Старая часть деревни Власьевская расположена внизу крутого склона огромного холма, поэтому огороды одного порядка домов лезут вверх, а огороды нижнего порядка расположились на ровной поверхности долины реки Уфтюги. Я обошёл все окрестности деревни в поисках каких-то следов дворца дьявола, но нашёл только несколько разрозненных больших камней. Шесть больших валунов в два ряда обнаружить так и не удалось. Известно, что в годы советской власти, когда велось расширение контуров колхозных полей, тяжёлые камни убирали с помощью техники и свозили в кучи на межах. Часть больших камней ушла на фундаменты строящихся домов, скотных дворов и телятников. Следы дворца дьявола в Верховье затерялись, но, может быть, кто-то из местных жителей ещё помнит, где находилось это место?

Встаёт также закономерный вопрос: почему черти для своего обитания выбрали именно Уфтюгское Верховье? Их не испугало даже присутствие поблизости церковного погоста, храмы которого возвышались как раз посредине между деревнями Слудка и Власьевская! При этом дворец дьявола, Чёртов камень и православный погост размещаются в округе всего в 2 версты. Е.Л. Березович из Екатеринбурга в одной из своих публикаций по топонимике проанализировала многие «чёртовы» географические названия и пришла к выводу, что чаще всего они появлялись где-то на окраинах обжитых территорий [12]. Верховье в Тарногском районе – также самое крайнее гнездо деревень в ряду, который тянется по реке Уфтыге от центра обжитой территории – Тарногского Городка.

Вероятно, к «чёртовым» камням стоит отнести и почитаемый валун у деревень Большое и Малое Чертищево в Вологодском районе. Деревни стоят на разных берегах речки Лапач, в двух километрах от большого села Погорелово. А. Попов в небольшой заметке в газете «Красный Север» в 1965 году сообщал, что на поверхности этого камня хорошо видны изображения руки и знака в виде ножниц [13]. А вот более близкие к нашим дням сведения, собранные Топонимической экспедицией Уральского университета: «Камень на реке Лапач есть, на нём чёрт след оставил – к Большому Чертищеву ступня направлена, к Малому – пальцы» [14].

Топоним Чертищево отсылает нас к почитанию в этих местах именно чёрта, следы которого в виде руки (ноги) и ножниц были нанесены на поверхность камня. Если отпечатки рук и стоп довольно часто встречаются на подобных объектах народного культа, то символика ножниц неоднозначна. У разных народов ножницы – это амбивалентный символ жизни и смерти, так как одновременно означает союз (две

части) и разрыв (нити жизни). Кроме того, в сказочных сюжетах упоминается отрезание ножницами волос у чёрта для того, чтобы после этого стать богатым...

Нужно обратить внимание и на возможную народную этимологию названия речки Лапач, так как на камне есть изображение лапы (а не человеческой руки) чёрта. Валун лежит на самом берегу речки и один бок его даже омывается водой. Это типичный следовик. При ближайшем рассмотрении на поверхности камня видны след от ноги, лапа с несколькими пальцами и какое-то изображение, которое можно трактовать по-разному (ножницы?).

Камень на берегу речки Лапач

В Сямженском районе, в группе деревень под общим наименованием Вальга, краевед А. Загоскин обнаружил полутораметровый камень с вырубленными на его поверхности двумя лошадиными копытами и двумя копытцами поменьше. Не исключено, что это признаки очередного «чёртова» капища, так как Вальга – самая крайняя обжитая волость, дальше – лишь глухие леса...

Камень Сатана в русле Сухоны находится около большого оврага Черторовина, а ещё на правом берегу реки есть высокий обрыв – Чёртова слуда и деревня Черторовино (Великоустюгский район). В русских народных говорах словом черторой издавна отмечались глубокие ямы, овраги, вымоины. Сложно пересечённый рельеф, непригодный для освоения под поля, пашни, сенокосы, по мнению простых людей, могли создать только черти, чтобы навредить земледельцам. Эти зримые проявления деятельности нечистой силы нужно было пометить особыми названиями, чтобы все православные знали об этом и к проделкам чертей были готовы заранее/

В данном случае поражает скопление «чёртовых» топонимов на небольшом пространстве. Видимо, в старину это место действительно пользовалось в народе недоброй славой, раз тут находился сам Сатана – «глава всех чертей»... Известный в своё время поэт и царедворец К.К. Случевский в книге «По Северу России» (1886) писал: «Сухону называют также Чёртовой рекой: нес будто бы чёрт орехи в решете, просыпал, и орехи обратились в камни и попадали в Сухону» [15]. Здесь явно прослеживаются следы древнего мифа о великанах, создававших первичную Землю. Судя по всему, камень-одинец Сатана и был тем самым окаменевшим чёртом из предания, ведь ниже по течению до самого устья камней на Сухоне больше нет. В словаре В.И. Даля есть любопытное замечание о том, что «нежить – это особый раздел духов, это не пришельцы с того мира..., только Водяной образует какой-то переход к нечистой силе и нередко зовётся шутлом, сатаной» [16]. Значит, камень мог олицетворять собой главного сухонского Водяного.

Не меньший интерес представляет и тот факт, что всего в 30 верстах выше по течению Сухоны был Нижне-Ерогодский погост (ныне деревня Лодейка), с которым связана мистическая история о девице Соломонии, которой в 1659 году неоднократно являлись сатана и демоны в обликах прекрасных юношей, «сквернили её и

Камень Сатана в реке Сухоне

уходили». Причём, как сказано в «Повести о Соломонии бесноватой», демоны эти были водяные. Таким образом, народные предания о сатане, живущем в Сухоне, у местных жителей были широко распространены в старину.

Писанцев на Вологодчине не так много. Есть Писаный камень в Верховажском районе, в 4 километрах к юго-востоку от села Верховажье. Его грани явно обработаны, выровнены, а

на них можно видеть многочисленные рисунки и надписи. Среди петроглифов есть похожие на восходящее солнце, заштрихованные треугольники, кресты, деревья. Надписи в основном представлены датами, именами и фамилиями XIX – XX веков. Существует также легенда, что раньше камень стоял вертикально, но местные жители подкопали его в поисках клада и он упал на бок в вырытую яму. В настоящее время изображения Писаного камня интерпретировать каким-то образом уже не представляется возможным. И дело здесь не в смысле надписей и рисунков, а нужно ответить на вопрос: «Зачем всё это выполнялось?» Как и в случае со следовиками, писанцы брали на себя роль проводников-посредников между людьми и божествами. Нанося рисунки и надписи на поверхность камня, верховажцы общались таким образом с божественной силой.

В газете «Красный Север» от 4 августа 1965 года есть сведения ещё об одном писанце: «Охотники из Вытегры рассказывали, что видели камень, на котором высечен целый комплекс изображений» [17]. Этой строчкой все сведения о данном почтительном камне заканчиваются. Где он находился, что на нём было изображено, так до сих пор и неизвестно. Учитывая тот факт, что за прошедшие 50 лет многие деревни и посёлки в Вытегорском районе заброшены людьми, надежда найти этот писанец уже невелика...

На юге Тарногского района, неподалёку от деревни Тиуновская, в долине небольшой речки Коржа (левого притока Тарноги) находится ещё один интересный исторический памятник – Крестовый камень. Честь открытия и научного описания этого замечательного валуна с петроглифами принадлежит краеведу А.А. Угрюмову и вологодскому археологу И.Ф. Никитинскому. В начале 1980-х годов они опубликовали в тарногской районной газете «Ленинец» опросник для читателей с целью выявления неизвестных ранее археологических памятников. Местные жители в числе прочего сообщили и о Крестовом камне с рисунками и надписями, лежащем в лесу за деревней Тиуновской. Результаты своих исследований И.Ф. Никитинский опубликовал уже в целом ряде научных и краеведческих сборников, издал отдельную книгу [18].

Действительно, на поверхности камня выбито много православных крестов, есть рисунки, среди которых предположительно можно идентифицировать дерево, церковь, фигуру человека, какое-то животное (олень?). Надписи же очень плохо читаются. Одна из них – «Поиде ко Маркуше»; но буква «и» между «о» и «д» либо стёрлась, либо изначально была процарапана на камне слабо.

Что означает эта надпись? Её можно напрямую связать с текстом из старинной жалованной грамоты от 1587 года об отводе Агапитовой пустыни «порожных земель», где говорится: «...лесу пашенного от Николы деи чудотворца с Маркуши до Коржи реки четыре версты, да по Корже вниз на Тарнагу реку...» [19]. А Крестовый камень как раз и находится на склоне долины речки Коржа! По всей видимости, в какой-то промежуток времени этот валун выполнял роль межевой грани, а надпись «По-иде ко Маркуше» означала, что эти земли отходят во владения Маркушева Агапитова монастыря. Тем более, что рисунок рядом с этой надписью явно представляет собой изображение православной церкви (монастыря), внутри ограды которой стоит, скорее всего, сам основатель пустыни – Агапит! Интересно, что на лице и теле этого монаха имеются значительные сколы – так местное население выразило свою ненависть к этому религиозному дельцу, ведь из истории обители известно, что за свою жадность реальный Агапит был убит кокшарами, а его тело сброшено в реку Уфтьюгу близ деревни Каликино (Якушевская) в Заборье. На камне же Агапита «убивали» уже повторно!

Крестовый камень

До XVI века камень за деревней Тиуновской вполне мог исполнять роль русского языческого святилища, но монахи постарались «обратить» его в православную веру, выбив на нём несколько крестов (отчего валун и получил современное название), изображения церкви, Агапита и ряд надписей, подтверждающих своё право на эти «порожные» земли. Впрочем, Крестовый камень раскрыл ещё не все свои тайны.

Некоторые почитаемые камни хранят в себе пережитки культа животных, в частности медвежьего культа, широко распространённого во времена Древней Руси в таёжной зоне. По раскопкам поселений мерян и русичей на просторах вокруг Ярославля и Вологды, почитание «хозяина тайги» ярко проявляется в многочисленных находках: например, в изображениях глиняных медвежьих лап. К слову здесь вспомнить камень без особого названия, но связанный с преподобным Павлом Обнорским.

Согласно житию, он родился в Москве в 1317 году и прожил, якобы, как ветхозаветные патриархи, 112 лет среди глухих Комельских лесов (ныне – Грязовецкий район) [20]. На одной из хромофотографий середины XIX века святой Павел изображён сидящим на камне в окружении лесных птиц и зверей, которые едят прямо из его рук. Следы этого почитаемого православными людьми камня затерялись бы при советской власти, когда Павло-Обнорский монастырь был превращён последовательно в детский дом, санаторий и пионерский лагерь, но в наши дни о нём вновь вспомнили. К камню ведёт небольшая тропа через еловый лес на крутом склоне долины реки Нурмы. Рядом есть два источника с целебной водой, за которой люди приезжают издалека. Внешне валун очень похож на лежащего медведя (особенно хорошо выделяется морда зверя), поэтому и был в древности лесным идолом, к которому несли подношения охотники - меряне и русичи.

Вообще, нужно отметить, что монаха Павла с его необычным поведением отшельника и аскета в XIV веке редкие тогда местные жители могли рассматривать,

Камень Павла Обнорского

как заместителя языческого духа лесов – лешего. Ведь Павел три года провёл в дупле старого липового дерева у речки Грязевицы и, как говорилось выше, сидя на почитаемом камне, любил кормить диких зверей. Монах Сергей, придя к Павлу в его пύстыню, увидел такую картину: «Стаи птиц вились вокруг Павла, иные из них сидели на голове и на плечах; тут же стоял медведь, ожидая пищи от пустынножителя; лисицы, зайцы и другие звери бегали вокруг, не нападая друг на друга» [21]. Некоторую параллель с этим можно найти в сведениях о сказочном персонаже Николе

Дуплянском, который тоже жил в дупле и дружил с лесными обитателями. По мнению авторов «Мифологического словаря», Никола Дуплянский был как раз православной реминисценцией лешего [22].

Из камней-сливней заслуживает внимания Великий камень близ города Кадникова. В переписной книге 1678 года по Пельшемской волости Вологодского уезда значится деревня Великий Камень [23]. Название её не просто редкое, оно уникально – в пределах всей современной Вологодской области ничего подобного больше нет!

После XVII века деревня Великий Камень регулярно появлялась на всевозможных картах и в списках населённых пунктов. В перечне 1926-31 годов отмечено, что в деревне Камень-Великий (в таком виде тогда был зафиксирован топоним) Кадниковского сельсовета Свердловского района Северного края было 9 дворов [24]. Любопытно, что на некоторых картах XVIII – XIX веков деревня подписывалась как Дикий Камень. «Дикий», по толковому словарю В.И. Даля – «природный, не обработанный человеком», а значение слова «великий», кроме всем известного «очень большой» [25], в старину могло иметь связь с административной функцией. В той же Пельшемской волости была деревня Великий Двор (в нескольких верстах южнее Великого Камня) – центр старинной боярской вотчины. Великий (Дикий) камень, лежавший близ деревни, мог выполнять роль межевого знака этого земельного владения.

Вариант деревенского названия Дикий Камень нужно считать народным топонимом, а Великий Камень – официальным. Первый употреблялся в основном в устной речи людей, а второй – на страницах различных документов.

Нужно было поехать на место и искать этот Великий, или Дикий, камень. Не мог же он исчезнуть бесследно? Сама деревня была заброшена после Великой Отечественной войны; в 1970-х годах поля вокруг неё подверглись мелиорации, вместо старой грунтовой дороги построено новое асфальтированное шоссе до Замошья. Никаких следов от деревни ныне не осталось. Поля, заросшие высокой травой, – не лучшая территория для поисков камня, но, тем не менее, поиски закончились удачно. Камни мне стали попадаться сразу: сначала один, под старой берёзой, потом второй – побольше, и с чёткими гранями (что как раз бывает у межевых знаков), дальше – камень на берегу речки Литовки метровой длины, но всё это не подходило под название Великий (Дикий) камень. И вот, наконец, в зарослях засохшей крапивы, показался тот самый Великий камень, который и дал название деревне. Судя

по всему, он лежал некогда на окраине деревни, не так далеко от упомянутой выше речки.

При осмотре выяснилось, что в верхней части камня есть продолговатое углубление, где собирается дождевая или талая снеговая вода. Следовательно, это камень-сливень. Воду с него в старину брали для лечения различных болезней. Кроме межевой функции у него была и роль почитаемого камня. Второе название Дикий подтверждается тем, что грани у найденного ледникового валуна острые, на камне есть резкие впадины и выступы. В самом деле, он не обработанный; рука человека не касалась поверхности камня.

Великий (Дикий) камень

Найденный вновь Великий (Дикий) камень – замечательный природный и исторический памятник. Его нужно охранять и взять на государственный учёт подобных объектов.

Ещё один Дикий камень в старину существовал в Великом Устюге. Сведения о нём сохранились в публикациях дореволюционных краеведов. Так, В. Лебедев в 1914 году писал: «Основатель Михайло-Архангельского монастыря преподобный Киприан нашёл в окрестностях города некий Дикий камень, величиною с человеческую голову. По преданию, прокатывая этот камень по земле, Киприан указал быть монастырской ограде и, кроме того, этот камень возбуждал подвижника к бодрствованию: он держал его в руках, чтобы его тело не предавалось неблагоприятной дремоте, а во время сна он полагал его себе в возглавие. Ныне этот камень лежит на гробнице преподобного Киприана» [26].

Камень Киприана устюжане и паломники из других городов и весей использовали даже для лечения разных болезней. Поверхность почитаемого валуна скоблили железными предметами, а полученный песочек смешивали с водой и принимали с молитвами внутрь. Похожая история со «съедобным» камнем зафиксирована в Песочном монастыре Вологодского уезда. Вот как об этом рассказывал краевед И. Шадрин в публикации 1897 года: «Раньше здесь, на берегу Кубенского озера, был густой сосновый бор, сухая и песчаная местность. Явление чудотворной иконы Успения Богоматери было поводом к основанию монастыря. Икона была найдена на камне, на котором, по преданию, приплыла по озеру. Ныне камень хранится в тёплом храме за правым клиросом, в устроенном для него ящике. Верующие камень этот скоблят и с песку пьют воду или даже просто грызут его от зубной боли. Цветом камень беловато-серый, мелкозернистый» [27].

В XX веке следы обоих «съедобных» камней затерялись, а старинное почитание их было связано, конечно же, с верой людей в «божественное» происхождение этих природных объектов. Люди считали, что частицы камней в виде песочка или же вода, омывающая их, помогают от болезней.

Широко известный следовик находится на вершине горы Маура в Кирилловском районе. Предание связывает его с именем то ли основателя местного монастыря, преподобного Кирилла, жившего на рубеже XIV – XV веков, то ли Богородицы.

Уроженец Москвы, монах Кирилл, решил поискать уединения на таёжных просторах Севера, куда и предпринял путешествие со своим спутником Ферапонтом. В поисках места для будущей православной обители они поднялись на высокий холм у реки Шексны, откуда была видна широкая панорама окрестностей. Якобы стоя на горе Мауре, Кирилл и выбрал для себя место пустынножительства у озера Сиверского.

На камне виден довольно условный отпечаток ноги, или даже несколько следов. Около валуна прежде были построены часовня и поклонный крест, восстановленные и в наши дни. До сих пор бытует мнение, что если встать своими босыми ногами на отпечатки и загадать желание, то оно сбудется. Надо отметить, что это общая практика для всех следовиков, хотя в старину смысл этого ритуала был несколько иным: соединение со следом бога или святого означало прикосновение к божественной силе и мистическое общение с ней. Известны также следующие ритуалы у камней-следовиков: сбор дождевой воды из углублений и умывание ею; смачивание в этой воде полотенце и утирание ими; употребление воды внутрь с целью лечения различных болезней. Связь следовиков с более ранними языческими божествами русского народа установить уже сложно, если нет каких-то этнографических данных или сведений из памятников письменности...

В 1982 году вологодский краевед П.А. Терехов обратил моё внимание на то, что в детстве он видел ещё один камень-следовик на месте старинной Арсениево-Одигитриевой пустыни, стоявшей на реке Масляной (правом притоке Вологды). От монастыря к началу XX века уже ничего не осталось, но богомольцы приходили туда, чтобы поклониться Богородичному камню, на поверхности которого было небольшое углубление, «как будто кто-то посидел». Бабушка, с которой маленький Паша Терехов ходил на Масляную, сказала: «На камне сидела Яитра, отдыхала на пути в Кириллов». Яитрой воложане называли богоматерь Одигитрию, превратив этот трудный для русского языка мифоним в более простое и легко произносимое имя [28]. При сборе материала учёными в конце XX века в том же Вологодском районе был записан следующий рассказ: «Недалеко есть у нас Святой Колодчик. Шла она, Яитра, божья мать, мимо, устала, попить захотела. На камнях остались от неё следочки: на один камень она наступила, на другой опёрлась – ладошка отпечаталась» [29]. Святой Колодчик находится к югу от деревни Омогаево бывшего Елегонского сельсовета Вологодского района, в истоках речки Еленьги. В годы советской власти его пытались уничтожить: разобрали деревянную часовню, работники сельсовета лили в ключ керосин... Недавно Святой Колодчик восстановили, и люди вновь потянулись к месту, где, по преданию, отдыхала Богородица...

Любопытно, что в обеих приведенных выше легендах о Яитре говорится, что она шла в сторону Кирилло-Белозерского монастыря. Путь этот вёл почему-то через самые глухие места водораздела Шексны и Кубенского озера, в обход населённых волостей. Очевидно, в народных представлениях богоматерь выбрала этот путь с той целью, чтобы простые смертные не смогли её увидеть. Тем не менее, по следам на камнях люди догадались о существовании богородичного пути, обнаружили места отдыха Яитры и сделали их культовыми. Само слово Одигитрия переводится с древнегреческого как «путеводительница». Таким образом, народный термин Яитра не случайно связан с идеей пути, движения в заданном направлении.

Итак, из легенд известен конечный пункт путешествия богородицы – Кириллов монастырь на Сиверском озере и две остановки – на реке Масляной и у Святого Колодчика. Возможно, были и другие места отдыха. Так, известен следовик на берегу озера Соренского, которое находится как раз посередине между двумя предыду-

Камень из деревни Волосово

За три века в Никольском-Заболотье (старинное название села) были выстроены церкви, дворец, а на речке Малаховке появились плотины и пруды. Крепостные крестьяне высадили сотни деревьев и кустарников разных пород, создав прекрасный парк, сохранившийся до наших дней. Среди аллей были насыпаны искусственные горки. Одна из них носит название Каменная. На неё свозили крупные камни со всех окрестностей Никольского. Один из камней сразу бросается в глаза антропоморфными (или зооморфными) формами.

Сохранилось устное свидетельство, что этот древнерусский идол был привезён в парк из соседней деревни с характерным названием Волосово. Следовательно, камень мог быть изображением бога Велеса (Волоса) – покровителя домашних и диких животных – которому поклонялись местные жители.

В этом очерке речь шла, конечно, не обо всех сакральных камнях Вологодской области. Сборы сведений о них продолжаются.

Фотоснимки и рисунок автора.

Примечания

- [1]. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 2000. – Том 3. – С. 371.
- [2]. Кичин Е. Основание города Кадникова и его окрестности. // Вологодские губернские ведомости. – 1865, № 14. – С. 115.
- [3]. Кичин Е. Окаменелая баба под Лисьей горой. // Вологодские губернские ведомости. – 1843, № 6. – С. 59.
- [4]. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. – М.: Наука, 1993. – С. 392.
- [5]. Словарь русских народных говоров. – Вып. 14. – Л.: Наука, 1978. – С. 350.
- [6]. Мифологический словарь. – Гл. ред. Мелетинский Е.М. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 28-29.
- [7]. И. С. Л. Тотма. Путевые замечания в 3 письмах. – Лучи. 1853, № 7. – С. 10-11.
- [8]. Шустиков А.А. По захолустьям Вологодской губернии: Путевые заметки. // Вожега: Краеведческий альманах. – Вологда: Русь, 1995. – С. 162.
- [9]. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка... – Том 4. – С. 652.
- [10]. Мифологический словарь... – С. 611.
- [11]. Русские крестьяне: Жизнь, быт, нравы. – Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Том 5: Вологодская губерния; часть 4: Тотемский, Усть-

- сысольский, Устюжский и Яренский уезды. – СПб.: Деловая Полиграфия, 2008. – С. 96.
- [12]. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – С. 237-246.
- [13]. Попов А. Знаки на камнях. // Красный Север. – Вологда, 1965, 4 августа. – С. 4.
- [14]. Березович Е.Л. Русская топонимия... – С. 244.
- [15]. Случевский К.К. По северу России. – В 3 томах. – СПб., 1886-1888.
- [16]. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка... – Том 2. – С. 533; Том 4. – С. 141.
- [17]. Попов А. Знаки на камнях. – Красный Север (Вологда). 1965, 4 августа. – С. 4.
- [18]. Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище. // Культура Русского Севера. – Вологда, 1994. – С. 29-60; Никитинский И.Ф. Тиуновское святилище – школа кокшаров XV века. – Вологда: Древности Севера, 2007.
- [19]. Сборник грамот коллегии экономии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – Том 2. – Стлб. 660.
- [20]. Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых. – Вологда, 1880. – С. 232 и далее; Суворов Н. Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии. – Вологда, 1866.
- [21]. Воскресенский А. Преподобный Павел Обнорский, вологодский чудотворец, и основанная им Свято-Троицкая общежительская обитель. – СПб, 1912. – С. 22.
- [22]. Мифологический словарь... – С. 398.
- [23]. Водарский Я.Е. Вологодский уезд в XVII в.: К истории сельских поселений. // Аграрная история Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – С. 342.
- [24]. Список населённых мест юго-западных районов Северного края. – Архангельск, 1931. – С. 94.
- [25]. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка... – Том 1. – С. 447.
- [26]. Лебедев В. От Вологды до Ульянова монастыря, на дальнем севере у зырян. // Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. – Кострома, 1914. – С. 67.
- [27]. Шадрин И. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, что на Песочном, Вологодского уезда. – Вологда, 1897. – С. 6-7, 24.
- [28]. Березович Е.Л. Русская топонимия... – С. 324.
- [29]. Березович Е.Л. Русская топонимия... – С. 308.
- [30]. Сотная 1544 года из писцовых книг Ф.Ф. Хидырщикова и Г.Л. Клементьева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде. – Публ. Л.С. Прокофьевой. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1972. – С. 186;
- [31]. Мерцалов А.Е. Исторические мелочи. // Вологодские епархиальные ведомости. – Вологда, 1900, № 20. – С. 504-505.

Виктор НОВИКОВ,
художник,
исследователь славянорусских традиций

СЕВЕРНОВЕЛИКОРУССКАЯ ПРЯЛКА, ЕЕ ЗНАКИ И ЗНАМЕНА

Одним из интереснейших явлений в русском народном искусстве стали деревянные ручные прялки – древнейшие приспособления для изготовления пряжи. И хотя в процессе прядения основную роль всегда играло веретено, именно прялке суждено было стать символом женского рукоделия, а в обобщенном смысле – и символом женской доли. Вся жизнь русской женщины была так или иначе связана с прялкой. Еще в пятилетнем возрасте ее сажали за маленькую скромную детскую прялочку, на которой она выпрядала свою первую нить. Впоследствии эту нить нередко использовали в качестве оберега. Так, например, перед свадьбой мать опоясывала ею свою дочь-невесту по голому телу, чтобы уберечь ее от порчи и сглаза. За годы девичества она должна была наткать и на прясть столько, чтобы хватило и на приданное, и на красивый костюм, и на подарки родным. Для того чтобы «привязать» новорожденную девочку к рукоделию, пуповину ее обычно перерезали на веретене.

Доминирующую роль играла прялка на знаменитых «посиделках» или «супрядках». Церемонии посиделок подробно описаны в этнографических материалах, из которых видно, что к играм и танцам молодежь обычно приступала только после того, как иссякали «уроки», то есть принесенная из дому кудель для пряжи. Причем в некоторых случаях девушки прибегали к хитрости: «Некоторые славнухи ... украдкой приносят с собой уже готовую пряжу, так как заботливые матери каждый раз у возвратившейся с посиделки дочери осматривают, много ли на пряла за вечер; а в иной веселый вечер, между тем, не удастся и пряслицы – то в руки взять.» [1. с. 133]

По своей конструкции северновеликорусские деревянные ручные прялки делились на корневые (копылы) и разъемные (составные). И те, и другие состояли из двух главных частей – вертикальной лопасти, на которой укреплялась кудель, и горизонтального донца, на котором сидела пряха. Корневые прялки вырезались из целого куска дерева: донце из корня (копыла), лопасть из «прямизны» (древесного ствола).

Почти все северновеликорусские прялки относились к этому древнейшему типу.

Первоначальную классификацию северновеликорусских прялок привел в своем знаменитом альбоме А. А. Бобринский. [1. с. 10] Он разделил их на восемь типов: шесть по географическим признакам и два – по технике обработки. В. С. Воронов также принял за основу классификацию А. А. Бобринского, но изменил некоторые названия и сократил количество типов прялок до семи: ярославский, вологодский, ярославско-костромской, архангельско-вологодский, поморский, мезенский и тверской. Авторы каталога «Русские прялки» (Л., 1971) предпочли более длинный список: городецкие, ярославские, костромские, новгородско-петербургские, тверские, вологодские, олонецкие, северодвинские, мезенские, полгорские.

В глубокой древности северновеликорусских прялок не приходится сомневаться, хотя прорезные узоры и росписи на них появились значительно позже. Наиболее ранние прялки были покрыты трехгранновыемчатой резьбой – одним из самых древних видов резьбы по дереву, мотивы которой уходят в глубокие языческие времена.

Описывая декоративные узоры северновеликорусских прялок, многие исследователи делали предположения относительно их языческого содержания, однако сопоставить их напрямую с русской мифологией и попытаться расшифровать древнейшую символику этих узоров отважился только В. М. Василенко. Именно он впервые сравнил одну из часто встречающихся форм северновеликорусских прялок с таинственным образом богини Мокоши: «Эти

Рисунок 1.
Севернорусские прялки

Рисунок 2.
Севернорусские прялки

Рисунок 3.
Севернорусские прялки

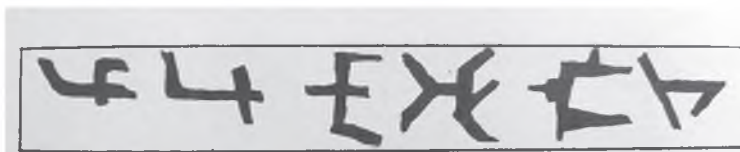

Рисунок 4.
Севернорусские прялки

прялки поразительно похожи на схематизированную женскую фигуру и вызывают в памяти фигуры богинь на северных полотенцах I половины XIX века.

... Можно предположить, что перед нами образ (правда, уже достаточно зашифрованный) загадочной славянской богини Мокоши, богини, охранявшей женский труд, а после принятия христианства передоверившей свои права и обязанности Параскеве Пятнице». [2. с. 80]

Лаконичность формы, художественная красота орнамента, архаическая древность особенно трехгранновыемчатой резьбы на лопасках север-

норусских прялок привлекали внимание многих авторов изучающих предметы крестьянского искусства. Меня, как художника – исследователя особенно интересуют

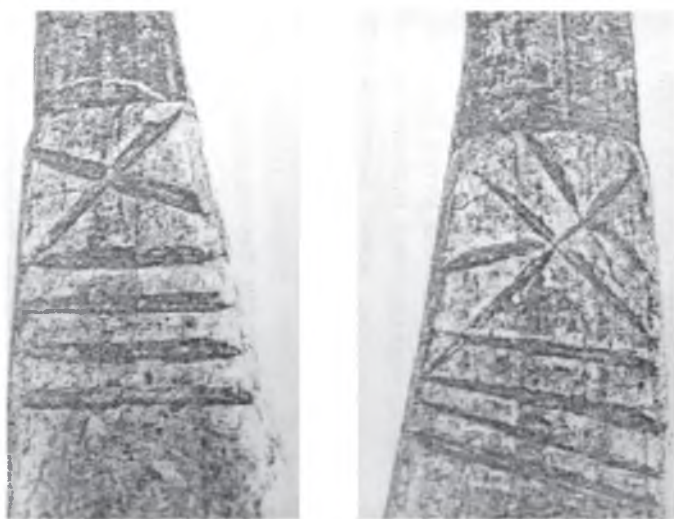

Рисунок 6. Грани ножки с насечками – знаменами из д. Воробино Феропонтовского сельского Совета

древние знаки на предметах народного быта. Как-то, будучи на этюдах в глухой вологодской деревушке, я обратил внимание на пометки-засечки на некоторых деревьях. Старожилы объяснили мне, что каждый из них имеет свой особый знак – «затёс», которым помечает все, что принадлежит этому человеку и его семье. Это «знак меня», то, что мы называем «знамена», «знаменья». Заинтересовавшись этой темой, я выяснил, что обычай ставить вместо имен и фамилий семейные, родовые знаки, очень древний. Некоторые знаки стали родовыми – свидетельством о принадлежности к определенному

роду и племени. С появлением частной собственности, эти знаки стали личными и семейными. Назывались эти знаки по-разному: «огородные знамена», т.е. огражденные знаки, «бортные знаки» - у владельцев лесных ульев, «знаменья», «затёс», «тамга» - (по терминологии XVII в.), и они легли в основу первоначальной русской резьбы по дереву. Вид их, все так же знакомый нам по терминологии XVII века, – «рубжи», «границ», «соха вниз рогами», «курья лапка» и т. п. Отмечены они в исторических документах с XII века, и вот я был свидетелем этого древнего обычая в наши дни.

Знаки эти отражали основное занятие населения: у охотников – это схематические изображения животных и птиц, у крестьян – орудия труда, предметы крестьянского обихода. Вырубали их топором, двумя – тремя зарубками, поэтому самый сложный знак выглядел схематичной геометризированной фигурой. Так, например, соха имела вид угла, фигуры людей и животных – вид прямых линий. Самыми распространенными знаками были: «грань» - крестом и «рубеж» - прямой чертой. Отсюда произошли наши обозначения «границы» и «рубеж». Интересный материал об этом собрал в конце девятнадцатого века ученый – этнограф П. С Ефименко в северновеликорусских губерниях России.

Каждая семья, сообщал он, имела свой родовой знак, передававшийся из поколения в поколение. Это те же кресты, углы и птичьи лапы, но больше всего «рубежей», вырезанных в разных направлениях.

Рисунок 7. Бортные знаки

Сыновья сохраняли знак отца, причем младший сын, который, по обычаю, наследовал отцовский дом, получал знак без изменений, а остальные к основному знаку прибавляли дополнения «отпятки».

В селе Ракуле Холмогорского уезда жил крестьянин Чудинов, у которого родовым знаком был крест. У него было четыре сына. Младший сын остал-

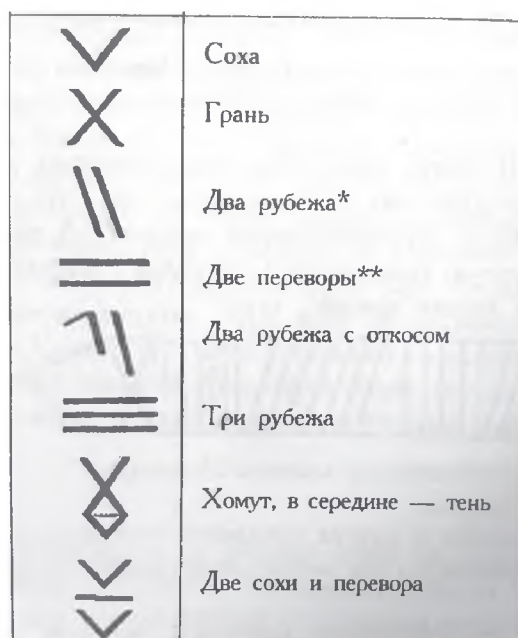

Рисунок 8. Родовые знаки- «знамения». XVII век

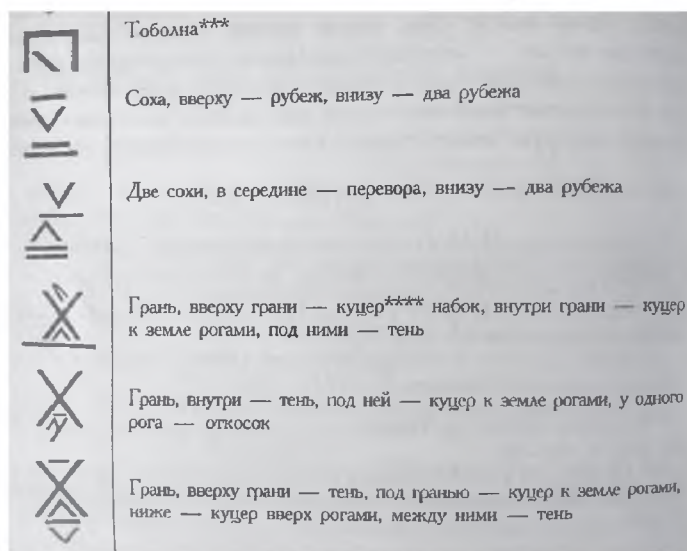

Рисунок 9. Родовые знаки- «знамения». XVII век

Один из них прибавил черточку – «отпяток» от креста слева, другой – справа, а третий – наискось.

Женщины не имели права наследования, поэтому у них не было своих постоянных родовых знаков. У дочери до замужества был тот же знак, что и у отца, а после – знак мужа.

В Государственном Историческом музее хранится бердо – деталь ткацкого станка с семью разными родовыми «знаменами». Семь раз он передавался по наследству от матери к дочери, и каждый раз ставился знак нового «хозяина» - мужа.

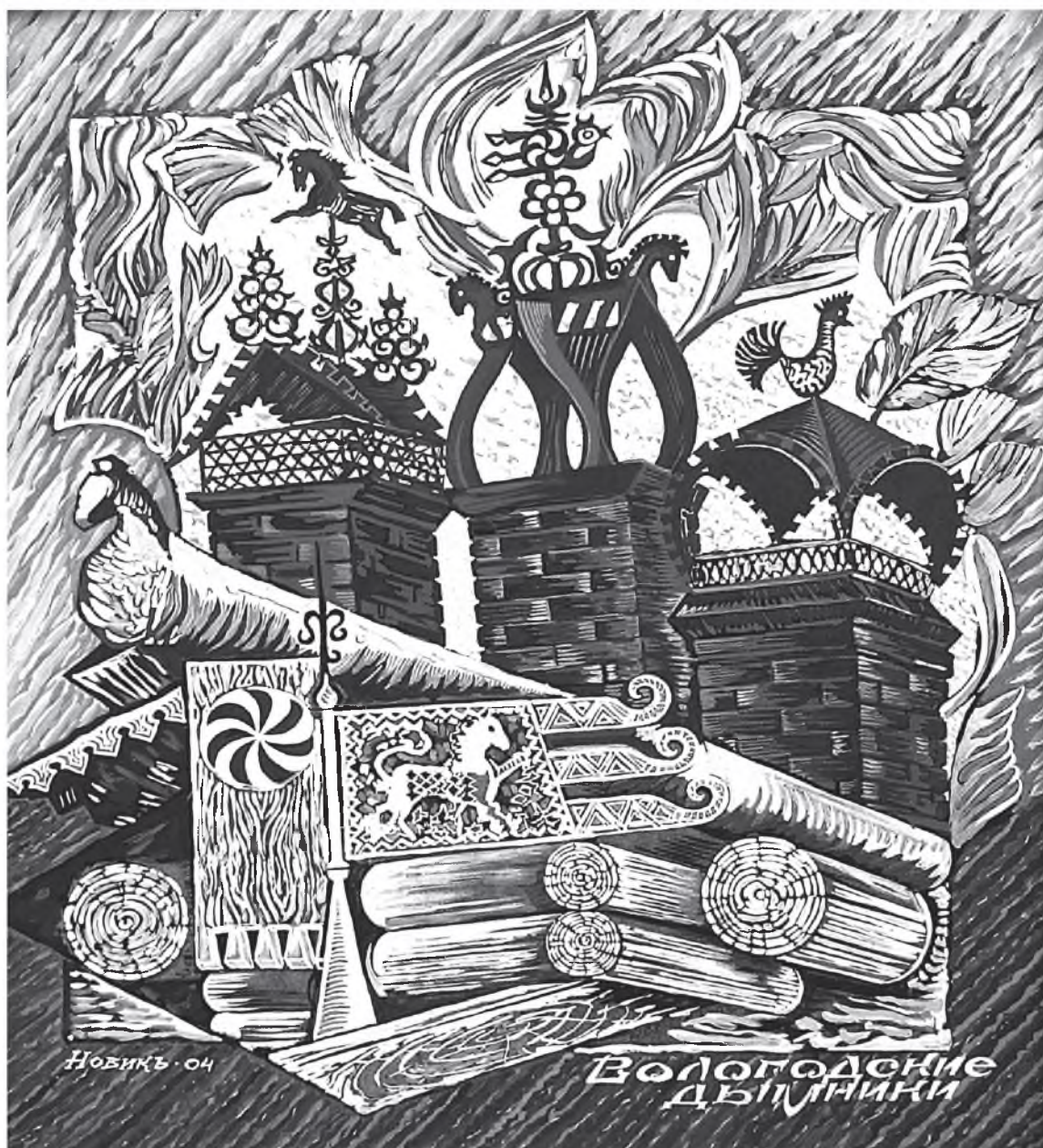
Такой же обычай существовал и при наследовании важнейшего символа женского рукоделия – прялки. Сотрудник Музея фресок Дионисия М. А. Алексеева отмечает, что из 125 прялок музейной коллекции 40 имеют насечки на боковых гранях ножек, состоящие из ряда элементов: насечки горизонтальные и наклонные («рубежи»), косые кресты («границы») и др.

На прялке из деревни Воробино Ферапонтовского сельского Совета на обеих боковых сторонах ножки видны симметричные насечки, расположенные в следующем порядке: одна горизонтальная насечка, косой крест, под ним – четыре наклонные насечки (один «рубеж» вверху, «грань», четыре наклонных «рубежа» внизу). На другой стороне ножки на кресте нанесены две «опятки» - к кресту добавлены насечки: одна исходит из середины креста горизонтально влево, вторая пересекает правую верхнюю составляющую креста («грань», на «границы» - две «опятки», вверху – «рубеж», внизу четыре наклонных «рубежа».

При работе над этой статьей я испытывал много затруднений. Материалов о родовых знаках опубликовано крайне мало. Несколько десятков родовых знаков, датированных 1654 – 1678 годами, приведены в публикации П. И. Иванова, помещенной в «Известиях императорского археологического общества» за 1861 год. [4. т. 2.с. 102-111] Кроме того, материалы, опубликованные в XIX веке, опираются, в основном на знаки касающиеся лесных угодий с «бортным уходом», но встречаются они и на других предметах крестьянского обихода, в частности прялках, о чем я и попытался рассказать.

Литература.

1. Бобринский А. А. Народные русские деревянные изделия. Вып. 1, М., 1910.
2. Василенко В. М. Народное искусство, М., 1974.
3. Дилакторский П. А. Святочные шалости в Пельшемской волости Кадниковского уезда. – этнографическое обозрение 1898. №4.
4. Иванов П. И. О знаках, заменявших подписи в Древней Руси. «Известия императорского археологического общества. М., 1861. Т. 2.

ЗНАМЯ РАССКАЗ

Природа надумала вместе с людьми отметить праздник весны и труда – Международный День солидарности трудящихся – 1 Мая. До этого стояла серая, промозглая апрельская погода: с остатками грязного снега, лужами, беспрерывно сеющим мелким туманным дождем и неумелой ксилофонной игрой капли на старой, проржавевшей водосточной системе. И вдруг, как по заказу, перед майскими небо прояснилось, веселое яркое солнце прошлось по всем закоулкам жаркой метлой, прибрав и приукрасив город к предстоящим праздничным дням. Птичье многоголосье брачных песен слилось в единый свадебный хор. Робкая зелень ожила, радостно прорастая из своей колыбели в детство и юность, не заботясь и не переживая неизбежную осеннюю старость.

Колонна Треста горпродснаба формировалась возле Клуба нефтяников. Виктор пришел на демонстрацию один. Жена осталась дома – в комнате общежития с маленьким Никиткой. Сотрудники и коллеги Треста дружно подтягивались к месту сбора. Праздник встречали в приподнятом настроении: во-первых, лишний выходной день, во-вторых, все соскучились по ярким солнечным дням, по свету и теплу. У женщин на лицах оттаяли улыбки, а мужчины громко смеялись над свежим анекдо-

том. Кто-то уже успел «принять» и тут же предлагает выпить самогона из охотничьей фляжки или сделать глоток-другой прямо из «горла» бутылки с «паленой» водкой.

Виктор отказался. Он не был закоренелым трезвенником, но и не хотел сегодня расстраивать жену, которая, как только он вернется домой, тут же учует хмельной запах. Заедай не заедай лаврушкой – все равно узнает. Не хотелось провоцировать очередной скандал, тем более, что они договорились отметить Первомай по-семейному: втроем или с родителями, если те надумают навестить их в общежитии.

Парторг, Андрей Николаевич, сразу определил, кого можно поставить во главе колонны нести знамя. Выбор пал на трезвого Виктора.

- Выходим с улицы Ленина, идем до Малой Коммунистической, - в который уже раз объяснял парторг, маршрут трестовской колонны, - сворачиваем на Советский проспект, вливаемся в общую городскую колонну и двигаемся вместе со всеми мимо главной трибуны.

- «Ура» кричать? – спросили из подогретой мужской компании

- Кричать. На призывы с трибуны кричать обязательно, – пояснил Андрей Николаевич.

- Ура! Ура! Ура! – без всяких призывов заорали мужики.

Парторг, не обращая на них внимания, подошел к Виктору.

- А тебе, Виктор, - доверительно начал он, - поручаем самое святое – нести наше знамя впереди колонны. Знамя из актового зала! Переходящее знамя министерства, завоеванное нашим Трестом. – с чувством гордости и ответственного доверия парторг многозначительно всматривался в глаза Виктора. – Справишься?

- Чего тут, справлюсь. Как говорят: «Спасибо за доверие».

- Внимание! – парторг снова призвал толпу сослуживцев выслушать новое объявление. - После прохождения демонстрации все транспаранты, плакаты и портреты членов Политбюро занести к Кооперативной улице. Там, в тупике, будет ждать автобус.

- «Буханка,» – уточнил шофер с транспортной базы.

- Не «Буханка», а УАЗ-452, – поправили своего коллегу.

- Да, да, наш автобус. В него сложите всю наглядную агитацию и можете идти по домам. Праздновать. Только не забывайте об антиалкогольной кампании. Помните: «Трезвость – норма жизни!»

Не вступая в полемику, парторг демонстративно отвернулся к Виктору и еще раз напомнил об ответственности за переходящее знамя министерства: - Ты, Виктор, не потеряй его, сразу же занеси на Кооперативную улицу и сдай в автобус.

- Да что вы, Андрей Николаевич? За кого вы меня принимаете?

Многоликая красочная колонна трудящихся медленно продвигалась по Советскому проспекту. Между соседствующими колоннами городских организаций, соблюдая общий ритм движения, ехал нарядный грузовик с лозунгом по бортам: «Перестройка – продвижение великих свершений Октября!» Над кузовом грузовика возвышалась большая фанерная конструкция серпа и молота. В руках демонстрантов встречались красные бумажные гвоздики, флажки и флаги, дети на плечах родителей махали надувными шариками. Динамики с центральной трибуны эхом разносили на несколько кварталов: «Да здравствует демократия, перестройка и гласность!»

- Ура! – отвечала праздничная колонна.

- С праздником, Первого мая товарищи! Слава КПСС - вдохновителю нового

политического мышления!

- Ура! Ура!

- Приветствуем работников Треста городского продовольственного снабжения – многократного победителя социалистического соревнования! Ура, товарищи!

- Ура! Ура! Ура!

Виктор выпрямился, крепче сжал древко знамени и, как олимпийский знаменосец, вытянул руки вперед. Тяжелое бархатное полотнище ласково гладило его по щеке. Коллеги рядом, не переставая, кричали: «Ура».

Наконец-то они миновали главные городские трибуны с главными городскими начальниками, механически приветствовавшие своими ладошками, как щетками автомобильных стеклоочистителей, демонстрацию трудящихся.

Виктор скрутил знамя и, держа древко через плечо, направился к автобусу – «буханке». Его товарищи как-то быстро растворились и разбежались, скрывшись в соседних подворотнях и переулках. Древко знамени давило на плечо, и он только сейчас понял, чего ему стоил «выпендрей» перед трибунами. Он устал. Виктор зацепился глазами за спину впереди идущего работника треста, тоже несущего через плечо два портрета членов Полибюро на фанерных щитках с деревянной ручкой. «Почему два? – подумал Виктор. - Наверно, кто-нибудь дал ему донести свой плакат до автобуса на Кооперативной,» - успокоился он. Работник треста свернул в один проулок, в другой, прошел между домами, и оказался во дворе новеньких многоэтажек. Неожиданно для Виктора он подошел к мусорным контейнерам, оставил возле баков портреты и скрылся в подъезде одного из высотных домов.

Это была не Кооперативная улица. Куда занесло Виктора и как отсюда выбраться, - он не знал. Но как говорится: «Язык до Киева доведет». С горем пополам он добрался до тупика на Кооперативной улице, но автобуса там уже не было. Решение занести знамя в Трест самостоятельно - напрашивалось само собой. Путь до конторы неблизок и знамя то и дело разматывалось, свисая со спины. Праздные люди, встречающиеся ему на пути, весело кричали вслед: «Ура! С Первомаем!».

Двери конторы были наглухо закрыты на все замки. Виктор направился к вагончику проходной базы Треста ГПС, где должен дежурить сторож. В вагончике, кроме сторожа, оказалась пьяная компания из трех посторонних человек.

- Знамя принес? – недовольно спросил сторож. - Давай его сюда...

- Не бойсь, не пропьем.

- А интересно, сколько за такое знамя выручить можно?

- Пять лет! Охренел? Оно бесценно!

- «Шел под красным знаменем командир полка.

Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый стелется по сырой траве...» - запел тягучим голосом один из собутыльников.

Виктор развернулся и, не вступая с пьяной компанией в пустые разговоры, вышел из вагончика вместе со знаменем. После всего увиденного он не решился оставить знамя у сторожа и принес его домой, к себе в общежитие.

Пролетели три дня выходных.

Виктор, убегая с утра на работу, не вспомнил про знамя, которое стояло у него в комнате, в дальнем углу платяного шкафа. Не вспомнил про него и на работе до того момента, пока их всех не пригласили после обеда зайти в актовй зал на представление коллективу нового директора Треста. На прежнего директора ОБХСС завели дело, и его, от греха подальше, до судасняли с должности директора. Трест долгое

время работал без главного руководителя, и вот, наконец, к ним прибыл новый назначенец от Министерства.

- Жучок! Еще одного жучка прислали, – глядя на низкорослого полноватого мужчину с узкими заплывшими глазами на круглом лощеном лице, мужики сразу припечатали новому директору прозвище.

- Товарищи! – начал собрание главный инженер. - Головное министерство проводит ротацию кадров, и в руководство нашим Трестом назначен опытный руководитель Георгий Константинович Головки!

Виктор удивлялся тому, что никто из присутствующих ни в зале, ни на сцене не обращает никакого внимания на пустую стеклянную тумбу, в которой обычно и находилось министерское знамя.

«Жучок» повторял первомайские лозунги, ставил перед коллективом задачи, и страдал, но никто его не боялся.

На следующий день Виктор вернул знамя на предприятие и лично вставил его в стеклянную тумбу в актовом зале.

Старой метле все дальние углы знакомы, ну а новая метла по-новому метет. Кому-то нравились новые порядки Георгия Константиновича, кому-то нет, но все без исключения были довольны появившейся в тресте традиции: получать подарки к праздникам. Знал директор, как наш человек любит проявление внимания к своей особе, и неожиданно свалившуюся в руки «халяву». Кто-то считал, что продовольственными пакетами с колбасой, чаем, мылом и сигаретами на такие праздники, как Новый год, Первое мая и Октябрьские, директор просто подкупает коллектив. А кто-то думал, что так оно и надо, так и положено по закону во времена нового экономического мышления.

Георгий Константинович начал свою деятельность с перестройки собственного кабинета. Были заказаны и привезены из столицы мраморные плиты для пола, кафель, панели, новая сантехника, кожаные кресла и диваны. По спецзаказу на местной мебельной фабрике изготавливалась корпусная офисная мебель. Бригада отделочников занималась штукатуркой стен приемной, кабинета секретаря, кабинета директора, комнаты отдыха и кабинета главного бухгалтера.

Мастер бригады отделочников доложил об окончании штукатурных работ. Директор лично устраивал приемку завершения каждого этапа ремонта кабинетов.

- Ну, как дела? – весело спросил он у штукатуров.

- Все закончили.

- Посмотрим, посмотрим... На беглый взгляд все качественно.

- Мастерство не пропьешь, – в тон ему шутливо ответил штукатур.

- А вот здесь что за волна?

- Дак, товарищ директор, - оправдывался мастер, - дак она же совсем маленькая, незаметная. В сантиметр всего-то будет. Сойдет и так.

- Вы какой ремонт делаете? Как в вашей заявке написано?

- Евроремонт.

- Не бывает ремонта ни Евро, ни Советского, никакого! Бывает только нормальный ремонт с правильно выполненными работами. Еще бы вы мне как в колхозном клубе панели темно-зеленой краской выкрасили. Тогда совсем ваша халтура незаметна станет. Все переделать заново! И чтобы никаких волн больше не было.

И так во всем. Директор со всех требовал «правильной» работы, часто подкре-

пляя фразой: «Я человек конкретный!»

Работники Треста поговаривали: «Мягко стелет, да жестко спать».

- «Конкретный» всех уже конкретно задолбал!

Кто-то, а Виктор на директора обиды не держал, наоборот, благодарен ему. Их было семь человек посланных от Треста на уборку картофеля в пригородный совхоз. Было холодно. Пальцы на руках одеревенели от сырой земли и грязной картошки. Только у костра, с печенной в углях картошкой и выпитой водкой прошла мелкая, знобящая дрожь по всему телу. Когда их привезли в город, Виктора угораздило уснуть на автобусной остановке. Проснулся он в «воронке» спецмедслужбы. Ничего не помогло: ни мольбы, ни уговоры, ни задабривания – «телегу» с вытрезвителя доставили на работу. По этому поводу парторг собрал планерку, пришли бабы с бухгалтерии, профком Треста, и стали они все вместе решать, какое наказание применить к Виктору. «Ты, - говорит парторг, - человеческий облик потерял! В то время, когда вся страна под руководством коммунистической партии борется с алкоголизмом, тебя угораздило попасть в медицинский вытрезвитель!» - «Андрей Николаевич, - оправдывался Виктор, - Вы же знаете, я не пью. Так получилось». – «Бьют не за то - что пьют, а за то - что попадают!» отрезал парторг. И наказали Виктора по «полной катушке». Лишили квартальной премии, тринадцатой зарплаты, объявили выговор «с занесением», вывесили фотографию на стене позора и... И отбросили в очереди на квартиру назад аж на тридцать номеров!

Виктор вернулся с работы в общежитие, в комнату шестнадцати квадратных метров, в которой они уже прожили шесть с половиной лет. Жена только взглянула на него, все поняла без слов и зарыдала в голос, Никитка, не понимая, что случилось, заплакал, прижавшись к маме. Виктор тоже не смог сдержать слез. Устраиваясь на работу в Трест, Виктор встал в очередь на квартиру тридцатым по списку. И вот, когда он вошел в первую пятерку по списку на квартиру, придется начинать все с начала.

Что делать? Пошел к директору, все ему объяснил, и Георгий Константинович «конкретно разрулил» ситуацию. Выговор «с занесением» - отменил, в очередь на квартиру восстановил, лишил квартальной премии, а тринадцатую зарплату не тронул. Через полгода Виктор получил заветный ордер и ключи от двухкомнатной квартиры в новой «панельке» на памятной Кооперативной улице. Задерживаться в Тресте он не стал, написал заявление по собственному желанию и, по приглашению старого приятеля, устроился к нему в «ЧП». Рекламный слоган: «Частное предприятие – честного предпринимателя» - фирмы старого приятеля звучал, чуть ли не из каждого утюга и красовался, чуть ли не на каждом заборе. На деле же оказалось, что честность приятель понимает однобоко, и Виктор довольно скоро ушел от него. Надо было устраивать комфортное жилье в пустой квартире, и он ударился в «челночный» бизнес, но это уже совсем другая история.

В ту пору еще можно было попасть на прием к директору без предварительной записи и многочасового ожидания в новой европриемной. Давно сложившееся представление о том, что трест существует для коллектива трудящихся в нем работников, не устраивал Георгия Константиновича. Трест городского продовольственного снабжения он воспринимал как свое личное «хлебное поле», на котором не может существовать множества мелких «частных владений». И, как нельзя кстати, к этому времени страна сорвалась с зажимов, порвала узды и радостно понеслась на сво-

боду, на дикуую волю-вольную. Старт забегу был дан во время стыдливого ночного спуска государственного красного знамени СССР в Кремле.

Георгий Константинович вместе с главной бухгалтершей корпел над бумагами по акционированию Треста. Уборщица Клава, широко открыв дверь кабинета, прихватив с собой ведро и швабру, не глядя по сторонам, вошла и от неожиданности замерла на месте. Она не ожидала, что директор до сих пор находится на работе.

- Ой, извините, Георгий Константинович, я думала вы давно ушли.

- Ничего, ничего. Мы скоро заканчиваем. А вы пока сходите в актовый зал, достаньте там знамя со сцены, сложите его и принесите мне в кабинет. Мы к этому времени освободимся.

- Хорошо, Георгий Константинович, – и, оставив у дверей свой инвентарь, уборщица ушла выполнять указание директора.

Не прошло и недели, как на общем собрании коллектива Треста большинством голосов было принято решение об акционировании предприятия. Каждый работник теперь «имел» свои акции, с чем и согласился, ставя подписи в общей ведомости. Трест с этого момента стал называться по-другому – ОАО «Продукты. Опт и розница», а Георгий Константинович – Генеральным директором. Те, кому было позволено побывать в кабинете у Генерального, обратили внимание на произошедшие изменения. На стене, где раньше висела фотография генерального секретаря КПСС, теперь это место занимал большой живописный портрет маршала Георгия Константиновича Жукова. Профессиональный художник изобразил его во всех орденах и регалиях на фоне парада Победы на Красной площади. Художник выбрал самый яркий, кульминационный момент парада, когда в парадном строю воины-победители бросают к стене Мавзолея знамена поверженной фашистской Германии.

- Жора, давно тебя хотела спросить...

В кабинете, за столом, сидели друг против друга директор ОАО и небольшого роста женщина – в меру полноватая, в меру молодящаяся, круглолицая, светловолосая, с умными вдумчивыми глазами. Это была главный бухгалтер Треста, а ныне соучредительница ОАО «Продукты».

- О чем, душка? – нарочито шутливо переспросил он ее так, что было непонятно, первая звук звучал как «д» или как «т».

- Жора, опять! Хотела спросить, зачем ты здесь повесил картину Жукова, а не портрет Президента?

- Не думай, не из самомнения. Моего отца звали Константин, а он боготворил маршала Победы, ну и назвал меня в честь его – Георгием. Я вот подумываю о следующем нашем шаге. Надо приватизировать все акции Треста и создать из бывшего ОАО - ЗАО - закрытое акционерное общество с широким спектром торговли, и тогда можно будет назвать наше ЗАО «Победа». Вот и картина будет к месту.

- Не слишком ли громкое название для обычной торговой фирмы?

- Не слишком. Наша фирма будет не совсем обычной, а сетевой, и название у нее будет не совсем «Победа», а «Виктория».

- Другое дело.

- Кстати, о названиях. На днях предприниматель Вагин регистрировал свое «ЧП». Я его спрашиваю, как оно будет называться? И он на чистом глазу отвечает: «ЧП Вагина», - «А ударение, - говорю, - не на последнем слог?»». Смотрит на меня, как баран на новые ворота, ничего не понял.

- Фу, Жора! – женщина не сдержала усмешки, но тут же вернулась к прежней теме. - С приватизацией, я думаю, все будет проще. Главное дело сделано, списки составлены.

- Да, вот тебе за работу, – по гладкой поверхности стола Георгий придвинул в ее сторону толстый запечатанный конверт. – Надо это дело отметить.

Бутылка шампанского салютовала им мягким пробковым хлопком с легкой газовой дымкой. Георгий сразу разлил пенящийся напиток в высокие бокалы.

- Ну, будем! – с хрустальным звоном они чокнулись и выпили.

- Будем? – хитро прищурившись и соблазнительно улыбаясь, переспросила женщина. - Будем?

- Ну, давай будем, закрепим, так сказать, договор...

- Только на твоём кожаном жестком диване никакого комфорта. Можно мозоли натереть, хоть бы подстелил что-нибудь для женщины...

- Подстелить? Что подстелить? А вот, пожалуй, лучше всего подойдет...

Георгий Константинович открыл дверцы стеклянного шкафа, взял с полки аккуратно сложенное, бархатное полотнище переходящего знамени министерства, неоднократно завоеванное трестом Горпищеснаба, и устелил им кожаный диван...

ЭПИЛОГ

Ушла страна, ушло время вперед к личному комфорту, к разобщенности, к утрате идеалов и общественных ценностей. Время комфорта прибирало людские тела, разбрасывая их по пляжам морских и океанских побережий, пристегивало к автомобильным креслам, огораживало глухими заборами дворцы и хижины, делило и разделяло семьи, убивало и калечило. Время комфорта справляло свою победу над легковверными, наивными людьми, поверившими в его надежность и постоянство.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СВЕТ

РАССКАЗ

К празднику старушки подготовились основательно. Матвеевна напекла пирогов: один с брусникой, другой с малиной, заправила доверху лампу, на несколько раз помыла стекло, насухо вытерла его газетой. Нюра сделала запеканку с грибами, принесла домашней малиновой наливки.

Матвеевна села на своё привычное место под иконами, Нюра – напротив. Поющий от не до конца прогоревших углей самовар поставили на краю стола так, чтобы обе могли дотянуться до ветки крантика.

- Ну, с Рождеством Христовым тебя, Нюра! – подняла рюмку с наливкой Матвеевна.

- И тебя с праздником!

Выпили, взяли по куску теплой еще запеканки.

- Первый раз мы вот так-то вдвоем Рождество отмечаем. Да еще впотьмах.

- Да хватит тебе, Нюрка, плакаться-то! Все ты всем-то недовольна. То пенсия у тебя маленькая, то вот, вишь ли, свет на зиму отключили.

- Дак а чему радоваться-то? Вон летом, пока электричество было, по телевизору кажинный день только и говорили, что жить стало лучше, что больше половины населения говорят, что живут счастливо. Матвеевна, скажи, а где тут оно, счастье-то? Вот остались мы с тобой в деревне вдвоем, ни свету, ни радива, ни дороги путной. Хорошо хоть Колька на своем беларуси попроведать наежжает да и ковшом дорогу разгребет, а то ведь случись што, никому к нам и не попасть...

- А случись што, дак никто и не узнает, - поддакнула Матвеевна. – Телефон-то как зарядишь? Степан осенью, что сказал – мол, начальство распорядилось свет отключать, когда дачники разъедутся. Нерентабельно, мол, линию обслуживать, когда у вас двоих только сто рублей в месяц нагорают.

- Вот-вот! - обрадовалась Нюра, что подруга ее поддержала. – На всем экономят, ироды. Раньше пенсию домой приносили, а теперь в поселок самой топать надо.

- Дак и зачем тебе тут деньги-то? Все одно автолавка только летом приежжает, целее будут за зиму-то. Муки да сахару мы с тобой по мешку закупили, кипрея на два года засушили, грибов да ягод до нового урожая хватит, наливка вон тоже своя, чо еще надо-то?

- Да так-то оно так... Просто обидно, что брошены мы с тобой тут всеми. Пока телефон работал, хотя бы дети да внуки с праздником поздравляли, а тут вот сидим, как две клуши, ни звонков, ни писем, ни открыток поздравительных.

- Ну, и кто бы поперся пешком за десять километров тебе эти открытки сюданести? – резонно спросила Матвеевна.

- Дак вот я то и говорю.

- Не вспоминай лучше. Меня вон старшая ишшо осенью, когда свет-то был, просила справку из сельского поселения взять, что я у нее на иждивении. Она как на пенсию-то вышла, дак там какие-то льготы есть, если ешшо иждивенцы имеются.

А куда я с клюкой-то? Да мне четыре километра до дороги не доковылять, да и там околотить можно, пока попутки дожدهшься.

- Это как посмотреть, кто у кого на иждивении, – возразила Нюра. – Ты им пенсию-то свою, поди, целиком отдаешь.

- Дак а как иначе-то? Внуки вон ипотеку какую-то взяли, квартиру купили. И то, мыслимо ли дело: шестером в двухкомнатной жили. А сама-то ты разве мало своим помогаешь? И сено на продажу косишь, и из лесу всего полными корзинами таскаешь. Нам-то на двоих много ли надо?

- А чо бы и не таскать, коли лес вон за огородами начинается, – будто оправдываясь, вставила Нюра.

- Хорошо тебе, Нюрка, ты вон ишшо молодая...

- Всего-то семьдесят пять, – со смехом перебила Нюра.

- Вот я и говорю: молодая ишшо. Я же на десять годков тебя старше. Вот доживешь до моих-то лет, поглядим... Ну, я-то точно не погляжу, но ты потом мои слова вспомни.

- Да, хорошо бы в твои-то годы да эдакое здоровье иметь. Ты вон одной картошки сколько растишь. А огород! По осени внуки возами увозят.

- А сама?

- Дак вот я и говорю, самим-то нам много ли надо. Все им, все им... Детушки бы сыты-обуты были. Тут летось-то по телевизору слышала, будто налоги на огорды вводить будут. Ну на картошку там, на капусту и на все, что растим. Денег, мол, в бюджете на пенсии не хватает, вот новый налог и придумали. Как потом жить-то будем?

- А я знаешь, о чем всё больше и больше думаю? Прибрал бы Господь, да чтобы без канители, чтобы не болеть. Не дай Бог, если слягу! Подумать и то страшно! Кому я немощная нужна буду?

Видать, Колька добавил в солярку бензина больше, чем надо бы – Матвеевна дотянулась до потрескивающей лампы и подкрутила фитиль. И вдруг ахнула:

- Нюрка, ты погляди, што на улице-то творится! Озарило-то как все! Дак это же Боженька всё небо озарил! – и трижды перекрестилась, повернувшись к иконам. Потом вдруг встрепенулась: - Нюрка, а не пожар ли случаем? Сбегай-ко на улицу, посмотри там. Да хочее, што ты копаешься-то!

Нюра набросила привезённую дочерью изрядно потертую по краям и на обшлагах норковую шубу, сунула ноги в валенки и вышла на крыльцо. На столбе посреди улицы ярко горел электрический фонарь. Не веря своим глазам, вернулась в дом и стала включать свет во всех комнатах. Казавшийся до этого ярким свет настольной керосиновой лампы сразу стыдливо потускнел.

- Матвеевна, свет дали! – радостно, чуть ли не во весь голос закричала Нюра.

- Да сама вижу, не слепая, – скрывая вдруг выступившие слезы радости, заворчала Матвеевна. - Сподобил Господь на Рождество Христово.

После работы Колька с мужиками хорошо отметили Рождество и пошли по домам к женам и детям продолжать праздновать. Колька завернул в магазин, взял бутылку и отправился в противоположную от дома сторону, туда, где жил электрик Степан. На кухне выпили по стопке.

- Колька, ты же не просто так ко мне с бутылкой пришёл, – заедая соленым огурцом выпитое, прямо спросил Степан, - Говори прямо, что надо?

- Степан Иванович, дай бабкам свет. Пусть на Рождество порадуются.

- Ты часом не перебрал? – посуровел Степан. - Линия с осени отключена, мало ли там дерево где упало, провода оборвало или еще что.

- Да какое дерево, Степан Иванович?! Ветров-то совсем не было. Ну, сделай бабкам праздник.

- Да поди спят давно твои бабки, что им там в темноте-то делать?

- Ну, Матвеевна-то точно не спит. Наверняка сидит под иконами и свои церковные книги читает. Ну, включи рубильник! Я же тебе не отказываю, когда ты меня просишь то одно привезти, то другое. Пойдем, а!

- Ну, ты банный лист! Ладно, пойдем. Но учти, если что случится, меня премии лишат, ты ее из собственного кармана компенсируешь.

- Договорились, Степан Иванович! – обрадовался Колька и наполнил рюмки. - Давай за стариков наших!

Быстрым шагом дошли до подстанции.

- Лишь бы не коротнуло, – с тревогой в голосе сказал Степан и включил рубильник с надписью «Радужное».

- Ну, не коротнуло? – с опаской спросил Колька.

- Коротнуло. Вот здесь, – и Степан Иванович большим пальцем правой руки постучал себя по груди в области сердца.

Содержание

Колонка редактора	2.
Лицо номера	4
Ольга Фокина, «Моя родословная (детские годы)»	5
Владимир Корюкаев, «Родник севера. Поэтический мир Ольги Фокиной».. ..	16
Виктор Борисов, «Из дневников встреч и событий. Писатели».....	22
Александр Соколов, «Штрихи к портрету».....	26
Ольга Фокина, «Приветы из лета 2021», Новые стихи.....	28
Марина Кошелева, «Рубцов и космонавты»	32
Владимир Лупачев, «Я весь в мазуте и тавоте... » О тралфлотовском периоде жизни Поэта Н.М. Рубцова	35
Сергей Кувшинов, «Дмитрий Ширяев основатель Музея Н.М. Рубцова в г. Дзержинске»	47

Андрей Смолин, «Притяжение судеб», (Заметки из рабочей тетради Литературного критика).....	61
Александр Соколов, «Обзор литературно-краеведческих Конкурсов проходивших в 2020 – 2021 гг., В Вологодской области»	73
Искусство «Ярославская художница из Вологды»	84
Геннадий Сазонов, «Пред «вечным камнем», Современность и наследие Х. С. Леденцова».....	85
Геннадий Сазонов, «Был лично скромн...» Беседа с академиком Николаем Леденцовым.....	92
Леонид Вересов, «Опаленный войной» Творческий (прижизненный) портрет Поэта С. С. Орлова по передаче Череповецкого телевидения 1973 года	94
Алена Крымова, «В прошлом я иль современен?» К 80-летию Вилиора Иванова.....	99
Надежда Фирстова, «Баба яга», Повесть (журнальный вариант).....	103
Владимир Пахомов, «Гора», Хроника одного восхождения	129

Александр Кузнецов, «Громовики, сливни, Следовики и писанцы...» (Сакральные камни В Вологодской области)	149
Виктор новиков, «Северновеликорусская прялка, Ее знаки и знамения».....	166
Виктор Борисов, «Знамя», рассказ	171
Леонид Иванов, «Рождественский свет», рассказ	178

*Региональная общественная организация
«Вологодский Союз писателей-краеведов»*

АВТОГРАФ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

*Журнал отпечатан за счет предоставления субсидии
Правительством Вологодской области.*

Уважаемые читатели, выход в 2022 году следующего номера журнала «Автограф» зависит от добровольной спонсорской финансовой поддержки. Редакция будет благодарна перечислению любой суммы в Банк «Вологжанин» на счет Союза писателей-краеведов. О способе зачисления средств можно узнать, позвонив гл. редактору журнала В. А. Борисову по телефону 8-921-234-52-74 или написав на эл. адрес: vik53bor@mail.ru. Редакция обязуется всем добровольным помощникам предоставить номер журнала

12+

Формат 60x84/8. Заказ № 97.
Усл. печ.л. 23. Тираж 200 эк.

ИП Киселев А.В.
г. Вологда, ул. Преображенского, 4